

ОПУБЛИКОВАТЬ СТАТЬЮ

в изданиях НИЦ "Социосфера"

[ПОДРОБНЕЕ](#)

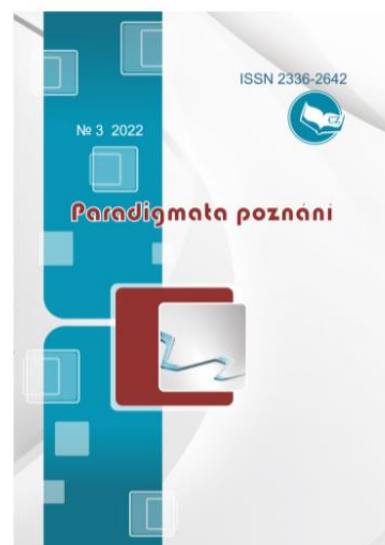
СОЦИОСФЕРА

- *Российский научный журнал*
- *ISSN 2078-7081*
- *РИНЦ*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным наукам*

PARADIGMATA POZNÁNÍ

- *Чешский научный журнал*
- *ISSN 2336-2642*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СБОРНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ

- *Широкий спектр тем международных конференций*
- *Издание сборника в Праге*
- *Публикуются материалы по информатике, истории, культурологии, медицине, педагогике, политологии, праву, психологии, религиоведению, социологии, технике, филологии, философии, экологии, экономике*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

ISSN 2078-7081

Научно-методический
и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

№ 1 2021

УЧРЕДИТЕЛИ
ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
Самарский государственный социально-педагогический университет

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин
кандидат исторических наук, доцент

Международная редакционная коллегия

А. С. Берберян, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения)
В. Н. Гончаров, доктор философских наук, доцент (Ставрополь, Россия)
И. Г. Дорошина, кандидат психологических наук, доцент (Пенза, Россия)
Е. Кашпарова, PhD. (социология – Прага, Чехия)
У. Р. Кушаев, (DSc) доктор философских наук (Ташкент, Узбекистан)
Д. Танцошова, PhD. профессор (экономика – Братислава, Словакия)
Н. Ц. Христова, PhD., профессор (история – София, Болгария)
Н. А. Хрусталькова, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия)

Международный редакционный совет

Н. Арабаджийски, PhD., профессор (экономика – София, Болгария)
А. Ю. Большакова, доктор филологических наук (Москва, Россия)
С. Н. Волков, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия)
Л. Е. Гринин, доктор философских наук, академик РАЕН (Волгоград, Россия)
В. В. Кондрашин, доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия)
В. М. Минияров, доктор педагогических наук, профессор (Самара, Россия)
М. П. Мохначева, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия)
М. Сапик, PhD., доцент (философия – Кутна Гора, Чехия)
Л. Цибак, PhD., MBA (экономика – Братислава, Словакия)

Рецензенты

М. А. Антипов, кандидат философских наук, доцент (Пенза, Россия)
Д. В. Ефимова, кандидат психологических наук, доцент (Пенза, Россия)
Л. И. Найденова, доктор социологических наук, профессор (Пенза, Россия)
Н. В. Саратовцева, кандидат педагогических наук, доцент (Пенза, Россия)
О. Ю. Шиманская, кандидат филологических наук, доцент (Минск, Беларусь)
С. В. Ямщиков, кандидат исторических наук, доцент (Дубна, Россия)

Рецензируемый научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует статьи по философии, культурологии, филологии, психологии, педагогике, социологии, праву, истории, экономике и другим социально-гуманитарным дисциплинам, а также методические разработки учебных и воспитательных занятий.

Журнал индексируется в наукометрических базах:

- Электронная научная библиотека (Россия)
- Directory of open access journals (Швеция)
- Open Academic Journal Index (Россия)
- Research Bible (Китай)
- Scientific Indexing Services (США)
- Global Impact Factor (Австралия)
- Cite Factor (Канада)
- International Society for Research Activity (ISRA)
- Journal Impact Factor (JIF) (Индия)
- General Impact Factor (Индия)
- Infobase Index (Индия)
- Scientific Journal Impact Factor (Индия)
- Universal Impact Factor

Импакт-фактор

- РИНЦ – 0,075
- Global Impact Factor – 1,721

ISSN 2078-7081

© ООО Научно-издательский центр
«Социосфера», 2021.

© Самарский государственный
социально-педагогический университет, 2021.

ISSN 2078-7081

Scientifically-methodical
and theoretical journal

SOCIOSPHERE

№ 1 2021

THE FOUNDERS
The science publishing centre «Sociosphere»
Samara State Social and Pedagogical University

The chief editor – Boris Doroshin
candidate of historical sciences, associate professor

International editorial board

A. S. Berberyan, Doctor of Psychological Sciences, professor (Erevan, Armenia)
V. N. Goncharov, Doctor of Philosophy, assistant professor (Stavropol, Russia)
I. G. Doroshina, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
E. Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic)
U. R. Kushaev, (DSc) Doctor of Philosophy (Tashkent, Uzbekistan),
J. Tancoshova, Ph.D., professor (Economics – Bratislava, Slovakia)
N. Ts. Khristova, Ph.D., professor (History – Sofia, Bulgaria)
N. A. Hrustalkova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Penza, Russia)

International editorial council

N. Arabadzhiski, Ph.D., professor (Economics – Sofia, Bulgaria)
A. Yu. Bolshakova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia)
S. N. Volkov, Doctor of Philosophy, professor (Penza, Russia)
L. E. Grinin, Doctor of Philosophy, academician of RANS (Volgograd, Russia)
V. V. Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, professor (Penza, Russia)
V. M. Miniyarov, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Samara, Russia)
M. P. Mokhnacheva, Doctor of Historical Sciences, professor (Moscow, Russia)
M. Sapik, Ph.D., assistant professor (Philosophy – Kutna Hora, Czech Republic)
L. Cibak, Ph.D., MBA (Economics – Bratislava, Slovakia)

Reviewers

Mikhail A. Antipov, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor (Penza, Russia)
doc. **Diana V. Efimova**, CSc. (docent v oboru psychologie – Penza, Rusko)
Ludmila I. Najdenova, Doctor of Sociological Sciences, professor (Penza, Russia)
Nadezhda V. Saratovtseva, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
Olga Yu. Shimanskaya, Candidate of Philological Sciences, assistant professor (Minsk, Belarus)
Sergey V. Yamshchikov, Candidate of Historical Sciences, assistant professor (Dubna, Russia)

Peer-reviewed scientific and methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes articles on philosophy, philology, psychology, pedagogy, sociology, law, history, economics and other social and human sciences, and also methodological manuals of training and educational activities.

The journal is indexed by:

- Electronic Research Library (Russia)
- Directory of Open Access Journals (Sweden)
- Open Academic Journal Index (Russia)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- Global Impact Factor (Australia)
- Cite Factor (Canada)
- International Society for Research Activity (ISRA)
- Journal Impact Factor (JIF) (India)
- General Impact Factor (India)
- Infobase Index (India)
- Scientific Journal Impact Factor (India)
- Universal Impact Factor

Impact factor of the journal

- Russian Science Index – 0,075
- Global Impact Factor – 1,721

ISSN 2078-7081

© The science publishing centre «Sociosphere»,
2021.
© Samara State Social and Pedagogical University,
2021.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Nursaidova M. Sh. Courage of Uzbek people in resistance movement.....	9
---	---

ФИЛОСОФИЯ

Афинская З. Н. К вопросу об общественной значимости науки.....	13
Иванов Е. М. Наука и идеализм.....	17

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ

Цюндык В. В., Жаров М. О. Нейтрализация DDoS-атак с помощью импульсной нейронной сети	31
---	----

ФИЛОЛОГИЯ

Дорошина Е. Б. Работа продюсера телепередачи на примере фильма «Доброе утро»	38
Касымова Ш. С. Исследование медицинской терминологии, заимствованной корейским языком из японского (на материале перевода медицинских книг)	44
Фролова О. А. Термин как единица языка для специальных целей	51
Mansurova G. M., Eshonkulova N. T., Eshmurodov U. K. The tragedy of “Julius Caesar”	54

ПРАВО

Бышов Д. В., Воротынцева А. А., Панькина К. Ю. Актуальность изучения экологического права студентами биологических факультетов	57
Филимонова К. А. Проблемы беженцев из Ближнего Зарубежья в определении своего правового статуса беженцев в Российской Федерации	61

ПЕДАГОГИКА

Драгнев Ю. В. Информационное общество и будущий учитель физической культуры.....	65
--	----

Жажева С. А., Жажева Д. Д.	
Методические рекомендации по обогащению речи учащихся именами прилагательными на уроках русского языка при развитии речевой компетенции	70
Кувалдина Е. А., Юрченко Д. Г.	
Цифровые образовательные ресурсы как средство повышения музыкально-творческих компетенций обучающихся.....	74
Xalilova D. Ja., Uzbekova G. M.	
Methods of teaching listening in foreign language lessons	77

ПСИХОЛОГИЯ

Карелина И. О.	
Проблема понимания социальных эмоций детьми дошкольного возраста	79
Логачева М. И.	
Психологические особенности восприятия информации в процессе обучения	89

СОЦИОЛОГИЯ

Выдрина А. С.	
Генерализация торговых марок как механизм культурной трансляции (по результатам эмпирического исследования)	92
Магомадова М. З.	
Поддержка некоммерческих организаций в сфере образования в период пандемии.....	96
Тигиева И. К.	
Исследование представлений о молодёжном экстремизме в студенческой среде.....	100
Ямщиков С. В., Иванов Э. С.	
Системы мониторинга интернет-медиа как инструмент социологического исследования виртуальных социальных сетей.....	104
Ямщиков С. В., Колечиц М. П.	
Геймификация как новая управленческая технология	109
Правила для авторов	113
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2021 году	115
Информация о научных журналах	117
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	118

CONTENTS

HISTORY

- Nursaidova M. Sh.**
Courage of Uzbek people in resistance movement.....9

PHILOSOPHY

- Afinskaya Z. N.**
On the question of the social significance of science13
- Ivanov E. M.**
Science and idealism17

INFORMATION SYSTEMS

- Tsyundyk V. V., Zharov M. O.**
Neutralization of DDoS-attacks using a pulsed neural network31

PHILOLOGY

- Doroshina E. B.**
The work of a TV show producer on the example of the film "Good Morning"38
- Kasimova Sh. S.**
Research of medical terminology borrowed by Korean language from Japanese
(based on translation of medical books)44
- Frolova O. A.**
Term as a unit of language for special purposes51
- Mansurova G. M., Eshonkulova N. T., Eshmurodov U. K.**
The tragedy of "Julius Caesar"54

LAW

- Byshov D. V., Vorotyntseva A. A., Pankina K. Y.**
The relevance of the study of environmental law by students of biological faculties57
- Filimonova K. A.**
Problems of refugees from the Near Abroad in defining their legal status
in the Russian Federation61

PEDAGOGICS

- Dragnev Y. V.**
Information society and a future physical education teacher65

Zhazheva S. A., Zhazheva D. D.

Methodological recommendations for enriching the speech of students with adjectives
in the lessons of the Russian language in the development of speech competence 70

Kuvaldina E. A., Yurchenko D. G.

Digital educational resources as a means of increasing the musical and creative
competencies of students 74

Xalilova D. Ja., Uzbekova G. M.

Methods of teaching listening in foreign language lessons 77

PSYCHOLOGY**Karelina I. O.**

The problem of preschoolers' understanding of social emotions..... 79

Logacheva M. I.

Psychological aspects of information perception in learning 89

SOCIOLOGY**Vydrina A. S.**

Generalization of trademarks as a mechanism of cultural broadcasting
(on the results of empirical study) 92

Magomadova M. Z.

Support for non-profit organizations in the sphere of education
during the pandemic period 96

Tigieva I. K.

Research perceptions of youth extremism in the student environment 100

Yamshchikov S. V., Ivanov E. S.

Internet media monitoring systems as a tool for sociological research
of virtual social networks..... 104

Yamshchikov S. V., Kolechits M. P.

Gamification as a new management technology 109

Roos for authors..... 113

Plan of international conferences held by the universities of Russia,
Armenia, Azerbaijan, Bulgaria, Belarus, Kazakhstan, Uzbekistan
and the Czech Republic on the basis of Vědecko vydavatelské
centrum «Sociosféra-CZ» in 2021 115

Information about about scientific journals 117

Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 118

UDC 94(575.1)

COURAGE OF UZBEK PEOPLE IN RESISTANCE MOVEMENT

M. Sh. Nursaidova

*Junior researcher, Phd student,
ORCID 0000-0003-1279-6942,
e-mail: mohinanursaidova@gmail.com,
Phd student at the Coordinational
and Methodological Center of the Contemporary
History of Uzbekistan at the Academy of Sciences
of the Republic of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The scientific article is devoted to the study of the heroic deed of the warriors of multinational Uzbekistan, participants in the Resistance movement in Europe and their contribution to the Victory over fascism. The soldiers who escaped from captivity, shoulder to shoulder with the partisans, fought for liberation from Hitler's fascism. The article was compiled on the basis of interviews with relatives and memories from the family archives of partisans using archival documents.

Keywords: war; homeland; partisans; resistance; freedom; memory.

During World War II, an anti-fascist guerrilla movement was established, named as the Resistance Movement. The movement spread mainly on two continents including Europe (France, Italy, Greece, Norway, Romania, Poland, Czechoslovakia, Yugoslavia, Albania, Bulgaria, Hungary) and Asia (China, Vietnam, Korea, Indonesia, the Philippines and Burma).

Among the more than 40,000 citizens who took part in the liberation armies, as well as in the guerrilla structures in France,

Norway, Austria, and Germany, the Uzbeks were the majority. For example, in the Yugoslav People's Liberation Army, more than 260 Uzbeks, including U. Xolmaboev, A. Mamajonov, R. Rahimov, H. Jabborov, L. Kolantarov, H. Ismoilov took part actively.

This scientific article aims to highlight the courage of Uzbek guerrillas in resistance movements. We began our article by systematically covering the courage of Uzbek guerrilla fighters in the table.

№	Full name	Year and place of birth	Place of serving	The courage shown
1.	Sayfullo Nurullaev	Samarkand, 1915	He took part in the guerrilla movement on Polish territory.	On June 7, 1944, he was involved in the bombing of 5 military trains on the Lublin-Krasnik railway line, killing 50 of the fascist and wounding 140.

2.	Galim Bulatov	Samarkand	He took part in the guerrilla movement on Polish territory.	He was active in blowing up more than 10 bridges with his squad, destroying areas where enemy military equipment was located. [2, p. 41]
3.	Lev Kalontarov (according to the document Leonid Yusupovich Kolontarov) [3]	Samarkand	He took part in the guerrilla movement in the 9th Corps of the Yugoslav National Liberation Army.	He was awarded Yugoslav awards for bravery in battle [4, p. 142].
4.	Husayn Zohirov	-	He took part in the guerrilla movement in the 9th Corps of the Yugoslav National Liberation Army.	He was awarded Yugoslav awards for bravery in battle [4, p. 142].
5.	G.Gritsenko, K.Mamadaliyev	Samarkand	Slovenia	Awarded
6.	Y. Rijov	Tashkent	Bosnia and Herzegovina	Not enough information
7.	M. Jalilov	Andijon	Macedonia	Not enough information
8.	K. Danilov, V. Melnikov, R. Allamov, A. Narzullaev, R. Hamroev, A. Urozniyozov	-	They took part in the guerrilla movement in Czechoslovakia.	Not enough information
9.	G. Faxrutdinov F. Sultonbekov. [2, p. 42] S. Shomurodov, R. Ismoilov [5, p. 3]		They participated in the liberation of Paris, Limoges, Toulouse, Clermont-Ferrana, Poitiers, Montpellier and other cities	Not enough information
10.	H. Ismoilov	Fergana	In March 1944, They destroyed the guard service of a camp for Soviet prisoners near the city of Alba.	He was awarded medals of France.
	A. Ayrapetov	-		
	H. Jabborov	-		
	T. Ziyayev	-		
11.	M. Bobojonov [6]	Xorezm, 1923	Belgian resistance movement	Not enough information
12.	A. Krivonosov [7]	Buxara, 1918	Belgian resistance movement	Not enough information

As can be seen from the table above, first of all, in the resistance movements, representatives of various nationalities from Uzbekistan took part in guerrilla activities in many countries. Secondly, there is a lack of information and documents covering their contribution to the Victory. More precisely, within the framework of this topic, it is still relevant to study a lot of documents and data.

In our scientific article, we present information about news, as well as some information about guerrillas, collected during the research. It should be noted that the Italian partisan squads were also composed of people of different nationalities, most of whom were Uzbeks. From the brigade "42-Garibaldi" Tursunboy Maminov, from the brigade "115-Garibaldi" Juma Turdikulov (known as "Juzeppa"), U. Odilov, from the brigade "Bazovitsa" Kenjaboy Alparov, Mixail Mirmyans, Vladimir Greev, Stepan Opanatsenko and others fought fiercely.

According to information, more than 50 Uzbeks joined guerrilla units, destroyed 336 fascist soldiers and officers, and blew up 13 vehicles and about 15 enemy firing points. [9] Among them, Ahmad Mamajonov from Andijan showed special courage. Information about the brave guerrilla became known only in recent years. Mamajonov was a member of the "Garibaldi" brigade called Luchetti and Gino Menconi. Given that the first letters of Mamajonov's name were "M ..." and "A ...", the guerrillas called him Mikhail Alessandro, in short, "Sandro." In 1945, he was awarded the "Patriot" Certificate for his heroism. What was written in the certificate is "On behalf of our people and state, we thank Michael Alessandro for his courage." [10] In 2019, in Italy, the activities of Ahmadjon Mamajonov were widely covered in the book "By the order of the heart. The Apuan Resistance Movement and the Story of Soviet Partisans" (Marta Tongiani) [12, p. 320].

Of course, it must be acknowledged that a number of scientists have worked on this topic. S. Genov, the director of the Bulgarian-Soviet Friendship Museum told stories about Stoycho Gichev, the political commis-

sar of the Bulgarian guerrilla battalion. He said: "After the battle near Prepole, our battalion retreated to the mountains, towards the city of Prepomer. Along the way, 28 red army soldiers including Uzbeks, who took an active part in the battles, joined us. They had been captured in the heroic battles of the Red Army around Kursk and Kiev. In early 1944, the fascists took them to Yugoslavia. Here, the brave Red Army made contact with the local people, found out which areas had guerrillas, and made a plan to cross over to them. Taking advantage of the opportunity, they killed Hitler's soldiers, loaded their horses with weapons, and marched towards the Yugoslav partisans. It was these red soldiers who were later sent to our battalion. Each of them was a disciplined soldier. In battles, they behaved themselves as if they did not fear. They amazed everyone with their courage. In particular, they set a special example in the battles near Prepole" [2, p. 42]. The story shows that Uzbeks took part in the resistance movement in Bulgaria and Yugoslavia.

Another participant in the resistance movement was Andrey Borzenko from Tashkent, the boxing champion of the Uzbek SSR in 1938–1939. He was sent into captivity to the Buchenwald concentration camp. There he fought a total of 80 times with camp guards and SS boxers. He was never defeated. He knew that defeat would be his final point – the crematorium [11]. He was a strong partisan in the activities of the secret organization in the camp.

Thus, the Uzbeks made a significant contribution to the liberation of the peoples of the ancient continent from fascism. Uzbek soldiers were awarded orders and medals of foreign countries. Uzbek fighters, who made a significant contribution to the liberation of Eastern Europe from fascism, also took an active part in the resistance movement in European countries. 2430 Uzbek fighters were awarded the medal "For the Liberation of Budapest" [12, p. 92]. Uzbeks who escaped from captivity in 1941–1943 joined the Resistance Movement in the Fascist-occupied European countries and fought valiantly in

Yugoslavia, Albania, Bulgaria, Hungary, Greece, Italy, Norway, Romania, France, and Czechoslovakia. [12, p. 93] By the fall of 1944, the borders of the USSR had been completely cleared of the enemy, and Soviet troops entered European countries as a rescue force. Among them, our compatriots also contributed to the liberation of Poland, Romania, Bulgaria, Yugoslavia, Hungary, Czechoslovakia, and Austria [13].

Based on the above, it can be concluded that in the renewed Uzbekistan, which pays attention to the culture of historical memory, the scientific study of the activities of Uzbeks participating in the Resistance Movement is becoming more relevant. It is important to study the documents that cover the courage associated with the name of each of them, to seal their courage in history, to preserve it for future generations through concrete examples. To do this, the establishment of separate research centers to study the resistance movement, the establishment of cooperation between these centers with foreign countries, systematic study of archives, along with foreign sources and literature, as well as materials from the recently opened Museum of Glory and the families of members of the Resistance Movement would be expedient.

Bibliography

1. Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan No. PQ-4495 on the worthy celebration of the 75th anniversary of the Victory in the Second World War 23.10.2019. <https://lex.uz/docs/4664439>
2. Bakman Y. I. Warriors of Uzbekistan - Participants of the Resistance Movement in European Countries // Social Sciences in Uzbekistan. – Tashkent, 1973. – No. 5. – S. 41–42.
3. Juraev T. D. The Uzbeks are participants in the partisan war. – T.: Uzbekistan, 1975. – P. 142.
4. TsAMO. F. 58. Op. 18004. D. 38. L. 362. – Born in 1919 year, he was executed 25 November 1943 year.
5. Days in France // "Red Uzbekistan" newspaper, March 30, 1960, p.3.
6. <http://forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=39328.0;wap2>
7. <http://forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=39328.0;wap2>
8. Talalay M. G. Russian participants in the Italian War of 1943–1945: partisans, Cossacks, legionnaires. – M.: LLC "Staraya Basmanaya", 2015. – P. 279.
9. Polonsky Ilya. Soviet heroes liberated the "eternal city". The Roman underground. June 29, 2015 // <https://www.liveinternet.ru./21.12.2020>.
10. Greetings from sunny Uzbekistan. (Interview with Ravshan Mamazhanov and memoirs from the family archive of A. Mamazhanov. 21.09.2015.
11. <http://www.pobeda1945.su/frontovik/115196/21.12.2020>
12. Saidolimov S., Raximov M., Sagdullaev K., Nazarov R., Babadjanov X. The contribution of the Uzbek people to the victory over fascism. Responsible for publication – Sultonov. Book album. – Tashkent: "Uzbekistan". 2020. – P. 92–93.
13. Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan No. PQ-4495 on the worthy celebration of the 75th anniversary of the Victory in the Second World War.

© Nursaidova M. Sh., 2021.

УДК 811.133.1 (075.8)

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЗНАЧИМОСТИ НАУКИ

З. Н. Афинская

*Кандидат филологических наук, доцент,
ORCID 0000-0003-2910-9942,
e-mail: afin-zn@mail.ru,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

ON THE QUESTION OF THE SOCIAL SIGNIFICANCE OF SCIENCE

Z. N. Afinskaya

*PhD in Philology, associate professor,
ORCID 0000-0003-2910-9942,
e-mail: afin-zn@mail.ru,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

Summary. The concept of "scientific picture of the world" implies a certain combination of different views and methodologies, but it certainly has its own specifics in national scientific communities. In creating a scientific picture of the world, two factors struggle and, at the same time, interact – the individual and society, the individual and the public. Specialization of scientific disciplines as part of the national picture of the world occurs simultaneously with the process of establishing interdisciplinary connections. The purpose of the article is to consider the peculiarities of the national approach to this problem. The object of research is the philosophy of science of the French philosopher Gaston Bachelard.

Keywords: personality; society; science; education; epistemology.

Наука – социокультурная деятельность, направленная на постижение истины о природе и человеке. Ее когнитивные критерии (анализ фактов, систематизация концептов и понятий, их дефиниция) обуславливают специфику научных исследований, которые в сумме создают систему взглядов, условно называемую картиной мира. Понятие *картина* предполагает отражение индивидом его представления об окружающем мире, организованное согласно законам искусства. На самом деле *картина мира* – метафора, так как невозможно объединить в каком-либо обобщенном формате многообразие научных взглядов, подходов, теорий, реально существующих в мире даже в определенном отрезке времени. Лишь с определенными ограничениями можно допустить концепцию научной картины мира как «совокуп-

ность научных знаний о мире», взятую на определенном этапе развития общества [5, с. 9]. Картина мира в ее научном и общекультурном выражении (в отличие от живописного полотна) находится в состоянии постоянного совершенствования. Специализация научных дисциплин в составе национальной картины мира происходит одновременно с процессом установления междисциплинарных связей с соседними научными областями и регионами.

Вклад каждого ученого в научную картину мира предполагает, согласно В. З. Демьянкову, «одновременно и интерпретационную деятельность (в этом можно видеть культурную обусловленность и идеал, к которому мы стремимся...)» [4, с. 64]. Внесение дополнительных штрихов в картину мира связано с индивидуальным пониманием результатов науки,

что создает предпосылки для постоянного совершенствования научной картины мира. В создании научной картины мира борются и, одновременно, взаимодействуют два фактора – личность и общество, индивидуальное и общественное. Вместе с тем, социальный фактор научной деятельности только возрастает в современном обществе: «... сегодня есть все основания полагать, что представления о мире уже в значительной степени не являются обусловленными деятельностью личности. Они определяются социумом, последовательно навязывающим определенные идеи и намеренно тормозящим индивидуальную активность» [2, с. 66].

Личный вклад каждого ученого в научную картину той или другой отрасли представлен, в частности, в так называемых «историях науки» – неопенимых (и, может быть, недооцененных) источников формирования научной картины. Один из таких языковедов, Ф. М. Березин отмечал, что русское языкознание всегда развивалось в широком научном контексте, в связи с «изучением собственно лингвистических, социальных, культурно-исторических и других явлений» [1, с. 3]. Оценивая вклад русских ученых (М. В. Ломоносов, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, В. А. Богородицкий, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов и др.) в мировую науку, Ф. М. Березин показал актуальность их взглядов в научной картине XX века (теория предложения, синтаксис, интонация как синтаксическая составляющая, язык как орудие мышления и как психическое явление, коммуникация как речевое мышление и др.) [1, с. 4]. Он подчеркивал общественную значимость науки, ее непрерывное развитие благодаря личному вкладу ученых, их достижений в совершенствовании методологии, так как, согласно Ф. М. Березину, «...зарождение нового направления в науке связано с появлением или видоизменением и усовершенствованием того или иного метода исследования» [1, с. 4]. Научная картина

мира как культурное явление, предполагая некое объединение разных воззрений и методологий в единой результирующей, имеет, безусловно, свою специфику в национальных научных сообществах. Так, изучение истории научной мысли Франции высвечивает, прежде всего, историю личности и вклад каждого ученого в национальную научную школу. Для выражения идеи о научной мысли, характеризующей некую историческую действительность в пределах одной нации, французские эпистемологи используют такие метафоры, как *le livre de science* (книга науки), *la lecture du monde* (чтение мира), *la cité scientifique* (научный град). Марсель Коэн, известный французский лингвист XX века, прибегал к таким метафорам как *une revue* (обзор), *physionomie de la période* (облик периода) и даже *un tableau* (картина), но только в значении «картина современного французского языка». В своем фундаментальном труде «Histoire d'une langue: le français» М. Коэн представил панораму лингвистической науки во Франции [9]. Ее становление и развитие представляло интерес не только в рамках истории языкознания, но и в качестве одного из элементов мозаичной картины мира.

Наука, как отмечал Гастон Башляр (G. Bachelard, 1884–1962, химик, философ) стала неперенным атрибутом современного общества, условием развития личности: «La science est devenue partie intégrante de la condition humaine». («Наука стала неотъемлемой частью человеческого существования». – Пер. З. А.) [7, р. 151].

Занимаясь историей науки, исследователь пишет, по существу, историю общества: «La science est, actuellement, socialisée de part en part. Depuis quelques siècles l'histoire des sciences est devenue l'histoire d'une cité scientifique. La cité scientifique, dans la période contemporaine, a une cohérence rationnelle et technique qui écarte tout retour en arrière». («Наука в

настоящее время широко социализирована. За несколько веков история науки стала историей научного города. Научный град на современном этапе обладает научно-технической логикой, которая исключает возврат в прошлое. – пер. З. А.) [7, p. 152].

Социальная значимость деятельности отдельных личностей в науке означает не только вклад в общественный прогресс каждого ученого, она создает ту опору, ту почву, на которой могли бы «произрастать знания», – государство народного образования. Высокая наука, был убежден Башляр, невозможна без широкого и качественного школьного образования. Научные знания осваиваются, «входят в плоть и кровь» личности благодаря образовательной деятельности – только она, несмотря на свою повседневную рутину, приобщает к новому, необычному. Перманентный характер образования в современном обществе реализуется благодаря Школе, поэтому лозунгом современного общества должно быть «Не Школа для общества, а общество для Школы»: «Il n'y a de science que par une Ecole permanente. C'est cette école que la science doit fonder. Alors les intérêts sociaux seront définitivement inversés: la Société sera faite pour l'Ecole et non l'Ecole pour la Société». («Нет науки без постоянного образования. Именно такую школу должна основать наука. И тогда общественный интерес окончательно примет обратное направление: Общество будет функционировать ради Школы, а не Школа ради Общества». – Пер. З. А.) [Bachelard, 1998, p. 252]. Чтобы развивать науку, необходимо все время поддерживать связи со школой, с образованием – в отрыве от школы, был убежден Башляр, невозможно создать основы новых направлений науки. Обретение знаний имеет перманентный характер в современном обществе, которое и существует для того, чтобы способствовать развитию образования: «Il n'y a de science que par une Ecole permanente. C'est cette école que la science doit fonder.

Alors les intérêts sociaux seront définitivement inversés : la Société sera faite pour l'Ecole et non l'Ecole pour la Société» («Не существует науки вне перманентного обучения. Именно такую школу должно основать общество. И тогда общественный интерес будет окончательно трансформирован: Общество будет формироваться ради Школы, а не Школа ради Общества». – Пер. З.А.) [6, p. 252].

Наука подразумевает передачу знания, которое невозможно без развитой системы образования. Этот путь познания по-прежнему актуален потому, что наука согласно Башляру, – смысл существования человека: «Si cette histoire a une actualité manifeste, c'est précisément parce qu'on sent bien qu'elle représente un des traits profonds du destin de l'homme. La science est devenue partie intégrante de la condition humaine». («Если эта история неизменно актуальна, то только потому, что она представляет одну из глубинных черт судьбы человека. Наука стала неотъемлемой чертой сущности человека». – Пер. З. А.) [7, p. 151]

Рациональное, в концепции Башляра, – составная часть культуры. Для философии Башляра было характерно понимание внутреннего единства науки и культуры, возникающего в каждой исторической эпохе. Только рациональные (научные) знания могут обеспечить приближение к истине, которая, по сути, недостижима, как невозможно достичь идеала в поэзии, в искусстве. Язык – одно из важнейших средств формирования личностной, национальной и научной картины мира. На путях постижения мира приходится преодолевать сопротивление методологических, философских, психологических и языковых препятствий, встающих перед учеными. Наиболее адекватное исходному замыслу выражение научной мысли интересуется в практическом отношении всех представителей науки. «И это понятно, – замечал Р. А. Будагов, исследователь проблематики «человек и его язык», – так как нет такой деятельности человека, которая

обходилась бы без языка, для которой язык не имел бы значения» [Будагов 2000, с. 24]. Наука – часть культуры в широком смысле этого явления, которое включает поиск смыслов в разных источниках мировидения. Поэтому, согласно Башляру, и поэтический язык – создатель и хранитель новых смыслов и символов – может помочь естественным наукам выйти за рамки привычных представлений об окружающем мире. «Современное научное сообщество признает, что «после Башляра, разделить анализы культуры и науки стало уже невозможным» [3, с. 20].

Заключение. Научная картина мира, или «книга науки» формируется на фоне общей культуры общества. Ее отличительная черта – постоянное развитие в зависимости от уровня образования общества. Она представляет собой единство запросов общества и результатов творческой деятельности личности и стала неразрывной частью культуры современного социума. Система образования должна формировать научный социум, роль которого в процессе создания научной картины мира только возрастает. Это не застывший на воображаемом холсте (подобно картине художника, воплощающей его индивидуальное видение) образ окружающей действительности, а динамичное

пространство концептов, понятий, теорий, дискурсов и их терминологической базы.

Библиографический список

1. Березин Ф. М. История русского языкознания : учебное пособие для филол. специальностей. – М.: Высш. Школа, 1979. – 223 с. – С. 3.
2. Бубнова И. А., Клименко А. П. Психоллингвистические проблемы семантики в постнеклассическую эпоху: новое знание как результат взаимодействия традиций и новаций // Вопросы психоллингвистики, № 1(27), 2016. – М. – С. 60–71.
3. Визгин В. П. Эпистемология Гастона Башляра и история науки. – М., 1996. – С. 20.
4. Демьянков В. З. Языковые техники «трансфера знаний»// Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии : кол. монография / Отв. ред. В. В. Фещенко. – М., 2016. – С. 61–85.
5. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов : учеб. пособие. 3-е изд. испр. – М. : КДУ, 2011. – 350 с.
6. Bachelard G. Le Rationnalisme appliqué. – Paris : Quadrige. PUF, 1949, p.224.
7. Bachelard G. L'engagement rationnaliste. – Paris : Quadrige, 1972, p. 190.
8. Bachelard G. La formation de l'esprit scientifique: Contribution à une psychanalyse de la connaissance. – Paris : J.Vrin, 1967, 257 p.
9. Cohen M, Histoire d'une langue: le français. – Paris : Editions Sociales, 1967. – 513 p.

© *Афинская З. Н.*, 2021.

УДК 141.13

НАУКА И ИДЕАЛИЗМ

Е. М. Иванов

Кандидат философских наук, доцент,
ORCID 000-0002-4444-9040,
e-mail: mikroprozop58@mail.ru,
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия

SCIENCE AND IDEALISM

E. M. Ivanov

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
ORCID 000-0002-4444-9040,
e-mail: mikroprozop58@mail.ru,
Saratov State University,
Saratov, Russia

Abstract. The subject of this research is idealistic philosophy and its ability to serve as the ontological foundation of the scientific worldview. The foundations and features of idealistic philosophy are investigated. It also investigates (as alternatives to idealism) such philosophical systems as "intuitionism" (and related systems) and the Descartes-Lockean paradigm. Their inability to substantiate the ontology of the scientific (physical) picture of the world is shown. It is shown that idealism is not only a philosophy that allows the most complete and consistent substantiation of the ontological status of the scientific picture of the world, but it is also directly assumed by this picture of the world – in quantum mechanics, which is the foundation of modern physics. The scientific picture of the world naturally pushes us to embrace idealism. Indeed, from the point of view of the scientific theory of sensory perception, the "world around" we see is nothing but a "picture" created by our brain on the basis of nerve impulses coming from the sense organs. In this case, we have no reason to believe that something "beyond consciousness" exists at all. The human brain should be viewed only as something that exists "inside consciousness" – either as a sensory "image of the brain" or as an intelligible "idea of the brain". The brain exists "inside" consciousness (as part of its memory), but consciousness is functionally dependent on the brain. It is consciousness that is the "creator" of the brain, the body, and the entire objective world. We are led to this conclusion not only by epistemology, but also by a philosophical analysis of the meaning of quantum mechanics.
Keywords: science; epistemology; consciousness; idealism; intuitionism; neorealism; Platonism; perception; thinking.

Существует весьма распространенное мнение о несовместимости науки и идеалистической философии. Под «идеалистической философией» или «идеализмом» мы в данном случае понимаем мировоззрение основанное на идее, что единственной опытно доступной, а следовательно, и мыслимой нами, реальностью является сознание. Все же прочее («материя», «физическая реальность», «предметный мир», «тело», «мозг» и т.п.) существует как «феномены» (содержание) сознания – либо чувственно воспринимаемые (в качестве перцептивных образов), либо мыслимые или воображаемые (умо-

постигаемые). Научное же мировоззрение, как обычно полагают, основано на идее существования «объективной реальности», существующей вне и независимо от сознания, тогда как последнее мыслится как нечто производное от этой «объективной реальности» (обычно отождествляемой с физической реальностью).

На наш взгляд, такое понимание отношения научной картины мира и идеализма весьма поверхностно и, более того, ошибочно. На наш взгляд научное мировоззрение полностью совместимо с идеализмом и, более того, только идеализм позволяет философски последовательно и не-

противоречиво истолковать научную картину мира в качестве реальной онтологии этого мира. Именно эту точку зрения мы и попытаемся обосновать в данной статье.

Начнем с того, что научная картина мира (включающая в себя, в частности, физиологию и психологию чувственного восприятия) естественным образом подталкивает нас к принятию идеализма. Действительно, с точки зрения научной (физиологической и психологической) теории чувственного восприятия видимый нами «окружающий мир», есть не что иное, как некая «картинка», созданная нашим мозгом на основе поступающих от различных органов чувств нервных импульсов. С точки зрения физиологии и психологии чувственного восприятия мы видим (а также слышим, осязаем и т.п.) не вещи окружающего нас мира, как они существуют «сами по себе», а некие их репрезентации (образы, копии), созданные совместной работой периферических рецепторов, нервных волокон, подкорковых и корковых нейронных структур.

Рассмотрим, к примеру, зрительное восприятие. С точки зрения физиологии зрительного восприятия, видение – есть процесс в основе которого лежит реакция светочувствительных клеток сетчатки глаза на отраженный от объекта-мишени световой поток. Мы видим не саму вещь, а отраженный от нее поток фотонов. Но и этот поток фотонов мы непосредственно не видим, так как они не способны проникнуть к нам в мозг. В мозг поступает лишь совокупность потенциалов действия (нервных импульсов), генерируемых ганглиозными клетками сетчатки глаза (эти клетки суммируют и первично обрабатывают первичные сигналы от светочувствительных клеток сетчатки – палочек и колбочек), передаваемых в мозг по зрительным нервам. Сигналы от зрительного нерва еще раз переключаются в подкорковых структурах (латеральных колленчатых телах), а затем, через посредство зрительной радиации, поступают в затылочную об-

ласть коры переднего мозга (17 поле, по Бродману) где, как полагают, примерно через 250–300 миллисекунд после начала стимуляции возникает перцептивный образ [2, с. 180].

Психологические исследования зрительного восприятия показывают, что чувственный образ отнюдь не является механическим «слепком» сенсорной стимуляции. Эта стимуляция подвергается серьезной обработке: необходимо, во-первых, компенсировать то влияние, которое на сенсорный поток оказывают движения глаз (саккады), а также движения головы и туловища – в противном случае видимое изображение окружающего мира было бы не стабильно – непрерывно бы прыгало и вращалось. Во-вторых, исследования показывают, что сетчатка глаза обладает достаточной разрешающей способностью (плотностью рецепторов) лишь в небольшой своей части – в пределах «желтого пятна» (центральной ямки – фовеа), на которую фокусируется лишь небольшая часть зрительного поля в пределах примерно двух угловых градусов. Это примерно соответствует ситуации как если бы мы смотрели на окружающий мир через отверстие размером в рублевую монету, расположенное на расстоянии вытянутых рук. Таким образом, та четкая панорамная «картина», которую мы непосредственно воспринимаем, как можно предположить, создается зрительной системой путем очень быстрого «склеивания» большого числа отдельных четких фрагментов (с учетом менее четкого периферийного изображения).

Итак данные физиологии и психологии восприятия убедительно показывают, что воспринимаемый нами «чувственный мир» – это продукт сложной многоэтапной обработки сенсорной информации, осуществляемый, в частности, с использованием априорной информации (извлекаемой из памяти). Все это убеждает нас в том, что все, что мы чувственно воспринимаем – это не реальный «объективный

мир», но лишь некая «картинка», существующая непосредственно в нашем сознании в качестве субъективной реальности и которая лишь причинно и весьма опосредованным способом связана с самими объектами «внешнего мира».

В том, что мы видим лишь некий продукт работы собственной психики нас убеждают также и факты, показывающие возможность для психики «генерировать» «чувственную картинку» в автономном режиме, т.е. без какой-либо актуальной внешней сенсорной стимуляции. Это имеет место, например, в сновидениях, а также в случае переживания галлюцинаторных образов. Истинные галлюцинации (в отличие от псевдогаллюцинаций) практически неотличимы от «реальных объектов», могут проецироваться в мир «реальных объектов», загораживать их собой, взаимодействовать с ними различным образом. Отдельные зрительные, слуховые и прочие ощущения, а иногда и их сложные комплексы, могут также субъективно переживаться на фоне точечной электрической стимуляции различных мозговых структур (т.н. «артифициальные ощущения») – и опять-таки без всякого внешнего «объекта восприятия».

Маловероятно, что механизм, производящий образы сновидений, галлюцинации и артифициальные ощущения, радикально отличен от механизма обычного сенсорного восприятия. Вероятно, что это один и тот же механизм (поскольку производит одинаковые по качеству чувственные образы), но работающий в разных режимах. В случае сенсорного восприятия генерация образов находится в существенной зависимости от сенсорной стимуляции, а в случае сновидений и галлюцинаций – система генерации образов работает в автономном режиме (лишь частично опираясь на информацию, содержащуюся в памяти).

Если все сказанное о восприятии верно (а серьезных оснований сомневаться в этом нет), а также если предположить, что и другие познавательные способности

(мышление, представления памяти и воображения) также не выводят нас за пределы нашего собственного сознания (мы мыслим собственные субъективные мысли, представляем собственные субъективные представления), то получается, что мы «замкнуты» в собственном сознании: все, что нам непосредственно дано – есть содержимое (феномены) нашего собственного сознания – наши чувственные образы, наши мысли, наши представления. Но если все, что нам дано – есть наш собственный субъективный опыт, феномены нашего сознания, то как мы можем знать о том, что есть еще что-то помимо феноменов сознания? Более того, не понятно, как в этом случае мы вообще способны помыслить какую-либо (пусть даже неизвестную нам) внеположную сознанию реальность. Ведь мысль о каком-либо предмете должна каким-то образом на этот предмет указывать – как-то его иметь в виду. Но указывать наша мысль, очевидно, может лишь на то, что дано нам в опыте, а этот опыт, как мы установили, есть не что иное, как феномены нашего собственного сознания. Не существует никакого способа логически корректно перейти от внутреннего содержимого сознания – к чему-то внеположному сознанию. Нельзя из элементов, принадлежащих лишь субъективному опыту, сконструировать нечто запредельное этому опыту. Нельзя из имманентного получить трансцендентное. Как только мы помыслили какой-либо «трансцендентный предмет» (например, мозг человека, как «объективный» источник сознания), то этот предмет, как мыслимый нами, уже становится имманентным нашему сознанию. Мы не можем выпрыгнуть из мира собственного субъективного опыта и вступить в контакт с «трансцендентным», не сделав это трансцендентное имманентным нашему опыту.

Есть ли в таком случае у нас какие-либо основания считать, что нечто «запредельное сознанию» вообще существует? Очевидно – нет. Но в таком случае мы

приходим к классической форме идеализма – никакой иной формы реальности, кроме нашего собственного сознания не существует. Но вспомним, однако, каким образом мы пришли к этому выводу. Вся наша аргументация строилась на данных физиологии и психологии восприятия, которые свидетельствуют о зависимости сознания от функций мозга и органов чувств. Разве мозг при этом не рассматривался как некая «объективная реальность», существующая независимо от сознания и даже определяющая сам факт существования сознания? Не подрывает ли наш «научно выводимый идеализм» свои собственные предпосылки в виде научной физиологии и психологии? Действительно, если содержание сознания есть единственная известная нам и мыслимая нами реальность, то, очевидно, мозг человека нужно рассматривать лишь как нечто существующее «внутри сознания» – либо как чувственный «образ мозга», либо как умопостигаемую «идею мозга». В этом случае, очевидно, мы должны признать, что не сознание является чем-то производным от мозга, но, напротив, мозг является чем-то производным от сознания и он существует не вне, а «внутри» сознания. Но тогда как объяснить эмпирическую зависимость сознания от мозга (например, то факт, что локальные повреждения мозга существенно изменяют свойства сознания)? На этот вопрос, составляющий на наш взгляд, основную философскую проблему обоснования научного мировоззрения, мы и попытаемся дать ответ в данной статье.

Начнем сразу с изложения нашего подхода к решению этой проблемы, которое мы далее будем развивать и обосновывать. На наш взгляд, сохранить, не впадая в противоречие статус науки как реальной онтологии (описания реального мира), можно лишь признав истину идеализма к которой нас наука (в лице психологии и физиологии) как раз однозначно и подводит. А именно признать, что никакой иной

реальности, кроме реальности нашего собственного сознания нам не дано и не может быть дано, а следовательно, примысливать что-либо запредельное сознанию – незаконная (самопротиворечивая) логическая операция. В таком случае нужно также признать, что мозг, тело и весь «окружающий нас» предметный мир – все это существует лишь «внутри» нашего сознания: в нашем восприятии, в памяти, в воображении, в актах мышления и понимания. Только таким способом возможно непротиворечиво обосновать онтологичность научной картины мира. Основная проблема, с которой сталкивается идеализм, как мы видели, – это проблема объяснения эмпирической зависимости сознания от мозга. Если мозг есть не «источник», а некоторое «содержание» сознания, то почему сознание как целое зависит от этого своего содержания?

На наш взгляд, ничего особо парадоксального и невозможного в зависимости сознания в целом от некоторого конкретного его же собственного содержания нет. В качестве аналогии здесь можно привести компьютер. Работа компьютера зависит от установленной в компьютере операционной системы. Если повредить операционную систему, стерев какой-либо важный элемент программы, то работа компьютера будет нарушена, вплоть до полной его остановки. Однако операционная система не есть нечто «внешнее» по отношению к компьютеру. Она записана в его памяти и по сути физически существует как система ограничений, наложенных на степени свободы компьютера. Иными словами, она существует как некоторое внутреннее состояние самого компьютера, от которого специфическим образом зависят и все его иные внутренние состояния. Точно также мозг может существовать как некая «запись» в составе памяти сознания, которая выполняет роль как бы некой «операционной системы» сознания, управляющей работой этого сознания. В этом случае, мозг существует

«внутри» сознания (как часть его памяти), но при этом сознание функционально зависит от мозга. Однако какую-либо активность в этом случае проявляет именно сознание, а не мозг. Мозг есть лишь как бы некий «инструмент» саморегуляции сознания, но не источник его существования. Более того, если ничего нет кроме сознания, то именно сознание (или сознания) и является «творцом» и мозга, и тела, и всего предметного мира (физической реальности).

Такая идея может показаться слишком смелой и радикальной, но, как мы увидим ниже, никакой разумной альтернативы этой точке зрения (при условии сохранения онтологичности научной картины мира), не существует. Предварительно обсудим еще несколько важных гносеологических вопросов. Радикальный идеализм часто обвиняют в том, что он неизбежно ведет к солипсизму – к представлению, что существует лишь только «мое сознание», тогда как все другие люди – это лишь произведенные моим сознанием образы, подобные персонажам моих сновидений. Действительно, если мне непосредственно дано лишь содержимое моего собственного сознания, то мне не доступно и немисливо для меня не только «бытие предметов вне меня», но и «бытие других субъектов вне меня». Как уже отмечалось, содержательно наполненная мысль должна как-то указывать на свой денотат – предмет данной мысли. Именно эта интенциональная направленность мышления на его предмет и делает мысль осмысленной. Но если предмет мысли – за пределами возможного опыта (сознания), то он очевидно не может быть объектом указания. Но тогда и «другой субъект» (именно как «система опыта другого») как таковой немислим, мыслима лишь моя субъективная мысль о нем, предметом которой может быть либо мой чувственный образ «другого субъекта», либо «идея» этого субъекта. Таким образом «другой» оказывается чем-то, существующим лишь в пределах моего сознания.

Полностью исключить солипсизм как «неадекватную теорию» не представляется возможным. На наш взгляд возможно лишь показать при каких условиях солипсизм все же можно преодолеть – при каких условиях «другой субъект» (также как и «внеположный индивидуальному сознанию объект») может быть непротиворечиво мною помислен. Условием мыслимости какого-либо предмета, как мы установили, является его наличие в сознании в качестве элемента опыта. Значит для того, чтобы «другой» мог быть мною помислен, он должен «в подлиннике» (не репрезентативно) присутствовать в моем сознании именно в качестве «другого». Но поскольку этот «другой» есть не что иное, как «не мой» опыт (а именно опыт этого «другого»), то он должен, присутствуя в моем сознании, быть при этом и «не моим опытом». Таким образом он должен быть одновременно и «моим», и «не моим» опытом (элементом сознания). Как такое возможно? Очевидно это возможно лишь в том случае, если в моем сознании содержатся такие элементы опыта, которые одновременно являются «моими» и «не моими», т.е., иными словами, если мое сознание помимо индивидуального (приватного) содержания включает в себя и такие элементы опыта, которые могут «в подлиннике» (именно как те же самые элементы, не расщепляясь на множество копий) одновременно присутствовать и в других сознаниях. Итак, для того, чтобы преодолеть солипсизм, необходимо чтобы сознание представляло собой не замкнутую в себе, чисто приватную сферу субъективного бытия, но чтобы оно было где-то «разомкнуто», укоренено в некоей надиндивидуальной (единой для всех возможных сознаний) или по крайней мере в интерсубъективной (единой лишь для некоторых сознаний) реальности. Ясно, также, что в этом случае статус надиндивидуальных или интерсубъективных объектов могут приобретать не только «другие субъекты», но и любые другие объек-

ты «окружающего нас мира» – также как и весь этот «мир» в целом.

Какие же элементы сознания следует отнести к общим для всех (или, по крайней мере, для некоторых) сознаний и какие элементы, напротив, являются «приватными», данными лишь единичному субъекту? Мы имеем две основные познавательные способности: чувственное восприятие и мышление. Именно эти две способности открывают нам предметный мир и факт существования других субъектов. Тогда вопрос можно поставить так: на каком уровне сознание «разомкнуто» – имеет доступ к надындивидуальному: на уровне чувственного восприятия или на уровне мышления? Этот уровень «разомкнутости» сознания, в силу того, что его объекты являются «общими» для множества сознаний, можно рассматривать как некий аналог «объективной реальности» (хотя ее правильнее назвать «интерсубъективной или надындивидуальной реальностью»), но такой «объективной реальности», которая целиком находится «внутри» этих сознаний (как некая их «общая часть»). Тогда наш вопрос можно сформулировать и так: посредством какой познавательной способности мы постигаем эту «объективную реальность»? Или, иначе, где мы имеем доступ к «самим вещам» (к надындивидуальным «оригиналам»), а не только к их приватным субъективным презентациям?

Возможны три ответа этот вопрос: доступ к «самим вещам» имеет место только на уровне чувственного восприятия, только на уровне мышления или обе эти формы познания имеют дело непосредственно с интерсубъективными объектами. Все эти три точки зрения в той или иной форме в разное время имели (и имеют) место в мировой философии.

Если доступ к «самим вещам» (надындивидуальным оригиналам) имеет место на уровне чувственного восприятия, то мы получаем гносеологическую систему известную как «интуитивизм» или «неореа-

лизм» (А. Бергсон, Д. Мур, С. Александер, Н. О. Лосский, С. Л. Франк и др.). Интуитивисты и неореалисты отвергают опосредованный характер чувственного восприятия. По Бергсону, нам чувственно даны не «образы сознания», а «сами вещи» или «материя» окружающего нас мира, причем, как писал Бергсон, «материя не обладает никакой тайной или непознаваемой силой, ... в существенном она совпадает с чистым восприятием» [1, с. 477], т.е. вещи именно таковы, какими мы их непосредственно воспринимаем. В России основоположником интуитивистской теории познания был Н. О. Лосский. Особенность интуитивизма Лосского заключалась в том, что он предполагал возможность доступа к «надындивидуальным оригиналам» не только на уровне чувственного восприятия, но также и на уровне мышления. Мы не только видим «сами вещи», но и мыслим также «сами вещи». Различие же чувственного и умопостигаемого проистекает, по Лосскому, из того, что сами вещи имеют две стороны – чувственную и умопостигаемую [4, с. 137–288].

Представляется достаточно очевидным, что интуитивизм и неореализм во всех их формах, включая теорию познания Н. О. Лосского, несовместим с научным подходом к описанию реальности. Во-первых, интуитивистская теория «прямого восприятия» прямо противоречит научно обоснованной физиологической и психологической теории восприятия – которая явно основана на концепции опосредованности (репрезентативности) любой формы чувственного восприятия, что делает невозможным тождество чувственного образа и объекта. Согласно научной теории восприятия, как мы отмечали выше, мы видим не вещь, а субъективный образ вещи, существующий в сознании, созданный посредством сложного, многоэтапного нейронального процесса, протекающего в нашем мозге.

Во-вторых, интуитивизм несовместим со статусом научной (физической) картины мира как реальной онтологии этого мира. Если уже восприятие дает нам доступ к надындивидуальным объектам, то эти объекты (условно обозначаемые как «объективная реальность») должны быть именно таковы, какими мы их непосредственно воспринимаем. Наука же нам говорит о том, что вещи окружающего мира совсем не таковы, какими мы их воспринимаем. Например, с точки зрения науки цвет, как чувственное качество, не существует в физическом мире – это лишь субъективное «обозначение» определенного интервала длинны электромагнитных волн. Также не существуют объективно запах и вкус – им соответствует «в реальности» определенная форма молекул, воздействующих на обонятельные и вкусовые рецепторы. В целом физическая картина мира описывает объекты используя лишь чисто количественные – геометрические и динамические параметры (такие, как размеры, форма, движение), тогда как любые качественные параметры рассматриваются как условные субъективные обозначения тех или иных количественных интервалов. Это видно, в частности, на примере основных динамических уравнений физики, в которые входят лишь такие параметры, как пространственные и временные координаты, дифференциальные операторы, а также некоторые числовые коэффициенты (например, масса), также имеющие динамический смысл (масса – как мера инертности тела).

Какие же в таком случае у нас остаются средства для обоснования онтологического статуса научной картины мир? До сих пор среди ученых остается популярной Декарта-Локковская гносеологическая парадигма, которая возникла вместе с научным методом (как философское его осмысление), и нередко она рассматривается как некая «естественная» для науки, «внутренне ей присущая» форма «научной» философии. Согласно этой парадигме, сознание мыслится как замкнутая в

себе система приватного опыта, а за пределами этой сферы приватного опыта постулируется существование «объективной реальности» (вещей «как они существуют сами по себе» – по Канту). Эта «объективная реальность» извне, лишь опосредованным способом, воздействует на сознание, порождая приватные «чувственные образы». Далее эти образы «перерабатываются» сознанием (путем отбрасывания несходного, по Локку) в также приватные «идеи» – общие понятия. Таким образом, всякое содержание сознания в этой парадигме носит сугубо приватный характер: субъект переживает чувственно лишь свои собственные образы и мыслит лишь свои собственные мысли. Он «замкнут» в собственном сознании и не имеет никакого доступа к «самим вещам», находящимся за пределами всякого возможного опыта.

Ясно, что такая теория познания противоречит своим собственным онтологическим основаниям. С одной стороны, утверждается, что единственное, что мы можем знать – это содержимое нашего собственного приватного сознания (в виде образов и идей). С другой стороны, в противоречие с этим, утверждается, что мы откуда-то знаем, что за пределами сознания есть «сами вещи» и что эти вещи вполне определенным образом опосредованно воздействуют на наше сознание. Ясно, что если мы «замкнуты» в собственном сознании, то знать о существовании какой-либо внеположной сознанию реальности, или даже как-то содержательно помыслить эту реальность, мы не можем – ведь мысль должна как-то иметь в виду, указывать на то, что в ней мыслится, а предметом указания может быть лишь то, что каким-то образом дано в опыте.

Из всего этого следует, что принять Декарто-Локковскую теорию познания, в которой все формы знания (и чувственная, и интеллектуальная) являются опосредованными, мы не можем – в силу ее явной внутренней противоречивости.

Как мы видели, непротиворечивая теория познания, способная преодолеть солипсизм, предполагает наличие в составе самого сознания таких содержаний, которые имели бы надындивидуальный (или хотя бы интересубъективный) статус, т.е. принадлежали бы одновременно всем (или хотя бы только некоторым) сознаниям. Выше мы показали, что надындивидуальный статус чувственных содержаний сознания (постулируемый интуитивизмом) явно противоречит научной картине мира. Во-первых, интуитивизм противоречит физиологическим и психологическим теориям восприятия. Во-вторых, он неизбежно приводит к деонтологизации физической картины мира. Таким образом, у нас остается лишь только один путь обоснования научного мировоззрения: мы должны признать, что надындивидуальным статусом может обладать не чувственное, но лишь умопостигаемое содержание нашего сознания. Иными словами, мы должны признать, что сознание «разомкнуто» (имеет доступ к надындивидуальным предметам) на уровне мышления и воображения, но при этом «замкнуто» (имеет доступ лишь к приватным субъективным репрезентациям этих предметов) на уровне чувственного восприятия. Мы чувственно воспринимает субъективные приватные «образы вещей», существующие лишь в нашем индивидуальном сознании, но мыслим непосредственно «сами вещи» – как некие надындивидуальные «оригиналы», отображаемые в нашем чувственном восприятии в качестве перцептивных «образов».

Очевидно, что мыслить можно лишь мысли (идеи). Следовательно, с этой точки зрения «сами вещи» – это и есть «идеи», мысль непосредственно совпадает с тем, что в этой мысли мыслится. Мы приходим, таким образом, к парменидову принципу «тождества бытия и мышления»: «одно и то же мысль и то, о чем она существует». Теория познания, основанная на идее тождества бытия и мышле-

ния – это нечто иное, как «объективный идеализм» или «платонизм». Согласно Платону, человек подобен узнику, прикованному к стене пещеры, причем таким образом, что он способен видеть лишь стену пещеры противоположную входу. На этой стене он видит тени, отбрасываемые предметами, проносимыми у входа в пещеру возле пылающего рядом со входом огня. Эти тени – и есть чувственные образы. Однако, мудрец способен сбросить оковы и обернуться в направлении входа – и там он увидит «оригиналы» (сами вещи), тени которых он ранее видел на стене пещеры.

С этой точки зрения мышление – не есть нечто производное от чувственного восприятия. Это самостоятельная форма познания, как бы особый род сверхчувственного восприятия. Поскольку то, что дано в этом сверхчувственном восприятии («мир идей») – имеет надындивидуальный (или интересубъективный) статус, то, очевидно, что предметы этого «умопостигаемого мира» не являются продуктами индивидуального сознания, не создаются этим сознанием и даже не присваиваются индивидом. Будучи созерцаемы индивидом, они остаются там, где изначально и находились – в общей для всех индивидов надындивидуальной сфере сознания. Платон обозначил такую форму познания специфическим термином «причастность». Индивид лишь причастен идеям, т.е. но не создает их, не копирует, не присваивает себе, а созерцает там, где они изначально находятся – в составе надындивидуальной (общей для всех) сферы сознания.

Чувственные объекты с этой точки зрения следует понимать в духе репрезентативного подхода (иначе мы входим в конфликт с научной теорией восприятия) – как отображения (проекции) надындивидуальных «идей» в приватную чувственную компоненту индивидуального сознания. Сами по себе умопостигаемые предметы «безвиды» – сверхчув-

ственны. Они не обладают «чувственной формой представленности», которая состоит из качественности (чувственные объекты всегда «какие-то»: красные, теплые, горькие и т.п., они характеризуются различными «квалиа» – модально специфическими чувственными качествами), пространственности (чувственные объекты имеют некоторую пространственную форму, размеры, положение в пространстве) и временности (чувственные объекты всегда локализованы во времени – они всегда существуют как конкретные события, привязанные к определенному отрезку временной шкалы). Иными словами, чувственные объекты всегда отвечают на вопросы: что? где? и когда? Сверхчувственные (умопостигаемые) объекты, напротив, – ни на один из этих вопросов не отвечают: они не имеют качеств (идея «красного» не красная, идея «теплого» – не теплая), они не имеют размеров и формы (идея «большого» не большая, идея «треугольного» – не треугольная), не имеют локализации в пространстве, а также, что менее очевидно, не имеют даже (как мы увидим ниже) локализации во времени (не являются событиями, локализуемыми на временной шкале). Можно характеризовать умопостигаемые объекты («идеи») как «чистое знание», или «чистую информацию», инвариантную по отношению к форме ее чувственной представленности. В таком случае чувственный объект – есть та же информация, но в «представленной», чувственно воплощенной форме. Следовательно, как и у Платона, каждый чувственный объект есть ни что иное, как «идея» «отпечатанная» в некой «воспринимающей природе». Последняя есть не что иное, как сама форма чувственного бытия: а именно, качественность, пространственность и временность.

Таким образом, мы обосновали «Платоновскую» модель онтологии сознания, в которой приватные компонентны сознания: чувственные «мирки» отдельных субъектов, а также приватные динамические психические процессы: активная па-

мать, воображение, воля и эмоции, а также динамическая компонента мышления – как процесс рефлексивного доступа к умопостигаемым объектам, соединены между собой в единое целое за счет их совместной причастности к надындивидуальному Умопостигаемому, в котором эти приватные «мирки» как бы «укоренены», составляют с ним единое целое. В этой модели любое чувственное переживание есть не что иное, как «отображение», «проекция» надындивидуальных «идей» в приватную «чувственную сферу» того или иного конкретного индивида.

Каждый индивид, с этой точки зрения, есть весь этот Умопостигаемый мир плюс «чувственный приватный мирок» (сфера чувственного индивидуального восприятия), а также плюс приватные «активные» психические процессы (такие, как мышление, воображение, активные воспоминания, эмоциональные и волевые акты), «проецирующие» содержания Умопостигаемого в этот «чувственный мирок». Поскольку всякое чувственное содержание есть «развертка» в чувственном плане некоторого умопостигаемого содержания, то всякий обладающий сознанием индивид, мыслимый как совокупность потенций его возможного опыта, во всей своей содержательной полноте присутствует на Умопостигаемом уровне в виде некой «идеи» данного конкретного индивида, но такой «идеи», в которой потенциально присутствует весь этот Универсум Умопостигаемого – в определенной индивидуальной перспективе собственной саморазвертки (подобно тому как у Плотина индивидуальная душа есть «единичный логос Ума», но в каждом таком единичном логосе тем не менее целокупно присутствует весь этот Мировой Ум). Поскольку же Умопостигаемый уровень является уровнем надындивидуальным (общедоступным), то «возможный опыт» каждого индивида доступен в качестве предмета мышления и воображения и для всех других индивидов – что и позволяет нам иметь идею «другого индивида» именно как сферу

«опыта другого», причем иметь не репрезентативно, а «в подлиннике» – а это и позволяет нам преодолеть солипсизм. «Другой» может быть предметом моей мысли, поскольку он некоторым образом существует во мне (в надындивидуальной части моего сознания), я существую в нем. Опыт «другого», естественно, дан мне в ином гносеологическом модусе, чем самому этому «другому». Например, то, что «другому» дано в виде «воспоминания», мне может быть дано в форме содержания моей фантазии. Именно эта специфика совокупности форм развертки содержаний единого надындивидуального Умопостигаемого в приватной сфере чувственного бытия индивида и является, в данном случае, «принципом индивидуации» – тем, что отличает одно индивидуальное сознание от другого.

Далее, нам необходимо показать, что представленная нами идеалистическая философская система позволяет наилучшим образом раскрыть смысл науки как формы интеллектуального познания.

Отметим, прежде всего, что рассмотренная «идеалистическая» теория познания позволяет рассматривать научное знание именно как постижение «самих вещей», а не как некое схематическое и субъективное их опосредованное отображение. Действительно, если я мыслю, например, электрон, то, поскольку мыслить можно лишь мысли (идеи), то я могу реально помыслить именно сам электрон (как элемент физической реальности), только если «электрон» есть некая идея, есть нечто онтологически однородное моему мышлению. Если «электрон» есть нечто отличное от мысли об электроны, то, он, подобен кантовской «вещи в себе» – находится за пределами всякого возможного опыта и, в таком случае, он, очевидно, немислим и непознаваем (поскольку не дан нам ни чувственно, ни интеллектуально). Следовательно, мы можем содержательно мыслить физическую реальность как таковую только в том случае,

если эта реальность одной природы с нашим мышлением, т.е., иными словами, если бытие и мышление тождественны друг другу.

Далее, ясно, что наука – это именно продукт мышления, а не чувственного восприятия. Любые физические объекты – есть именно умопостигаемые объекты, непосредственно существующие в нашем мышлении, и они не тождественны чувственно воспринимаемым предметам (поскольку научная картина мира не совпадает с обыденной чувственной картиной мира). Вообще научное знание возможно и необходимо, по Аристотелю, именно в силу того, что сущность вещей (их «самобытное бытие») не совпадает с их «видимостью» и именно мышление есть та способность, которая позволяет нам проникнуть сквозь видимость и непосредственно схватить сущность самих вещей, т.е., иными словами, только мышление способно проникнуть в сферу надындивидуального. (При этом, конечно, нужно помнить, что надындивидуальными являются лишь предметы мышления, но не динамический аспект мышления – процесс «проецирования» умопостигаемых структур в те или иные индивидуальные представления).

К такому выводу об надындивидуальном статусе предметов мышления нас подталкивает и сравнительный анализ гносеологических свойств восприятия и мышления. Особенность восприятия в его приватности, невозможности передать другому в точности содержимое моего чувственного опыта. Только я лично знаю, как выглядит «красное» в моем восприятии, как именно я чувствую боль, музыку, тепло и холод. Только я знаю, что означает быть на чувственном уровне мною. Такая приватность чувственного внутреннего мира, тем не менее, не лишает нас возможности обмениваться мыслями, адекватно понимать друг друга. Это возможно, очевидно, потому, что содержание мысли – смысл – есть инварианта, «чистая информация», содержание которой абсо-

лютно не зависит от набора квалиа, посредством которых данная информация представлена в нашем чувственном опыте. Эта инварианта одинакова для всех субъектов восприятия, как бы они ни воспринимали окружающий мир. Мы воспринимаем окружающий мир, как вполне возможно допустить, по-разному, но способны мыслить этот мир вполне одинаково, что и делает возможным взаимопонимание, согласие в содержании мысли. Знаменательно, что там, где мышление наиболее очищено от чувственной компоненты, например в математике, в логике, мы способны достигать абсолютного согласия – доказательства теорем, полученные одним математиком, как правило, достаточно быстро принимаются (если они истинные) всем математическим сообществом. Здесь достигается подлинная общезначимость мысли, онтологически указывающая на нечто поистине всеобщее, надындивидуальное, лежащее в основе нашего мышления.

Если физические объекты – суть «идеи» (но идеи не приватные, субъективные, а обладающие надындивидуальным статусом), то они должны обладать такими же свойствами, как и идеи. Идеи (смыслы), как мы видели, «безвидны», они лишены качественности (квалиа), пространственности и временности. Что касается качественности, то мы уже отмечали бескачественность физической картины мира – любым чувственным качествам физика ставит в соответствие те или иные количественные «объективные» характеристики физических объектов. Однако, может показаться, что физические объекты все же обладают пространственными и временными характеристиками. Но, если мы обратимся к квантово-релятивистской физической картине мира, то мы найдем в ней вместо чувственно данных нам, обладающих весьма различными свойствами, пространства и времени, некое абстрактное единое пространство-время Минковского, обладающее к тому же псевдоевклидовой метрикой,

изоморфной метрике линейного векторного пространства комплексных чисел [5, с. 175–181].

Особенность пространственно-временного континуума Минковского заключается в том, что его невозможно одинаковым образом для всех наблюдателей разделить на временную и пространственную составляющую. Для того, чтобы определить «временную ось» конкретного наблюдателя, нам необходимо установить его «мировую линию» – кривую, описывающую геометрическое место всех событий существования соответствующего этому наблюдателю физического тела в пространстве-времени. Эта «мировая линия» и рассматривается далее в качестве «временной оси» данного наблюдателя. В частности, протяженность мировой линии деленная на скорость света дает нам собственное время данного наблюдателя.

Если наблюдатели движутся с различными скоростями, то их мировые линии не будут совпадать по направлению, т.е. будут не параллельны друг другу. Следовательно, для них единое пространство-время будет различным образом распадаться на пространственную и временную составляющую. В таком случае, чисто пространственный или чисто временной интервал между двумя событиями для одного наблюдателя, будет одновременно и пространственным, и временным для другого наблюдателя. То есть пространство как бы может здесь частично может превращаться во время, а время – в пространство. Таким образом мы видим, что пространство-время Минковского само по себе не есть ни пространство, ни время. Пространство и время как различные онтологические сущности здесь появляются лишь как «проекции» единого пространства-времени в собственную систему отсчета данного конкретного наблюдателя, что, наш взгляд, равносильно признанию, что пространство и время, как онтологически различные сущности, существуют лишь в чувственном восприятии конкретного наблюдателя и не существуют как

таковые вне этого восприятия. Таким образом, мы можем утверждать, что физические объекты сами по себе не обладают ни пространственными, ни временными свойствами, поскольку пространство-время Минковского, в котором они существуют, отнюдь не есть простая сумма чувственно воспринимаемых пространства и времени – а есть лишь некая единая их абстрактная (непредставимая наглядно) онтологически им инородная основа.

Далее, поскольку пространство и время с точки зрения теории относительности имеют исходно единую онтологическую природу, а пространство, при этом, существует для нас как актуально данная протяженность, в которой все пространственные точки существуют одновременно, то, очевидно, аналогичным образом – как актуальную протяженность, все точки которой также актуально сосуществуют, – необходимо мыслить и время. В таком случае мы должны признать одинаковую реальность настоящего, прошлого и будущего времени и, следовательно, иллюзорность какого-либо физического «движения во времени» (концепция, известная как «этернализм» или «теория блок-вселенной»). Заметим, что к такому же выводу нас приводит и принцип относительности одновременности, вытекающей из теории относительности. Из него следует невозможность определить события, относящиеся к «настоящему моменту времени», одинаковым образом для всех возможных наблюдателей, а следовательно, отсюда вытекает относительность различий между настоящим, прошлым и будущим. Событие, которое для одного наблюдателя является настоящим, может быть прошлым или будущим событием для других наблюдателей. Но это означает, что относительным является и «течение времени».

В таком случае нужно признать, что чувственно переживаемое нами становление, «движение во времени» – существует лишь в чувственной (приватной, индиви-

дуальной) компоненте нашего сознания. Образно говоря, наше индивидуальное чувственное осознание как бы движется вдоль мировой линии нашего тела, «считывая» расположенные вдоль этой линии «события», – что и порождает для нас эффект «движения во времени». Ограниченная протяженность для нас интервала «сейчас» (порядка 4 сек, по оценкам психологов) объясняется с этой точки зрения тем, что мы воспринимаем события на «мировой линии» как бы через некую «временную щель» конечной величины, которая позволяет нам одновременно «видеть» лишь небольшой отрезок этой «мировой линии».

Таким образом, мы видим, что «физическая реальность» существует не во времени, а в «Вечности», т.е. в некоем (по Платону) «неподвижном прообразе времени», в котором все временные модальности (прошлое, настоящее, будущее) уже заранее имеются в наличии, сосуществуют друг с другом. Но, по Платону, и смысловая реальность – «Мир идей» также существует «в вечности» – этот мир лишен какого-либо временного становления. И действительно, смысловую (умопостигаемую) реальность следует рассматривать как нечто по меньшей мере нелокальное во времени. Эмпирически это проявляется в нашей способности схватывать единый смысл протяженных во времени событий – мы улавливаем единую смысловую линию сюжета протяженного во времени кинофильма или сюжет большой по размеру книги, которую мы читаем длительное время. Мы способны это делать постольку, поскольку уже просмотренное и прочитанное не исчезает из нашего сознания, а как бы незримо (сверхчувственно) присутствует в настоящем в качестве смыслообразующего фона, позволяющего нам непосредственно улавливать смысловую связь предшествующего и последующего. С этой точки зрения, сам смысл можно истолковать как эффект временной нелокальности нашего сознания на сверх-

чувственном (смысловом) уровне. Действительно, смысл возникает из соотношения осмысляемого предмета с контекстами, которые, по большей части, находятся именно в нашем прошлом (как элементы прошлого опыта). Таким образом смысл переживаемого нами настоящего возникает в силу имманентной соотношенности этого настоящего с прошлым, которое никуда не исчезает из нашего сознания, но незримо присутствует в этом настоящем, как бы данное нам «сквозь время» (т.е. «присутствует» в настоящем, оставаясь само в прошлом, без актуального переноса в настоящее).

Итак, мы видим, что и смысловая (умопостигаемая) реальность, и физическая реальность – обладают одинаковыми бытийными свойствами. И то, и другое лишены чувственных качеств, чувственно данной пространственности и временности. Следовательно, мы вполне можем рассматривать физическую реальность как часть смысловой реальности. Почему именно как часть? Очевидно потому, что мы способны содержательно (непротиворечиво) помыслить и то, что физически не существует (но в принципе могло бы существовать в каком-то ином «плане бытия»). Таким образом, то, что непосредственно доступно нашему умственному взору – это Лейбницевское «Множество всех возможных миров» или «Умопостигаемый Универсум» – совокупность всего того, что вообще возможно помыслить. При этом наше мышление само по себе способно различать лишь возможное и невозможное (непротиворечивое и противоречивое), но не способно различать возможное и действительное. Действительное здесь – эта та часть умопостигаемого (один из возможных миров), проекция которого в приватное чувственное сознание и дает нам чувственное восприятие «окружающего нас физического мира». Это «действительное» – и есть то, что мы называем «научная физическая картина реального мира». Отсюда понятно почему мы, несмотря на то, что наше мышление

обладает способностью прямо постигать «сами вещи» в «подлиннике», тем не менее можем ошибаться, создавать ложные физические теории. Ведь нам необходимо еще «найти» тот «умопостигаемый мир», среди множества (возможно бесконечного) возможных миров, в «чувственной проекции» которого мы себя непосредственно обнаруживаем на уровне нашего перцептивного восприятия. В этом поиске нам помочь уже может лишь чувственное восприятие, которое и позволяет нам из «континуума возможных миров» (данных нам априори, и исследуемых независимо от чувственного опыта посредством математики) выделить тот мир, который мы и считаем «действительным» (чувственно воспринимаемым).

Такой подход к природе физического познания (восходящий к методологии Лейбница – его различению «истин разума» и «истин факта») – позволяет, с одной стороны, учесть эвристический потенциал мышления (в частности, математического мышления, которое можно истолковать здесь как «исследование мышлением самого мышления»), – поскольку нам априори даны любые «возможные миры», а с другой стороны, объяснить неустранимую эмпиричность физики – необходимость сочетать теорию с чувственным опытом, для того, чтобы найти тот «действительный» мир, в котором мы на чувственном уровне себя обнаруживаем.

Таким образом мы пришли к выводу, что единственной непротиворечивой философской системой, позволяющей сохранить смысл науки как подлинного изображения реальности, как реальной онтологии мира, является объективный идеализм (платонизм). Идеализм также позволяет решить фундаментальные проблемы философии сознания, связанные с невозможностью представить сознание как некую «часть» физической вселенной. Основная проблема философии сознания заключается в том, что сознание явно обладает «нефизическими» свойствами: чувственными качествами (квалиа), целост-

ностью, индивидуальностью, способностью к творчеству, свободой воли [3]. С нашей точки зрения, психофизическая проблема разрешима лишь если мы признаем, что не сознание является частью «физического мира», а напротив, «физическая реальность» – есть лишь некая компонента надиндивидуальной части нашего сознания, а следовательно, в сознании должны существовать и другие, нефизические компоненты, как раз и ответственные за упомянутые физически необъяснимые свойства нашего индивидуального сознания.

Библиографический список

1. Бергсон А. Материя и память / Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память: Пер. с фр. – Мн.: Харвест, 1999. – 1408 с.
2. Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 1. – М. : Смысл : Издательский центр «Академия», 2006. – 448 с.
3. Иванов Е. М. Тупики натуралистических теорий сознания и выход из них // Философская мысль. – 2019. – № 6. – С. 13–38.
4. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. – М.: Республика, 1995. – 400 с.
5. Сазанов А. А. Четырехмерный мир Минковского. – М. : Наука, 1988. – 224 с.

© *Иванов Е. М.*, 2021.

УДК 004.7.056.53

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ DDOS-АТАК С ПОМОЩЬЮ ИМПУЛЬСНОЙ НЕЙРОННОЙ СЕТИ

В. В. Цюндык

М. О. Жаров

*Младший научный сотрудник,
e-mail: vladim_zv@mail.ru,
старший научный сотрудник,
ФКУ НПО «СТuС» МВД России»
г. Москва, Россия*

NEUTRALIZATION OF DDOS-ATTACKS USING A PULSED NEURAL NETWORK

V. V. Tsyundyk

M. O. Zharov

*Junior Researcher,
e-mail: vladim_zv@mail.ru,
Senior Researcher,
FKU NPO «STiS»,
Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia*

Abstract. The article is devoted to the issues of ensuring the availability and security of data during DDoS-attacks. The use of an impulse (spike) neural network (hereinafter – IMN) is considered. The principle of operation of DDoS attacks has been analyzed, and a comparison has been made between the IMNS with other information security systems.

Keywords: information; networks; pulsed neural network; DDoS-attacks; malicious traffic; information security.

Одним из ключевых требований информационной безопасности, является преемственное обеспечение доступности самой информации. Причинами недоступности данных могут быть удаленные сетевые атаки или несанкционированный трафик.

Для современных бизнес-процессов данные факторы являются серьезной угрозой, которые влекут за собой в конечном итоге существенные финансовые, репутационные и клиентские потери.

Такие киберугрозы можно разделить на однонаправленные (Denial of Service, DoS – «Отказ в обслуживании») и распределенные (Distributed Denial of Service, DDoS – «Распределенный отказ от обслуживания») атаки [1]. Различие между ними в том, что однонаправленное нападение идет из одной точки, а распределенная атака более масштабна и идет одно-

временно с большого числа компьютеров (ботнета).

Причины таких киберугроз различные: недобросовестная конкуренция, вымогательство, шантаж, политические протесты, развлечения или личная неприязнь.

Чаше других киберугрозам подвергаются сайты и сервера правительственных и государственных учреждений, платежных систем, банков, крупных компаний, средств массовой информации (СМИ), игровых сервисов. В последнее время участились кибератаки на онлайн-кассы гипермаркетов и больших торговых центров.

Основная цель кибератаки – сделать сайт или серверы «жертвы» недоступными для пользователей, заблокировав их работу.

На данный момент однонаправленные атаки потеряли свою актуальность, так

как их эффективно отфильтровывают на уровне центров обработки данных (ЦОД).

Главным отличием распределенной атаки (DDoS-атаки) является то, что здесь помимо усиления трафика, атакующий сервер выполняет предварительное сканирование и исследование инфраструктуры, подсетей, портов и серверов атакуемого ресурса («жертвы») на предмет выявления потенциально слабых мест [2]. Определив такие места, злоумышленники распространяют троянские программы (например, через e-mail рассылки, социальные сети или сайты) с целью создания компьютерной сети с вредоносным программным обеспечением – ботнета. Далее злоумышленники отправляют специальные команды захваченным компьютерам, а те генерируют огромный объем трафика, способный перегрузить любую систему.

Одним из способов решения данной проблемы является использование импульсной (спайковой) нейронной сети (далее – ИмНС) для блокировки несанкционированного трафика. Использование ИмНС позволяет получить следующие результаты:

- равномерное распределение сетевой нагрузки;
- выявление, анализ и нейтрализация несанкционированного трафика в автоматическом режиме;

- расчет ресурсов и их загруженности;
- создание базы данных с различными видами DDoS – атак, что позволяет ИмНС составлять правила межсетевого экранирования в режиме реального времени.

Импульсная (спайковая) нейронная сеть представляет собой искусственную нейронную сеть (ИНС) третьего поколения, основное отличие которой от скоростных частотных и бинарных ИНС заключается в обмене нейронами, короткими импульсами одинаковой амплитуды. Разработка способа защиты от DDoS-атак на основе ИмНС обусловлена тем, что ИмНС является динамичной, многозадачной, высокоскоростной и быстро обучаемой. Данные особенности позволяют не только анализировать, обнаруживать и нейтрализовать DDoS-атаки, но и равномерно распределять сетевую нагрузку по физическим и логическим ядрам процессора каждого физического сервера в кластере, что в конечном итоге дает преимущество в производительности всей системы [5].

Структура ИмНС изображена на рисунке 1. Информация считывается с сетевого интерфейса физических серверов, в автоматическом режиме кодируется и в последующем импульсная нейронная сеть может в автоматическом режиме самообучаться.

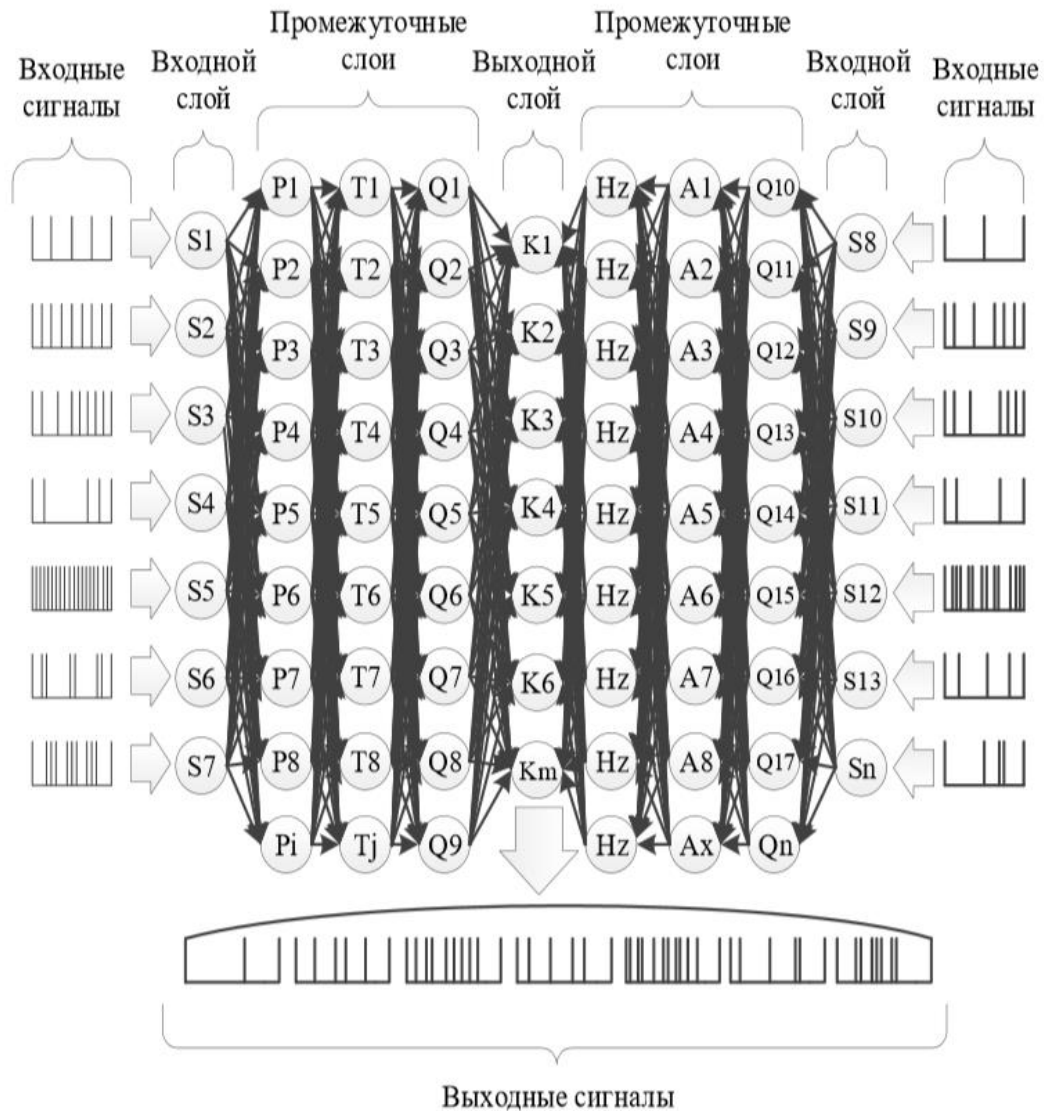

Рис. 1. Структура ИмНС

В результате на выходе получается преобразованное правило фильтрации, при этом сохраняется возможность распределения сетевой нагрузки.

Структура нейрона показана на Рисунке 2 (где $p_n(t)$ – входные сигналы; W_n – синапсы). За основу взята модель ФитцХью-Нагумо [6, 7].

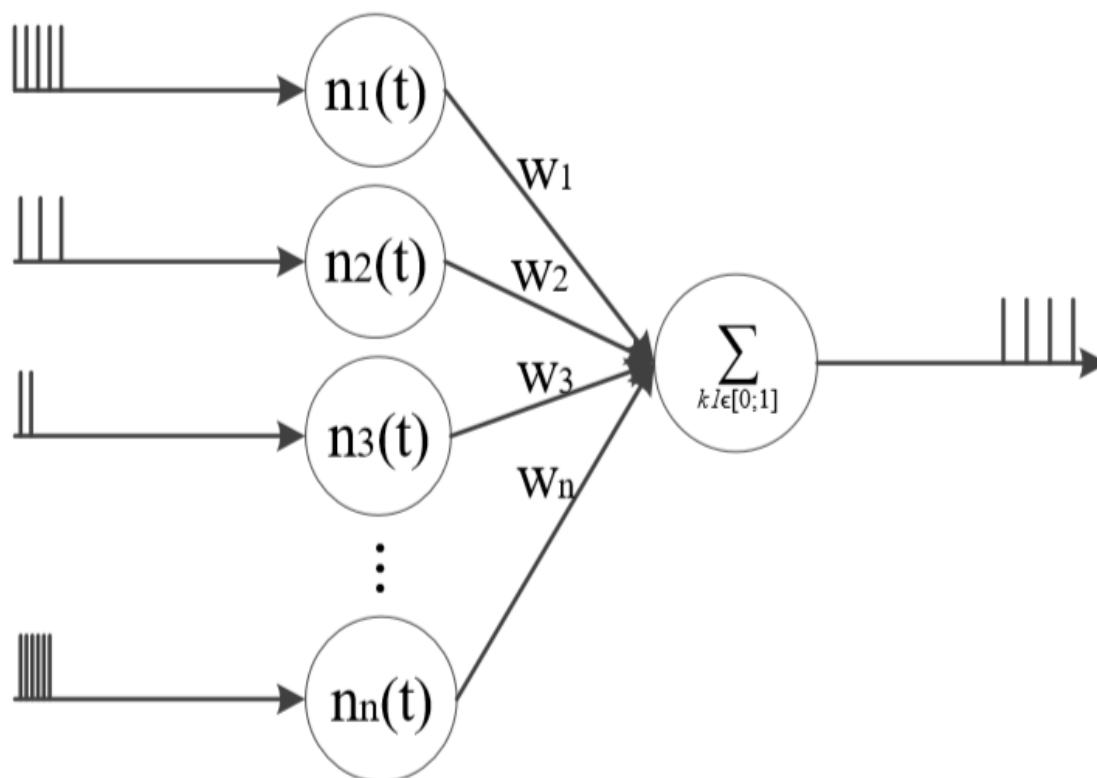

Рис. 2. Структура нейрона ИмНС

Модель нейрона описывается следующей системой уравнений:

$$\begin{cases} v = \frac{\alpha}{2} + I_{ext} \\ \tau \frac{dw}{dt} = v + \alpha + k1 \end{cases}$$

где α – потенциал нейрона; $k1$ – коэффициент реагирования на тип атаки в диапазоне от 0 до 1; I_{ext} – коэффициент внешнего воздействия; w – восстановление входного тока; v – динамика мем-

бранного потенциала; t – время угасания сигнала импульса.

Система реагирует на изменение вида несанкционированного трафика, анализирует его и блокирует. После обнаружения нового типа атаки вырабатываются правила фильтрации трафика, а самой атаке присваивается коэффициент реагирования и заносится в базу данных, пример представлен в таблице 1 [7].

Таблица 1

Коэффициенты реагирования k1

Тип DDoS-атаки	Краткое описание DDoS-атаки	Коэффициент k1
UDP-флуд	Случайные порты хост-машины «жертвы» заваливаются пакетами по протоколу UDP, ответы на которые перегружают сетевые ресурсы	0,001
DNS-усиление	На атакуемый DNS-сервер «жертвы» отправляется короткий запрос, на который он отвечает уже большим по размеру пакетом	0,002
HTTP-флуд	На атакуемый сервер «жертвы» отправляется масса обычных или зашифрованных HTTP-сообщений, забивающих узлы связи	0,003
Все виды ICMP-флуда	Перегружает хост-машина «жертвы» служебными запросами (например, ping), на которые она обязана давать эхо-ответы	0,004–0,120
MAC-флуд	Порты сетевого оборудования «жертвы» забиваются потоками «пустых» пакетов с разными MAC-адресами	0,121
SYN-флуд	«Жертву» заваливают многочисленными SYN-запросами без ответа. Канал «жертвы» забивается очередью TCP-подключений от исходящих соединений, ожидающих ответного ACK пакета	0,122
NTP-усиление	На атакуемый NTP-сервер «жертвы» отправляется запрос monlist, на который возвращается список из 600 последних клиентов ntpd, забиваются каналы связи	0,123
TCP-флуд (Reset)	Случайные порты хост-машины «жертвы» заваливаются пакетами по протоколу TCP, ответы на которые перегружают сетевые ресурсы	0,124
Source-флуд	Воздействие на аппаратные ресурсы «жертвы» (например, загрузка процессора или памяти выполнением кода через интерфейс CGI)	0,125
VoIP-флуд	На атакуемый VoIP-сервер «жертвы» направляется большое количество поддельных VoIP-пакетов с широкого диапазона IP-адресов, что вызывает перегрузку сетевых ресурсов	0,126
Неизвестные типы DDoS-атак	-	0,127–0,999

Обучение ИмНС происходит в пять этапов:

1. Прием данных с входного слоя (импульсов);
2. Равномерное распределение импульсов по нейронам;
3. Равномерное распределение скрытых слоев в ИмНС по ресурсам кластера;
4. Понижение информационной энтропии;
5. Подача данных на выходной слой.

Кроме ИмНС можно выделить несколько способов противодействия DDoS-атакам:

- программные решения на стороне клиента;
- решения операторов связи;
- распределенные сети фильтрации;
- программно-определяемые сети.

Программные решения на стороне клиента – это чаще всего, межсетевые экраны (стандартный брандмауэр или установленное программное обеспечение). Здесь преимущество использования обеспечивается за счет доступности (минимальные финансовые вложения) и относительной простоты в эксплуатации. В то же время стандартные решения не позволяют распределять сетевую нагрузку и не обладают достаточной эффективностью (не способны блокировать массивную DDoS-атаку).

Решения операторов связи представляют собой специализированные сети фильтрации с использованием оборудования, способного отслеживать большие объемы трафика. Основные преимущества решений операторов связи:

- эффективность обнаружения и нейтрализации низко активных атак внешним несанкционированным трафиком;
- возможность обработки большого количества сетевых пакетов (до 500 миллионов в секунду).

В качестве основных недостатков операторских решений по DDoS-атакам необходимо отметить следующее:

- дороговизна оборудования;
- неэффективность при массированных DDoS-атаках;
- невозможность распределения сетевой нагрузки;
- необходимость ручного редактирования правил фильтрации.

Распределенные сети фильтрации позволяют (как и следует из их названия) распределить сетевую нагрузку по узлам, избегая тем самым её концентрации в пределах одного ЦОДа. Следует отметить, что в данном случае достаточно эффективно блокируется несанкционированный трафик, однако имеются сложная конфигурация сети и высокая стоимость оборудования.

Программно-определяемая сеть (Software-Defined Networking, SDN) реализуется на программном уровне и представляет собой виртуальную сеть. При использовании данного метода защиты основная нагрузка ложится на управляющие коммутаторы, что зачастую сказывается на работоспособности сети в целом. К числу преимуществ данного метода можно отнести программное управление, самоанализ с принятием решений о перенаправлении трафика в автоматическом режиме.

К недостаткам данного метода относятся:

- высокая цена на оборудование;
- уязвимость контроллера SDN, а при его недоступности сеть не функционирует;
- отсутствие равномерного распределения нагрузки во время DDoS-атаки.

Существенными недостатками всех приведенных решений являются невозможность равномерного распределения сетевой нагрузки и автоматического обнаружения новых типов DDoS-атак. Решение данных задач позволит снизить за-

груженность сетевых ресурсов, а также повысить доступность информации, что положительно скажется на работоспособности каждого физического сервера в кластере. Таким образом, разработка новых способов защиты от атак внешним несанкционированным трафиком является на сегодня важной задачей [4].

Если сравнивать функциональные возможности ИмНС с другими методами защиты от DDoS-атак, то явно выделяют следующие преимущества ИмНС:

- большая адаптация под массивные атаки;
- обучаемость системы;
- высокая скорость реакции на нелегитимный трафик;
- отсутствие повышенных задержек;
- сохранение новых видов атак в базу данных (БД);
- малое потребление физических ресурсов;
- практически полностью автоматическая работа;
- равномерное распределение нагрузки.

Завершая рассмотрение актуальных вопросов обеспечения доступности и защищенности данных при DDoS-атаках, отмечаем, что ИмНС позволяет реализовать структуру самообучения искусственной нейронной сети на программном уровне. С внешнего сетевого интерфейса берутся данные о входящем трафике и преобразуются в импульсы на входном слое. После самообучения импульсы передаются на выходной слой и преобразуются в правила межсетевого экранирования с последующим сохранением в базе данных.

В продуктивной среде самообучение (новый вид атаки) занимает около 20 секунд, что является очень хорошим показателем.

Низкое потребление ресурсов в режиме отражения DDoS-атаки говорит о целесообразности использования ИмНС. Столь низкое потребление ресурсов кластера позволяет в минимальные сроки защитить

каждый сервер кластера, повысить производительность и обеспечить доступность, что является одним из ключевых требований информационной безопасности.

Помимо защиты от кибератак, ИмНС позволяет избежать ошибок, связанных с некорректной настройкой сетевой инфраструктуры (человеческий фактор), а именно когда сетевое оборудование из-за неверной конфигурации сети само генерирует трафик и нагружает сеть, по сути создавая нелегитимный трафик.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что использование ИмНС в качестве системы противодействия от DDoS-атак, позволяет экономить существенные финансовые ресурсы.

Библиографический список

1. Пальчевский Е. В., Халиков А. Р. Автоматизированная система защиты доступности информации от атак внешним несанкционированным трафиком в UNIX-подобных системах // Программные продукты и системы. 2018. Т. 31. № 3. С. 548–556. DOI: 10.15827/0236-235X.123.548-556.
2. Воробьева Ю. Н., Катасева Д. В., Катасев А. С., Кирпичников А. П. Нейросетевая модель выявления DDoS-атак // Вестн. технолог. ун-та. 2018. Т. 21. № 2. С. 94–98.
3. Краснов А. Е., Надеждин Е. Н., Никольский Д. Н., Репин Д. С., Галяев В. С. Детектирование DDoS-атак на основе анализа динамики и взаимосвязи характеристик сетевого трафика // Вестн. УдГУ: Математика. Механика. Компьютерные науки. 2018. Т. 28. № 3. С. 407–418.
4. Тарасов Я. В. К вопросу противодействия целенаправленным компьютерным атакам // Защита информации. Инсайд. 2018. № 4. С. 48–53.
5. Saied A., Overill R., Radzik T. Detection of known and unknown DDoS attacks using Artificial Neural Networks. *Neurocomputing*, 2016, vol. 172, pp. 385–393.
6. FitzHugh R. Impulses and physiological states in theoretical models of nerve membrane. *Biophys. J.*, 1961, vol. 1, pp. 446–466.
7. Nagumo J., Arimoto S., Yoshizawa S. An active pulse transmission line simulating nerve axon. *Proc. IRE*, 1962, vol. 50, iss. 10, pp. 2061–2070. DOI: 10.1109/JRPROC.1962.288235.

© Цюндык В. В., Жаров М. О., 2021.

UDC 070

РАБОТА ПРОДЮСЕРА ТЕЛЕПЕРЕДАЧИ НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА «ДОБРОЕ УТРО»

Е. Б. Дорошина

*Студентка,
НИУ «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия*

THE WORK OF A TV SHOW PRODUCER ON THE EXAMPLE OF THE FILM "GOOD MORNING"

E. B. Doroshina

*Student,
NRU "Higher School of Economics",
Moscow, Russia*

Abstract. The publication provides an analysis of the film "Good Morning", as well as its characters. This partly comedic movie helps not only to reveal the profession of a producer and his duties, but also to analyze the TV market and the laws by which it develops.

Keywords: producing; television; journalism; mass media; media industry

«Телевидение – это уникальная комбинация таланта, знаний, навыков, и наконец, адского труда огромной команды людей, в которой не всегда царит дружественная атмосфера», – говорит Регина Юркина, генеральный директор и соучредитель Конференции и Конкурса «Медиа-Бренд», лауреат премии МедиаМенеджер [2].

Фильм «Доброе утро» показывает «производственную кухню» телеканала со своими конфликтами и недопониманием. Большое внимание акцентируется на работе исполнительного продюсера.

Главная героиня, Бекки Фуллер, совмещает в себе основные личностные и профессиональные качества, присущие продюсеру (как телевизионному, так и вообще). В книге «Как это делается: продюсирование в креативных индустриях» этой теме также уделяется большое внимание.

Малика Тарабаева, выпускница магистратуры факультета коммуникаций, ме-

диа и дизайна НИУ ВШЭ, считает, что «талант продюсера ... зиждется ... на **великолепной интуиции**, которая помогает ему угадывать то, что может вызвать интерес у массового зрителя. **Профессиональное чутье** в сочетании с эрудицией и осведомленностью делают продюсера способным тщательно продумать проект, реализовать его, используя возможности творческой группы, продвигать до встречи с аудиторией и в результате получить прибыль» [2]. Бекки Фуллер смогла «предсказать», как привести утреннее шоу к успеху. Порой её решения были не продуманными, а именно интуитивными. Например, когда она решила, что корреспондент должен сам проехать на американских горках. Можно сказать, что она почувствовала, что такое эмоциональное включение сыграет им на руку. В какой-то степени это можно объяснить именно знаниями сферы и рынка, которыми обладает героиня. Но применяет она их бессос-

знательно, не объясняя для себя, почему именно так следует поступить.

Анна Качкаева, журналист, член Академии Российского телевидения, говорит, что продюсер – это «человек, который способен оценить риски, **взять на себя ответственность**, запустить проект и довести его до какого-то результата» [2]. Говоря об ответственности, можно вспомнить, что Бекки решила повысить рейтинг шоу, чтобы его не закрыли. Она рассчитала, сколько программе нужно набрать, и договорилась с боссом. Она решила, что будет бороться до последнего, потому что взялась за шоу серьёзно. Также это можно отнести к коммуникативным и управленческим навыкам, о которых позже говорит Анна Качкаева. Бекки смогла не только договориться с боссом об отсрочке закрытия шоу, но и организовать работу внутри коллектива. Она общается со всеми на съёмочной площадке и за её пределами, руководит эфиром и командует ведущими. К тому же, она со всеми находит общий язык и даже смогла уговорить Майку Помероя участвовать в утренней программе (правда, ей пришлось пойти на уловки).

Константин Эрнст, известный как генеральный директор Первого канала, отмечает, что продюсер «работает по 14 часов в день, практически без выходных, у которого не хватает времени ни на личную, ни на семейную жизнь» [2]. Героиня в фильме показана именно таким человеком. Она встаёт раньше всех (будильник стоит на 1:30, если на студии надо быть к 4 утра), за едой смотрит различные документы, постоянно на телефоне, допоздна обсуждает новые идеи с сотрудниками, которые уже засыпают. «Я прихожу первой, ухожу последней», «Я полностью отдаюсь своей работе», – говорит она о себе при устройстве на новую работу. Это прослеживается и в её личной жизни. На новом месте Бекки знакомится с Адамом, с которым у них завязываются отношения. Однако, как только заходит речь о работе, она тут же бросается за дела. Так она по-

ехала ночью искать Майку Помероя, как только услышала от Адама про его привычку напиваться перед нелюбимыми съёмками. Ещё она сидела среди ночи и записывала новости, смотрела телевизор, потому что не могла отвлечься от работы. Адам даже убирал её телефон в холодильник, чтобы хоть как-то отвлечь её от рабочих звонков. Помимо полной отдачи работе это можно назвать умением расставлять приоритеты. Главная героиня ставит для себя работу на первое место, остальные дела уходят на второй план. Зато благодаря такому трудолюбию она достигает больших успехов и уважения со стороны коллег. Эрнст так же говорит, что «90 % своей жизни он (продюсер) бывает несчастлив, а 10 % – счастлив настолько, что это перекрывает те 90 %» [2]. Бекки преследуют постоянные неудачи и трудности: она теряет работу, не может наладить отношения с парнем, её программу собираются закрыть, а ведущий не хочет нормально сниматься. Она всё своё время посвящает работе, но в итоге успех и результат всё окупают. Повышение рейтинга программы, отсрочка закрытия и принятие со стороны Помероя её профессионального вклада – всё это становится наградой и тем, ради чего она так старалась.

Андрей Болтенко, главный режиссер Первого канала, отмечает, что «любому, даже очень талантливому человеку нужен продюсер, который должен быть не только креативным и профессиональным, он также в какой-то мере **психолог**, который прекрасно понимает, что происходит» [2]. Бекки видит напряжённость отношений между Майком Помероем и Колин Пек. Та же сцена их знакомства, когда они не хотели идти друг к другу в гримёрку, мисс Фуллер пришлось сводить их в коридоре, идя на компромисс. Также она пытается найти к каждому свой подход и подобрать действенные слова. У неё развитая эмпатия и видение проблемы. Из конфликта ведущих она смогла сделать отличительную черту шоу, которая зацепила зрителей.

Если отходить от содержания книги и рассматривать чисто профессиональную деятельность Бекки, то можно выделить ещё несколько качеств, позволивших ей стать успешным продюсером «Доброго утра». В первую очередь, это целеустремлённость. Она не только готова взять на себя ответственность, но и рвётся к этому, чтобы начать добиваться желаемого результата. Более того, ей помогали честность и открытость. Она высказала все свои мысли Майку, она не скрывает своих эмоций. Это помогает людям вокруг понять её отношение и её стремления. Даже сам Майк под конец фильма проникся её стремлением помочь и поднять с колен шоу, которое могли просто закрыть.

Хоть основной темой фильма и являются функции продюсера, в нём можно увидеть и другие идеи. Например, предназначение журналистики в целом и «трендовость».

В книге И. М. Дзялошинского «Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям» упоминается опрос, который среди сотрудников российских СМИ проводил Независимым институтом коммуникативистики. Одним из вопросов была миссия журналиста. Больше половины (58,2 %) респондентов ответили, что журналист является объективным наблюдателем, то есть стоит над всем происходящим. На втором месте (21,4 %) стоит ответ о том, что журналисты – производители товара под названием «информация» [1]. Исходя из этого варианта можно понять, что целью журналистики является выпуск пользующегося спросом товара. Более того, на вопрос «Какие цели ставит перед собой ваше издание?» 59,8 % опрошенных указали «Развитие СМИ как бизнеса» [1]. В этом проявляется стремление продюсера привести проект к прибыли. Успешные телепередачи продолжают существовать, а неуспешные заменяются новыми, чтобы каждая минута эфира приносила деньги компании, а для этого должна

быть большая аудитория, которая на непопулярных передачах не поднимется.

В фильме продемонстрированы несколько точек зрения на телепроизводство: первая – позиция Майка Помероя, вторая – позиция Бекки Фуллер, третья – позиция начальства телеканала и, в частности, босса Бекки.

Майк Померой относится к журналистике в первую очередь как к серьёзным новостям. Он является олицетворением того подхода, что новости несут чистую полезную информацию, что аудитория обращается к телевидению за новыми знаниями о мире, и что умный зритель не будет останавливать своё внимание на развлечениях. «Люди не идиоты, им нужна информация», – говорит он. Именно из-за такой твёрдой позиции он отказывается читать несерьёзные новости и подыгрывать в шоу. Он считает себя выше простой развлекаловки, ведь многого добился именно в информационной сфере журналистики. В книге Елены Прониной «Психология журналистского творчества» упоминается классический прагматический текст, который описывает безоценочные и конструктивные факты без собственных предубеждений. В тексте также говорится, что такой текст требует от журналиста «ума и чести» [3]. Такое словосочетание описывает взгляды Помероя. (Стоит отметить, что в книге в этом отрывке акцентируется внимание на отсутствии пропаганды в журналистике. Но классический прагматический текст и требования к его реализации можно применить и в данной ситуации.)

У Бекки другое видение их шоу. После того, как она поняла, что рейтинги надо повышать чрезвычайно быстро, очень сильно стала прослеживаться идея развлечений. Утренняя программа в принципе не акцентировалась на тяжёлых новостях, но после некой «революции» от Бекки эмоциональность встала на первый план. Корреспондент на американских горках, ведущая, целующая лягушку, какие-то

бои, живые мероприятия и популярная музыка от приглашённого репера – это эмоции и развлечение. Можно сказать, что в этом плане главная героиня как продюсер увидела «тренд» и смогла в него попасть. И это привело к должному результату: видео с корреспондентом Эрни посмотрело 100 тысяч человек на YouTube, и произошёл скачок в рейтинге. Аудитория устаёт от новостей, зрители хотят отдохнуть, почти не напрягаясь. Именно поэтому информация постепенно превращается в инфотейнмент (infotainment). Полностью превращать телевидение в интертейнмент нельзя, потому что из-за этого потеряется часть просвещённой аудитории. Телевидение должно комбинировать в себе материалы разных тем и жанров, чтобы привлекать внимание как можно большего количества людей. Однако новый формат «Доброго утра» является противоположностью позиции Помероя и даже соперничает с ним. Как мы понимаем в конце фильма, инфотейнмент побеждает благодаря вкладу Бекки. «Факты таковы, что уже давно в нашей стране... весь мир спорит, что лучше: новости или развлечения. Уже много лет. И знаете что, Майк, ваша партия проиграла», – отстаивает свою позицию Бекки.

Третья позиция выражается частично в работе Бекки, частично в желаниях начальника. Основная цель здесь не просветить или развлечь аудиторию, а получить деньги. Начальник Бекки постоянно сравнивает рейтинги и анализирует аудиторию программ. Из этого он моделирует наиболее успешный вариант. Возможно, утренняя программа не была такой уж плохой, но цифры говорили обратное. Стремление получить прибыль переходит в цель набрать просмотров, что, в свою очередь, идёт к развлечению зрителя. Что-то необычное всегда привлекает людей. Многие не ожидали, что ведущие начнут ругать и подкалывать друг друга в прямом эфире, поэтому и переключились со своих дел на происходящее на экране. Так, нестандартные репортажи и действия веду-

щих привели к росту аудитории программы и, следовательно, к выполнению плана продюсера.

Как уже понятно из вышеприведённых размышлений об инфотейнменте, фильм показывает ещё и развитие тележурналистики и её жанров, отходящих от классических трактовок.

В книге Прониной приводится толкование репортажа из «Социальной практики и журналистского текста». Классический чистый репортаж подразумевает «сообщение, отражающее поступательное развитие реального события с предельной наглядностью, порождающей «эффект присутствия». В тексте идёт речь о Сергее Фатееве и тираспольском репортаже. Фиксация происходящего без проявления чувств и собственных оценок – вот проявление настоящего профессионализма. Если мы вернёмся к фильму, то заметим, что в этом плане появляется различие классического и «нового» формата. Прямые включения с Эрни и Колин, с одной стороны, являются репортажными: они показывают различные мероприятия, создают эффект присутствия. Но, с другой стороны, они наполнены личными эмоциями ведущих, в отличие от нейтрального классического репортажа. В какой-то степени это оправдывается несерьёзностью событий, которые освещаются в «Добром утре». Оценка со стороны ведущего не сильно повлияет на восприятие материала зрителем, но зато привлечёт внимание к экрану.

Из этого примера так же появляется ещё одна тема фильма: зачем журналистике нужны развлечения и эмоциональность? И нужны ли они вообще?

Во-первых, людей нельзя весь день кормить отрубями, как говорит мисс Фуллер во время спора с Помероем. Большая информационная нагрузка, как и любая работа и мозговая деятельность, приводит к усталости и перенасыщенности человека. Избавиться от этого помогает смена деятельности, а в медиа смена потребляемой информации. Во-вторых, бытовые

новости не всегда претендуют на серьёзность, а кроме новостей мирового масштаба люди хотят потреблять именно информацию местного уровня. Проведение ярмарки, спасение котёнка, появление нового арт объекта – всё это можно осветить только с точки зрения фактов, но для зрителей эти материалы всё равно будут нести определённые эмоции. В-третьих, эмоции обладают большей массовостью. В «Психологии журналистского творчества» говорится о появлении нового типа текста – гедонистического. В первую очередь он направлен на развлечение, делает акценты на влечения и страхи, потому что они есть у каждого. Такие «тексты» больше всего видны именно на телевидении, на радио и в газетах они не имеют такого же эффекта. «На этой основе выросла особая концепция журнализма, расходящаяся с просветительской, рационалистической школой «газетоведения», да и с прагматической «теорией новости». Одним из элементов успешности гедонистического шоу является страх, опасность для участника. В фильме это демонстрируется на примере Эрни, который то прыгал с парашютом, то летал на самолёте. Зрители смотрят на его эмоции и представляют свои эмоции в подобной ситуации. Визуальное переходит в зрелищное. Если визуальная часть СМИ направлена на рациональный эффект для аудитории, то зрелищная часть добивается именно эмоционального эффекта. Такие материалы выделяются на фоне обычных новостей, кажутся экстраординарными и захватывающими, что поднимает просматриваемость. Но в данном вопросе стоит соблюдать меру, чтобы не перейти грань между новостной журналистикой и полностью постановочным шоу, которое апеллирует только к эмоциям без информационной насыщенности. Доля просветительской деятельности должна присутствовать и в каких-то темах даже доминировать, вытесняя эмоции как участников события, так и ведущих. Все мы знаем та-

кие программы как «Форт Боярд» или «Последний герой». Они демонстрируют опасность, риски для участников, они заставляют зрителей переживать и представлять себя на их месте. Но эти программы не несут никакой повестки дня, никакой рациональной полезности, которую несут утренние шоу даже в России. Какие-то новости страны и региона, погода, живая музыка и кулинарные рецепты – это всё равно определённая полезность, но поданная в более простой для восприятия форме. Выбрасывать развлечение из шоу не стоит, потому что оно стимулирует интерес к телеканалу и конкретной программе. «Доброе утро» является утренним новостным шоу, которое как раз и совмещает в себе информационную повестку дня и развлечения для только что проснувшихся зрителей.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сказать, что в фильме прослеживается несколько тем, которые плотно взаимодействуют друг с другом или даже вытекают одна из другой. В первую очередь, речь идёт о функциях продюсера и качествах, которыми он обладает. Дальше повествование затрагивает развитие журналистики и смену поколений: классическая серьёзная подача сменяется новой, более развлекательной. И также эта тема переходит в ответ на вопрос, почему это происходит и зачем телевидению заниматься сферой развлечения помимо основной просветительской функции. Телебизнесу нужна прибыль, прибыль рождается из просмотров рекламы, просмотры рождаются из заинтересованных в передаче зрителей, а интерес зрителей рождается из контента и подачи материала. Весь фильм является демонстрацией работы этой цепочки, механизма телепроизводства, в котором продюсер играет далеко не малую роль.

Библиографический список

1. Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям / И. М. Дзялошинский. – М.: Престиж, 2006.
2. Как это делается: продюсирование в креативных индустриях / под ред. А. Г. Качкаевой, А. Новиковой, Р. Юркиной. – М.: Ridero, 2016.
3. Психология журналистского творчества / Е. Е. Пронина. – М.: Издательство МГУ, 2003.

© *Дорошина Е. Б.*, 2021.

УДК 821.531

**ИССЛЕДОВАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ,
ЗАИМСТВОВАННОЙ КОРЕЙСКИМ ЯЗЫКОМ ИЗ ЯПОНСКОГО
(на материале перевода медицинских книг)**

Ш. С. Касимова

*Преподаватель,
Ташкентский государственный
университет востоковедения,
г. Ташкент, Узбекистан*

**RESEARCH OF MEDICAL TERMINOLOGY BORROWED
BY KOREAN LANGUAGE FROM JAPANESE
(based on translation of medical books)**

Sh. S. Kasimova

*Teacher,
Tashkent State University of Oriental Studies,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The article is devoted to the study of medical terminology in Korean language, borrowed from the Japanese language, based on the translation of medical books. An analysis of the influence of borrowed medical terminology of the Japanese language on modern terminology used on Korean language. The degree of study problem and approaches of researchers of the actual state of medical terminology in the Korean language and its borrowing from the Japanese language were identifies on the example of translation of Japanese medical literature. Its influence has been established on the real conditions of Korean medical terminology and the emergence of new medical terms created during the Korean translation of Japanese medical literature.

Keywords: medicine; terminology; translate; Japanese medical literature; Korean terminology; borrowing; word formation; embedded terms.

Период интенсивного процесса вхождения в корейский язык заимствований иностранных элементов и словосочетаний можно подразделить на следующие два этапа: 1) до середины XIX в. и 2) после середины XIX в. Первый этап характеризуется сильным влиянием на корейский язык китайской системы письма и китайских иероглифов. Второй этап отличается активным заимствованием корейского языка из лексического арсенала японского и западных языков, обусловленным сложившимся историческим фоном взаимоотношений между Японией и Западом.

Для первого этапа было свойственно вызванное колонизацией принудительное заимствование в виде введения в корейский язык в больших количествах лексических единиц японского языка. Второй этап сопровождался добровольным заимствованием лексики японского происхож-

дения. Между тем независимо от того, как шел этот процесс – добровольно или принудительно, он сыграл значительную роль в формировании словаря корейского языка в современный период.

Типы внедренных слов, которые используются, будучи введенными или заимствованными из японского языка в корейский язык, включают китайские иероглифы японского происхождения. Среди них, например, такие как: '出張' (출장/командировка)', которое произошло от 'で ば り' [debari], и '社會' [Shiyakuwai] (общество)'.

Отметим, что существуют различные виды переводов, такие как «社會 (общество)», в котором английское «общество» переводится на японский и передается китайскими иероглифами, и на западно-

язычный язык, такой как «サ ラ ダ» (사라다)», который транслитерируется как «салат».

Среди указанных японских терминов заимствования наибольшее влияние оказали технические термины, в том числе такие академические термины, как архитектура, медицина, одежда. Особое место в этом процессе занимали медицинские термины. Согласно Jong-Hwi Jeon (1984), «примерно 80 % медицинских терминов, которые мы используем в настоящее время, введены японцами» [1, с. 10].

Таким образом, целью данной статьи являются исследование и анализ влияния и фактического состояния медицинских терминов, заимствованных с японского языка в современной терминологии, используемой в корейском языке.

Анализ предыдущих исследований медицинских терминов показывает, что, в основном, они посвящались определению значений словосочетаний и терминологии в лексическом аспекте, а также рассмотрению происхождения лексики и типов языков. Из числа японских исследований медицинской терминологии следует указать на работы Огата (오가타) (1974), И Сато (1980), Сиота (시오다) (1999), в которых дается анализ медицинской терминологии, почерпнутый из медицинских изданий на японском языке путем их перевода после распространения и внедрения в зарубежной медицине с XVIII в. С опорой на литературу была исследована терминология и выявлен процесс ее установления и урегулирования с учетом фактических условий ее использования.

Для каждого исследователя характерна собственная позиция в трактовке вопроса. Например, Огата (緒方) (1974) [2] рассматривает медицинские термины с исторической точки зрения, а Сато (1980) сосредотачивается на создании и увеличении словарного запаса. Он раскрывает процесс становления, происхождения лексики и использования медицинской терминологии посредством сравнения пере-

водов западной медицины с более поздними публикациями Chong «Новый учебник анатомии (Кайтай синсё)» (1798) и «Основные положения западной медицины» (1805). Кроме того, Сиота (1999) исследовал научные и технические термины в общем арсенале современных терминов в Японии и Республике Корея и выявил следующее: 86 % медицинских терминов, отображенных китайскими иероглифами в корейском и японском языках, совпадают с китайским языком.

Особо следует остановиться на исследовании корейского ученого Кан Шин-Хана (1985) [3]. Исследователь строит свою работу на изучении и обобщении терминов, заимствованных и используемых посредством передачи иероглифами японского происхождения. Большой интерес среди исследований, посвященных медицинской терминологии, вызывают работы Чон-Хви Чжон (1984) [4] и Хонг-Кван Сео (1993) [5], которые частично затронули проблемы и изменения в японских медицинских терминах с позиций медицинских экспертов.

Сон Ён-бин (2004, 2005) [6], анализируя медицинские термины, встречающиеся в медицинской терминологии, привлекает корпус корейского и японского языков, представляющий собой набор текстов в компьютерной форме. Исследуя соотношение терминологии, вновь появляющейся, с уже функционирующей в форме китайских иероглифов, он отмечает их трансформацию под влиянием японского языка.

Рассматривая терминологию, исследователи обращаются к освещению фактического состояния медицинских терминов и проблем терминологии, заимствованной из японского языка. Нас более всего в отличие от этих исследований интересует сам процесс участия и заимствования медицинских терминов, относящихся к терминологии, заимствованной из японского языка. С этой целью изучены и проанализированы эффекты, взаимосвязи и харак-

теристики медицинских терминов, встречающихся в 1-й части «Анатомии» (1906) и в «Практической анатомии» (1887), опубликованной в Японии, в оригинальной версии.

Несмотря на то, что это было лишь частичным исследованием, оно содержало основу для прослеживания истории обмена словарным запасом и его изучения определения влияния японского языка на процесс формирования и утверждения корейской лексики.

На основе изучения процесса формирования современных академических терминов в японском языке установлено, что первый перевод европейской анатомической таблицы в Японии был выполнен интерпретатором Нагасаки Рёи Мотоки (1682).

Американский миссионер-врач Гораций Н. Аллен является одним из тех, кто первым практиковал в Корее западную медицину в 1884 г. Приобретя в этом определенный опыт, Аллен предложил создать медицинское учреждение, которое познакомило правительство Чосон с западной медициной в то время. Впоследствии в знак признания его имени во времена династии Чосон была основана и открыта Кванхевон – первая национальная больница в современном стиле (переименованная в дальнейшем в Чеджунгвон).

Несколько позже при поддержке правительства Чосон в области медицинского образования он открыл медицинскую школу в Сеуле в 1886 г., где стал преподавать английский язык, арифметику, физику, химию и анатомию. В тот период образовательными целями Чеджунгвона были, во-первых, составление учебников для медицинских школ, во-вторых, подготовка врачей и, в-третьих, обучение медсестер, что сказалось на появлении новых заимствованных медицинских терминов.

Сменивший Аллена Оливер Р. Эвисон занялся переводом западных медицинских книг с целью расширения медицинской терминологии. Однако такой перевод за-

труднялся отсутствием квалифицированных переводчиков на корейский язык западных медицинских книг. Не обладая достаточными языковыми навыками, Оливер Р. Эвисон привлек к этому процессу помощника и ученика корейца Ким Пиль Сун (1978–1919). В его воспоминаниях о переводческой деятельности он пишет следующее о способе словообразования:

«Когда мы начинаем переводить анатомию мистера Грея, я знаю, что не могу перевести многие научные предикаты на корейский, поэтому не знаю, что мне делать. Поскольку нам пришлось не только перевести этот учебник, но и создать новый язык... Поэтому мы начали придумывать несколько научных предикатов вместе с переводами... В Китае многие медицинские миссионеры с Запада появились намного раньше, чем Чосон, и подготовили медицинские книги на китайском языке. Обращаясь к этим книгам, многие получали помощь, но было довольно много вещей, которые не подходили для Чосон.

До подготовки всех учебников приобретались и использовались японские, но большинство из них были подготовлены Министерством образования в качестве учебников для медицинских школ. Во многих японских учебниках использовались предикаты, написанные в китайских учебниках, но корни были те же, и многие были написаны по-разному, поэтому было довольно много новых учебников, которые были адаптированы для Чосон, ссылаясь на эти два» [7].

Согласно литературным сведениям, среди составленных в Чеджунгвоне учебников, материал которых был построен на обоснованных данных, следует отметить такие, как «Неорганические материалы в фармации» (1905), «Новый учебник химии неорганических веществ» (1906), «Первый том анатомии» (1906), «Новый учебник физиологии» (1906), «Диагностика 1» (1906), «Диагностика 2» (1907), «Акушерство Ву» (1908).

Небезызвестен также тот факт, что Эвисон осуществил перевод анатомии Грея, широко известного в тот период фундаментального западного медицинского труда, содержащего медицинскую терминологию.

Следует отметить, что все указанные переводы медицинских книг производились с книг японских авторов на японском языке. Осуществленный нами анализ позволил не только установить влияние японских книг на реальные условия медицинских терминов, но и путем сравнения выявить появление новых медицинских терминов, переведенных на корейский язык в «1-й части Анатомии», и «Анатомии», оригинал которой был опубликован на японском языке в 1887 г.

На основе сравнения терминологии «Практической анатомии» (1887), опубликованной в Японии, с терминологией «Первого тома анатомии», которая была переведена как оригинал, можно утверждать о большом влиянии лексики «Практической анатомии» на перевод «Первого тома анатомии». Подтверждением через сравнение текста между изданиями «Практическая анатомия» и «Первый том анатомии» служит следующий пример перевода:

«Так как он называется скелетом, он является основой тела, он становится опорой для других механизмов, и в нем много больших и маленьких отверстий, поэтому он обертывает и защищает драгоценные и важные органы, суставы всех костей связаны друг с другом, и каждое упражнение выполняется мышцами» [8].

Как видно из приведенного отрывка, его содержание в «Практической анатомии» передано в переводе на корейском языке в «Первом томе анатомии» с попыткой сохранить смысловую суть оригинала. В этом труде содержание описывается на корейском языке. На корейском языке передаются и все китайские иероглифы оригинала, обозначающие медицинские термины. Однако для таких терминов, как *скелет*, китайские иероглифы написаны в

круглых скобках, в качестве пояснения, чтобы помочь понять значение.

Обзор показывает, что хотя такие термины, как *скелет, тело, основание, орган, связки, суставы, мышцы, движение*, переданы только на корейском языке, можно полагать, что это было достигнуто не за счет нового перевода, а скорее всего благодаря тому, что китайские иероглифы в «Практической анатомии» были написаны только на корейском языке. Как можно предположить, это связано с тем, что концепция западных медицинских терминов не была реализована в корейском языке в то время, как показано в объяснении Оливер Р. Эвисон. Именно поэтому указанные китайские иероглифы, используемые в японском языке, были введены и заимствованы.

Однако в случае термина *орган* в «Практической анатомии» он записывается как <器管> китайскими иероглифами, а в «Первом томе анатомии» является своеобразным примером, так как записан в скобках как <器官>, что можно рассматривать в качестве примера применения перевода какого-то определенного текста.

Например, согласно корейско-английскому словарю «Dictionary Minjung Essence» (Minjungseorim. 4-е изд.), <器管> имеет значение *дыхательное горло, трахея* как анатомический термин, а <器官> имеет значение *орган* как биологический термин.

Медицинская терминология в основном тексте «Практической анатомии» показывает пример использования японского языка совместно с немецким и латынью, а в «Первом томе анатомии» – вместо немецкого и латыни совместно с английским.

骨組織 (Feinerer Bau der Knochen) - 実用解剖学 골조직(骨組織)
BONE TISSUE - 解剖學 卷一.

Предполагается, что это связано с трудностями в понимании концепции медицинских терминов, переведенных в то время на китайские иероглифы, поскольку

они не имели определенного значения и не были введены в оборот. В частности, автор «Практической анатомии» Имада ввел пояснения на латинском и немецком языках, чтобы помочь четко понять концепцию медицинских терминов, переведенных на китайские иероглифы.

Предполагается, что латинская и немецкая части были заменены передачей на английском языке, потому что переводчикам «Первого тома анатомии» Эвисон и Ким Пилсуну было проще объяснить соответствующие части на английском языке.

Изучение состава медицинских терминов, встречающихся в «Первом томе анатомии», на примерах их использования показало следующее. Отмечается обозначение медицинских терминов, как *Laryngeal Baekhoe*, как комбинация хангыль и китайских иероглифов.

В «Практической анатомии» встречаются примеры написания китайских иероглифов только на корейском языке (<<쥬상골결절> Узелок ладьевидной кости) и примеры, в которых используются как корейские, так и латинские символы (유스타키오관 <eustachiantube> – Евстахиева труба).

Среди всех примеров, признанных медицинскими терминами, используются 1223 случая написания китайских иероглифов. Хотя и редко, но иногда встречаются термины, переведенные на корейский язык, такие как *кость, позвоночник, голова, шея, лодыжка, запястье, локоть, форма полумесяца, улей*. Однако даже при объединении составных слов можно увидеть только 9 примеров. Кроме того, в случае слов ‘뼈(骨)’ и 벌의집(蜂窩), в случае с языком оригинала они были переведены на их корейский язык, а значение было объяснено китайскими иероглифами, что, по всей видимости, связано со значительными сомнениями в использовании правильного языка в качестве медицинского термина в то время.

Таким образом, можно предположить, что переводчики «Первого тома анатомии» Эвисон и Ким Пилсун приняли японские иероглифы такими, какими они были, но выбрали метод совместного использования корейских и китайских иероглифов для облегчения понимания.

Среди 1223 примеров китайских иероглифов, используемых в «Первом томе анатомии», фигурирует 15 примеров китайских иероглифов в 1-м символе.

Примеры использования китайских иероглифов с 1-м символом (в скобках указано количество страниц в английской версии 衆院 (Severance) Медицинского учебника):

腱 (сухожилие) (469), 頸 (шея) (372), 孔 (дыхало) (314), 溝 (320), 口 (рот) (323), 弓 (308), 筋 (кататония) (293), 囊 (желчный пузырь) (471), 竇 (пазуха) (330), 膜 (перепонка, мембрана) (291), 背 (спина) (296), 骨 (кость) (293), 體 (тело) (298), 核 (ядро) (546), 脾 (селезенка) (295).

Причиной, по которой использование 1-го символа не так часто встречается, может быть отнесение многих терминов к 2-м символам соответственно указаниям «Редакции разборки новой книги» и «Основным положениям западной медицины».

Между тем, существует 269 вариантов использования 2-х символов.

Примеры использования китайских иероглифов с 2-мя символами:

脛骨 (голени) (418), 鼓室 (барабанная перепонка) (345), 骨盤 (таз) (308), 髌骨 (тазовая кость) (307), 屈伸 (сгибание и разгибание) (430), 筋骨 (мышцы и кости) (423), 肋骨 (ребра) (319), 大翼 (шиповидное отверстие) (331), 頭蓋 (череп) (325), 堆骨 (грудина) (306).

В дополнение к этому существует ряд следующих примеров, используемых в качестве основы составных слов:

骨盤-: 骨盤腔, 骨盤帶聯接

(таз: полость таза, соединение тазового пояса);

肋骨-: 肋骨舉筋, 肋骨結節, 肋骨頸, 肋骨溝, 肋骨部

(ребра: подъем рёбер, бугристость рёбер, шейка рёбер, бороздка рёбер, реберная часть);

篩骨-: 篩骨棘, 篩骨突起, 篩骨神經溝, 篩骨緣, 篩骨截痕, 篩骨櫛

(решетчатая кость: решетчатый позвоночник – позвоночный столб, выступ решетчатой кости, бороздка решетчатого нерва, край решетчатой кости, разрез решетчатой кости, позвоночник);

鎖骨-: 鎖骨上窩, 鎖骨截痕, 鎖骨下勁脉溝, 鎖骨下筋

(ключица: надключичная ямка, разрез ключицы, бороздка подключичной вены, подключичное сухожилие).

Встречается много примеров двухсимвольных иероглифов, которые являются основой составных слов, созданных после эпохи Мэйдзи, но многие из них появляются в «Редакции разборки новой книги», а также в «Основных положениях западной медицины». Это доказывает, что медицинские термины, созданные в современную эпоху, были утверждены и стали широко использоваться.

Согласно результатам анализа, большинство медицинских терминов заимствовано в том виде, в каком были, за исключением перевода некоторой части слов с коренного языка. Например, содержание «Практической анатомии», опубликованной в Японии, и «Первой части анатомии», опубликованной в Корее с использованием этой книги.

Кроме того, подразумевается, что медицинская терминология, принятая в «Практической анатомии», включает ряд терминов, появляющихся в современном

значении в «Кайтай синсё», которая была впервые переведена в Японии, а затем в «Скорректированной Кайтай синсё» и «Основных положениях западной медицины».

Таким образом, с наступлением Нового времени западные медицинские термины были впервые введены в Японии посредством «Кайтай синсё», а затем повторно упорядочены в «Новой редакции Кайтай синсё» и т. д. Наряду с этим использование опубликованного в период Мейдзи повлияло на «Практическую анатомию», в результате чего значительная часть терминов была заимствована из «Первой части анатомии», которая была переведена в Республике Корея. Все это дает основание утверждать о важной посреднической роли «Первого тома анатомии», изданного в Корее, в заимствовании японских медицинских терминов корейскими медицинскими школами.

Следовательно, китайские переводы западных медицинских терминов, созданных с появлением западной медицины в современном Китае и Японии, были переданы династии Чосон через книги и переводы, и до сих пор используются в качестве технических терминов, а некоторые из них – как общих терминов.

Наше исследование о заимствовании медицинских терминов западной медицины в современной Республике Корея и их влиянии со стороны Японии, построенное на сравнении и анализе медицинских терминов в «1-й части анатомии» и «Анатомии», оригинал которой опубликован в Японии, показало следующее:

1. В Республике Корея на начальном этапе современного периода было мало знаний о западной медицине, что затрудняло деятельность иностранных миссионеров по обучению и распространению западной медицины и созданию новой медицинской терминологии.

2. В словаре, использовавшемся корейцами в тот период, имелось лишь несколько терминов, которые можно было

применить к концепции западных медицинских терминов. Это заставляло обращаться к книгам, изданным в Японии, и многие медицинские термины были приняты в процессе их перевода. Медицинские термины, созданные и заимствованные из Японии, до сих пор находят широкое использование.

3. В будущем предусматривается исследовать и выделить примеры терминов, используемых в современных западных медицинских книгах, для выявления взаимосвязи между процессом создания и влиянием Китая и Японии, а также для выяснения этимологии, путей происхождения и заимствования.

Библиографический список

1. Jong-Hwi Jeon. Korean Medical Terminology News. 1984. 140. – 10 с. – (На английском языке)
2. 된 언어 생활 274 7 월호. – (На корейском языке).
3. 강신항(1985) 근대화 이후의 외래어 유입양상 국어생활2, 현대 국어 어휘 사용의 양상 (1991) 태학사. – (На корейском языке).
4. 전종휘 (1984) 우리의 의학용어 한글 새소식 140. – (На корейском языке).
5. 서흥관 외 (1993) 의학용어의 변화-조선의보(1934-6)와 대한의학협회지(1985)에 나타난 질병명을 중심으로- 의사학 제2권 제1호. – (На корейском языке).
6. 송영빈(2004) 의학 전문용어의 한일 비교 日語日文學 제50집 1권. (2005) 한일 의학용어의 어휘적 특성 日語日文學 제31집. – (На корейском языке).
7. 魚丕 信博士小傳(二五) 조선의료교육의 시작(二) 귀독신보, 제867호 1932年 7月 13日. – (На корейском языке).
8. 한글표기는 당시 표기를 현대어 표기로 바꿨으며, 實用解剖學의 나타나는 용례와 일치하는 단어에 밑줄을 첨가했다. 韓國延世大學校醫科大學醫學史科編(2000) 세브란스 醫學教科書3 아세아 문화사, 13쪽. – (На корейском языке).

© Касымова Ш. С., 2021.

УДК 81

ТЕРМИН КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКА ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

О. А. Фролова

*Старший преподаватель,
e-mail: mailrwf@gmail.com,
ORCID 0000-0001-8947-6504,
Муромский институт (филиал),
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Муром, Россия*

TERM AS A UNIT OF LANGUAGE FOR SPECIAL PURPOSES

O. A. Frolova

*Assistant Professor,
e-mail: mailrwf@gmail.com,
ORCID 000-0001-8947-6504,
Murom Institute (branch), Vladimir State University
named after Alexander Grygoryevich
and Nickolay Grigoryevich Stoletovs,
Murom, Russia*

Abstract. The paper describes the main characteristics of the term as a unit of language for special purposes and professional communication. The term is defined as one of the most important units of scientific language. The author compares definitions of the term given by Russian and European scholars and looks on linguistic characteristics of terms and their functioning in a language system.

Keywords: term; terminology; languages for special purposes; semantics; definition; professional communication.

Отличительной особенностью любой отрасли научного знания является наличие собственного терминологического аппарата, без которого невозможно представить профессиональную коммуникацию. В языкознании термин рассматривается как единица языка для специальных целей, обладающая рядом характеристик, выделяющих его среди других единиц языка, и имеющая специфические особенности функционирования в языке отдельных отраслей профессиональной коммуникации. Целью статьи является выявление лингвистических особенностей и специфики функционирования терминологических единиц в языке.

К вопросу об определении понятия «термин» и его отличию от нетерминологической лексики неоднократно обращались российские и зарубежные учёные. К одним из ранних исследований в области терминологии можно отнести работы ос-

новоположника российской школы терминологии Д. С. Лотте по проблемам унификации и стандартизации технической терминологии. Он определяет термин как лексическую единицу для наименования предмета или понятия, не имеющую синонима в данной области и обладающую полнотой и ясностью в пределах возможной краткости, соответствующему по своему значению термину родственных отраслей науки [3].

Советский лингвист А. А. Реформатский под терминами понимает «специальные слова, ограниченные особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными, как точное выражение понятий и название вещей» [4, с. 61]. По мнению советского и российского терминоведа и лексиколога В. М. Лейчика, термин представляет собой «лексическую единицу определённого языка для специальных целей, обозначающую общее – конкрет-

ное или абстрактное – понятие теории определённой специальной области знаний или деятельности» [1, с. 96].

Австрийский исследователь, основоположник Венской школы терминологии О. Вюстер трактовал термин через чётко, недвусмысленно и однозначно определяемое понятие [7]. В англоязычных толковых словарях приводится довольно общее определение термина как специальной лексической единицы определённой сферы или предметной области (*the special lexical items which occur in a particular discipline*) [6, с. 591].

Несмотря на отсутствие единого определения термина в современной лингвистической науке, учёными выделяется ряд характеристик, присущих терминологии, среди которых можно отметить системность, моносемию, точность, отсутствие экспрессии и стилистическую нейтральность.

Системность терминов проявляется во взаимосвязи и взаимодействии терминов «на понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном (дериватологическом) и грамматическом «уровнях» [5; 3]. Под системностью терминов прежде всего понимают понятийные отношения между ними, соотносённость терминов с определёнными сферами деятельности (терминосистемы медицины, лингвистики, юриспруденции), в каждой из которых выделяются многочисленные подсистемы (терминология паллиативной медицины, стилистическая терминология, терминология международного права).

Говоря о моносемии терминов, прежде всего имеют в виду однозначность термина в рамках определённой сферы профессиональной деятельности. Термины в большинстве своём однозначны, однако, анализируя терминосистемы различных наук, мы находим омонимичные единицы (*appendix* – мед. *a small tube attached to the caecum*; в других сферах – *a separate part at the end of a book or magazine that gives extra information*). Однако подобные случаи относятся к явлениям межнаучной

терминологической омонимии и детерминологизации.

В этой связи выделяют другую особенность термина – точность, которая в данном контексте рассматривается как отсутствие полисемии терминологической единицы и независимость её значения от контекста (*oncogene* – мед. *a part of the genetic system which causes malignant tumours to develop*).

Научному стилю как сфере функционирования терминов присущи такие характеристики, как логичность, доказательность и точность, что исключает экспрессивность и стилистическую окраску используемых лексических единиц, чем обусловлены отсутствие экспрессии и стилистическая нейтральность используемой в научном тексте лексики, в том числе терминов. Термин перестают быть стилистически нейтральными единицами в художественной литературе, где они используются для передачи атмосферы действия и создания речевого портрета персонажа.

Таким образом, термин можно рассматривать как единицу языка, ограниченную сферой употребления, которая выполняет номинативную функцию внутри этой сферы.

Библиографический список

1. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура: учеб. пособие. – М.: Наука, 2006. – 296 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – 688 с.
3. Лотте Д. С. Очередные задачи научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1931. – 158 с.
4. Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
5. Термин и слово. Межвузовский сборник. – Горький. Изд-во ГГУ им. Н. И. Лобачевского, 1981. – 151 с.
6. Richards J., Schmidt R. Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics. Fourth Edition. – L., 2010. – 657 p.
7. Wuster E. Einführung in die allgemeine Terminologielehre und terminologisches

Lexicographie. 3. Aufl. – Bonn: Romanistischer
Verlag, 1991. – 154 p.

© *Фролова О. А.*, 2021.

THE TRAGEDY OF "JULIUS CAESAR"

G. M. Mansurova
N. T. Eshonkulova
U. Kh. Eshmurodov

*Teachers,
Karshi Engineering Economic Institute,
Karshi, Uzbekistan*

Abstract. The second tragedy of Shakespeare from Roman life (the first was the bloody tragedy "Titus Andronicus"), the first was published in 1623, but was created much earlier. Based on other additional sources from this period, it was concluded that the tragedy occurred in 1599. This tragedy, borrowed from Roman history, is a link in the transition from hilarious comedies, chronicles and Shakespeare's lyrical tragedy in an optimistic spirit to the creation of great tragedies.

Keywords: comparative biography; tragedy; composition; Roman life; historical drama.

The former President of the Republic of Uzbekistan I. A. Karimov in his pamphlet said – "Attention to literature – attention to spirituality, attention to the future" (2009) spoke about the present and future prospects of Uzbek literature, including the experience of translating, publishing and studying the best examples of world literature, emphasizes the need to pay more attention to the issue of further development of relations with foreign writers. "However, as we strive to raise our spirituality and develop our youth in the spirit of national and universal values, we must never be wrapped up in our own shell," the President wrote in his pamphlet.

By the way, scientists, representatives of culture and art are always looking for a deeper insight into the spiritual world of the East, the treasury of its artistic values, and to properly assess the enormous contribution of Central Asian countries to the development of world culture. For example, the great writers and scholars of the West discovered for themselves the highest examples of the literature and civilization of the peoples of the East and associated them with the achievements of Western culture. In turn, Eastern countries and writers have appealed to the cultural heritage and life of the West, enriching their national cultures, infusing traditions into our national literature.

Thanks to independence, special attention has been paid in our country to the in-depth

study of foreign languages and literature and the development of literary relations with foreign countries.

Shakespeare's second tragedy from Roman life (the first was the bloody tragedy "Titus Andronicus"), the first was published in 1623, but was created much earlier. Based on other additional sources from this period, it was concluded that the tragedy was created in 1599. This tragedy, taken from Roman history, is the link in the transition from Shakespeare's merry comedies, chronicles, and lyrical tragedy in an optimistic spirit to the creation of great tragedies.

The most tumultuous period in the history of ancient Rome, the sharp struggle between the supporters of the monarchy and the republic, attracted the attention of Renaissance figures. Between 1580 and 1610, English playwrights dedicated seven plays to the first emperor of Rome. Two of these were created in 1582 and have nothing to do with Shakespeare's tragedy, four of which were created in imitation of the playwright's play. All of these Julius Caesars are inferior to Shakespeare's in every way.

The ancient Greek writer Plutarch's "Comparative Biography", translated into English, was the source for Shakespeare's tragedy. The playwright took the content of the work from a chapter devoted to Caesar, Brutus and Antony. Shakespeare usually retreats from the historical chronology to

reinforce, summarize the event, shortening the time between events and bringing them closer together. Shakespeare created a poem in which the essence of the events, the movement of which is preserved, is condensed.

In the depiction of characters, too, Shakespeare freely used Plutarch's work: by enhancing the character traits of the protagonists, they increased their individuality. It should be noted here that if in Plutarch there is a glorification of the image of the personal ruler Caesar, in Shakespeare it is not. The rationalism, stylistic clarity, and sequence of events inherent in classical literature in Plutarch's work influenced the compositionally appropriate structure of Shakespeare's tragedy. This tragedy differs from other works of the playwright in terms of style and poetic language by its calmness and determination. In this tragedy, the playwright Caesar was able to accurately create the spirit of Roman life in the time of Brutus, the image of Rome, despite the fact that Shakespeare included in his work an ancient story.

The tragedy of "Julius Caesar" gave rise to the idea of protesting against the rule of the Tudor dynasty, the overthrow of the queen in society and the establishment of a new kind of state system, which was of great political importance for the time. Shakespeare's tragedy is a work that reflects these moods and reveals the playwright's attitude towards them. That is why Shakespeare often refers to the same poem in determining his political views. Scholars and critics have their own political idea of the work, interpreted according to their views: monarchists and Republicans, conservatives and liberals resolved the issue in their favor. But the idea given in the play has a much deeper meaning than the narrow sense of whether a monarchy or a republic is preferable, the *pesa* is not a political pamphlet, but a realistic historical drama.

The historical of Shakespeare's chronicles is further deepened in his tragedies of

ancient content. "Julius Caesar" has a broad coverage of the social life of the chronicles, a correct reflection of the contradictions of the time, but "Julius Caesar" was a step forward in relation to the chronicles in the creative maturity of Shakespeare. The difference between tragic chronicles is that all the actions of the characters are connected with political principles, they are not abstract, but individual, they are the bearers of a certain profession. In the chronicles, the heroes fought mainly for their own interests and eventually became the bearers of the idea of feudal arbitrariness or absolute order. From the beginning to the end of the tragedy, the heroes are well aware of why they are fighting, that this struggle is a struggle in the spirit of principle, and even that their actions are important for generations and history (III. I). *Pesa* conflict develops on the basis of clearly stated political principles. But even so, the declarativeness inherent in the great German playwright Schiller in Shakespeare is that the protagonists do not become the 'trumpet of the author's ideas' (F. Engels), each of whom is a living being with a distinctive character. In the tragedy, the portrayal of the two camp leaders in an extremely vivid, realistic way, each linked to a character trait, is a testament to how powerful the realism of Shakespeare's creative method is.

Critics often accuse the playwright of not giving a complete picture of Caesar, of not covering his military activities. Indeed, because the main idea of the play was not to praise Caesar's skillful military leadership, but to portray him as a statesman.

Caesar served Rome, increased his power, expanded his sphere of influence, and became a ruler because of these services. Now the whole of Rome wants to serve him. He wants what he says to always be accepted as the wisest, most just thought, that his command be the rule for all, that his image be equated with that of the gods. In general, he is the absolute ruler. Shakespeare portrays Caesar as physically weak, powerless, and one ear heavy. There is a deep meaning in the confrontation between this physically

weak person and his political power. How a person who is physically weak, mentally, intellectually, and morally inferior to others, especially Brutus, has the right to be an absolute ruler, Cassius says.

While Caesar's whole focus is on his personality, Brutus lives to serve only one profession – the republic. If the ambitious Caesar loves public applause, Brutus is a man of extreme humility, who prefers solitude, who demands nothing in return for his services. While Caesar was a dynamic, energetic man, Brutus was a thinker, a sage, a philosopher named Hamlet. Both of these characters have a special place in the system of images created by Shakespeare.

In Shakespeare's tragedy, the image of Brutus was highly idealized, the aristocracy, conservatism originally characteristic of historical Brutus, not reflected in Shakespeare. Brutus's image in the tragedy is therefore more reminiscent of Shakespeare's contemporaries, Renaissance humanists, thinkers, and philosophers than historical Roman patricians. Brutus was a supporter of Stoic philosophy. According to the Stoic philosophy, a person should cultivate the qualities of generosity, generosity, compassion and live according to the rules of morality, and this is true happiness. But such

a person should not be satisfied only with his own happiness, but also fight for the happiness of others. The tragedy of Brutus, a philosopher who renounced the pleasures of life with Caesar, who thought of his own personality, was in general a contrast between two worldviews.

The tragedy of Julius Caesar is known as the highest example of historical and political drama in the treasury of world literature, with a correct understanding of the contradictions of history and a realistic, extremely vivid depiction of images, events, depth and richness of thought.

Bibliography

1. Karimov I. A. high spirituality is an invincible force. – Tashkent, 2008.
2. Sulaymanova F. Shakespeare in Uzbekistan. – Tashkent: Fan, 1978.
3. Xolbekov M. N. Shakespeare. – Tashkent: Fan, 2010. – 78 p.
4. Athos T. The art of Shakespeare. – London, 1964. – 198 p.

© Mansurova G. M.,
Eshonkulova N. T.,
Eshmurodov U. Kh., 2021.

УДК 37.016:349.6

**АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА
СТУДЕНТАМИ БИОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ**

Д. В. Бышов

*Кандидат исторических наук, доцент,
e-mail: bishovdv@mail.ru,*

А. А. Воротынцева

*студентка,
e-mail: nastya.vorotyntseva@yandex.ru,*

К. Ю. Панькина

*студентка,
e-mail: kira2000333@gmail.com,
Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарева,
г. Саранск, Россия*

**THE RELEVANCE OF THE STUDY OF ENVIRONMENTAL LAW
BY STUDENTS OF BIOLOGICAL FACULTIES**

D. V. Byshov

*Candidate of Historical Sciences,
associate professor,
e-mail: bishovdv@mail.ru,*

A. A. Vorotyntseva

*student,
e-mail: nastya.vorotyntseva@yandex.ru,*

K. Y. Pankina

*student,
e-mail: kira2000333@gmail.com,
Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Abstract. In this article we discuss about studying environmental law at biological faculties. We analyzed availability and presence of disciplines in environmental law at the faculties of Law and Biology of the Russian universities. Also we consider the necessity of studying environmental law by students of biological faculties.

Keywords: environmental law; biology; the study of environmental law; federal law; universities of the Russian Federation; ecology.

Человечество уже долгие годы решает вопросы загрязнения окружающей среды, рационального использования природных ресурсов и т.п. В настоящее время, люди обеспокоены решением многих экологических проблем. Для России данная тема особенно актуальна, поскольку с каждым годом потребление природных ресурсов и их добыча растет [1, с. 86].

Продолжение человеческого рода во многом зависит от состояния окружающей среды. Долгое время данными вопросами занимались экологи [2, с. 24]. Тем не

менее при отсутствии должного юридического регулирования государственной политики невозможно решение экологических проблем [1, с. 86]. Таким образом, было положено начало экологическому праву – совокупности правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере взаимодействия общества и природы в интересах сохранения и рационального использования окружающей природной среды.

Государству ради сохранения экологического благополучия, предотвращения

экологических бедствий и катастроф техногенного характера, удовлетворительно-го состояния растительного и животного мира, а также ради сохранения здоровья граждан и обеспечивать их экологическую безопасность необходимо разрабатывать и осуществлять специальную политику, направленную на сохранения окружающего мира [1, с. 87].

Нужно ли изучать биологам, в частности, экологам экологическое право? Или это удел юристов, заинтересованных в работе над решением экологических проблем?

В таблице 1 представлены результаты поиска дисциплины «Экологическое право» в десяти университетах Российской Федерации в рабочих программах, представленных на официальных сайтах.

Таблица 1

Дисциплины по экологическому праву в университетах РФ

Наименование университета	Факультет/Институт	Кафедра/направление	Дисциплины	
			по выбору	основная
МГУ им. М. В. Ломоносова,	Биологический университет	Кафедра общей экологии и гидробиологии	1) Правовые аспекты охраны водных биологических ресурсов, 2) Экологическое право, экспертиза и аудит	-
	Юридический факультет	Кафедра экологического и земельного права		Экологическое право
Санкт-Петербургский государственный университет	Институт науки о Земле	Направление Экология и природопользование	-	Экологические право
	Юридический факультет		-	Экологическое право
Новосибирский государственный университет	Институт философии и права	Юриспруденция	-	Экологическое право
	Факультет естественных наук	Фундаментальная и прикладная химия. Специализация «Химия окружающей среды, химическая экспертиза и экологическая безопасность»	-	Экологическое право
МГУ им Н. П. Огарёва	Юридический факультет	Юриспруденция	-	Экологическое право

Сибирский федеральный институт	Юридический институт	Юриспруденция, кафедра трудового и экологического права	-	Экологическое право
Томский государственный университет	Биологический институт	Кафедра экологии, природопользования и экологической инженерии	-	Правовые основы природопользования и охраны окружающей среды
	Юридический институт	Кафедра природо-ресурсного, земельного и экологического права	-	Экологическое право
Воронежский государственный университет	Юридический факультет	Юриспруденция	-	Экологическое право России
Уральский государственный юридический университет	Институт права и предпринимательства	Кафедра земельного и экологического права	-	Экологическое право
Южный федеральный университет	Институт наук о Земле	Экология и природопользование	-	Правовые основы природопользования и охраны окружающей среды
	Факультет юридический	Юриспруденция	-	Экологическое право
Дальневосточный федеральный университет	Юридическая школа	Кафедра трудового и экологического права	-	Экологическое право

По полученным данным можно сделать вывод о том, что в настоящее время экологическое право преподается не только на юридических факультетах, но и на биологических, а также институтах наук о Земле, права и предпринимательства, факультете естественных наук.

На наш взгляд экологическое право должно изучаться студентами биологиче-

ских факультетов, в частности, экологам, поскольку экология является их основным предметом. Ведь между наукой экологией и экологическим правом существует очевидная связь. Экологическое право позволяет реализовать в жизнь экологические цели и задачи, которые грамотно могут быть сформулированы экологами [3, с. 185]. Экологическое право можно счи-

татъ одним из инструментов экологов по сохранению окружающей среды, рационального природопользования и сохранения прав граждан на благоприятную окружающую среду (ст. 42 Конституция РФ) [4].

Библиографический список

1. Хворостов А. Ю. Экологическое право и экологические права человека: к вопросу о необходимости формирования // Социосфера. – 2012. – №1. – С. 86–98.
2. Нарышкин С. Е. О значении экологического права и законодательства в решении задач охраны окружающей среды // Право и экология: материалы VIII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 23-24 мая 2013 г.) / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. А. Боголюбов. – Москва: ИЗиСП : ИНФРА-М. – 2014. – С. 23–27.
3. Верещагина И. В., Сидоренко С. Н. Экологическое право Российской Федерации: определение предмета правового регулирования и места в системе отраслей российского права // Наука и современность. – 2012. – № 16 (2). – С. 183–187.
4. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Рос. газета. – 4 июля 2020 г. – № 144.

*© Бышов Д. В.,
Воротынцева А. А.,
Панькина К. Ю., 2021.*

УДК 314.745.22

**ПРОБЛЕМЫ БЕЖЕНЦЕВ ИЗ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ
В ОПРЕДЕЛЕНИИ СВОЕГО ПРАВОВОГО СТАТУСА БЕЖЕНЦЕВ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

К. А. Филимонова

*Студентка,
e-mail: kira.f32a@gmail.com,
Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва, Россия*

**PROBLEMS OF REFUGEES FROM THE NEAR ABROAD
IN DEFINING THEIR LEGAL STATUS IN THE RUSSIAN FEDERATION**

K. A. Filimonova

*Student,
e-mail: kira.f32a@gmail.com,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia*

Abstract. The article is devoted to the problem of defining the legal status of forced migrants from post-Soviet countries. The article analyzes different ways for their legalization on the territory of Russian Federation and the main deficiencies in Russian migration legislation, that are outdated и need to be corrected in accordance to new socio-political realities on the post-Soviet space. Particular attention is paid to the legal solutions to problems, that the refugees face in the Russian Federation.

Keywords: Near Abroad; Russian Federation; refugees; forced migrants; refugee status; temporary refuge status; temporary residence permit.

Развал Советского Союза привел к тому, что за последние 30 лет во многих новообразованных постсоветских странах возникли национальные и территориальные конфликты, некоторые из которых даже переросли в военные столкновения. Следствием этого стало то, что базовые права и свободы мирного населения перестали соблюдаться, что вызвало поток беженцев в ближайшую мирную страну – Российскую Федерацию. Одной из проблем вынужденных мигрантов из Ближнего Зарубежья, которой не существовало до 1991 года, стало гражданство, вернее, его отсутствие. Беженцы без российского гражданства весьма ограничены в своих правах, в возможностях экономической и социальной адаптации, они сталкиваются со множеством проблем, связанных с определением их правового статуса.

Согласно Федеральному закону «О беженцах», вынужденные мигранты, которые не имеют российского гражданства,

могут претендовать на статус беженца либо на временное убежище. Лица со статусом беженца имеют право на проживание в специальных учреждениях и предоставление пособий. При этом претенденты на этот статус должны доказать, что они подвергались насилию, преследованию или существовала реальная опасность их преследования и членов их семей [6]. Что интересно – факт наличия вооруженных конфликтов и войны в государстве предшествующей резиденции не является достаточным основанием для предоставления статуса. Именно поэтому лишь единицы вынужденных мигрантов из постсоветских стран получают его. Следовательно, понятие «беженец» нуждается в корректировке. В соответствии с Решением Экономического суда СНГ № С-1/14–96 «О толковании понятий «беженец», «мигрант», «вынужденный переселенец» понятие «беженец» в нем дополнено такими новыми признаками, как жертва во-

оруженного и межнационального конфликтов, жертва преследования по признаку языка [7]. Это как раз те признаки, которыми обладают беженцы из стран ближнего зарубежья, и которых нет в Федеральном законе РФ. Поэтому официальное понятие «беженец» не является полным и не соответствует современным реалиям миграционных процессов в странах бывшего СССР, и поэтому так мало беженцев не признаются таковыми на территории РФ. При корректировке закона в пользу более расширенного толкования понятия «беженец» такая проблема исчезнет, и больше людей из постсоветских стран смогут получить легальный статус и социальную защиту от государства.

Интересно, что в Европейском Союзе получил развитие так называемый институт вспомогательной (дополнительной) защиты, где разрабатываются новые международные документы, развивающие и уточняющие положения Конвенции 1951 г. о статусе беженцев, формально не подпадающих под ее действие («де-факто беженцы») [3]. Можно было бы попробовать внедрить подобный опыт и в миграционном законодательстве РФ.

В разы чаще выдается документ о временном убежище на территории РФ. Однако и здесь мы наблюдаем некоторые проблемы. Во-первых, такой статус требует ежегодного продления, которое представляет собой весьма сложный и долгий процесс. К тому же, он предоставляет только легальное положение на срок действия документа, не включая в себя ни какую-либо финансовую помощь, ни предоставление жилья [9]. И самая главная проблема – вынужденным мигрантам часто просто отказывают в получении даже такого статуса, связывая это с «отсутствием гуманитарных оснований – реальной угрозы для жизни и свободы», даже несмотря на, к примеру, продолжающиеся обстрелы в родном населенном пункте беженца. К тому же, зафиксировано множество случаев, когда людей, воевавших

против украинской армии в конфликте на Донбассе и проживающих затем в России, по истечении срока годности временного убежища и отказа в его продлении выдворяли в Киев, где их ждали суд и тюремное заключение [5]. Это прямо противоречит тому, что в основе международной защиты прав беженцев стоит принцип, согласно которому ни один беженец, представивший веские доказательства против возвращения в страну происхождения, не может быть принужден к этому [4]. В подобных случаях помогает обращение в суд, но не все беженцы являются юридически грамотными и финансово обеспеченными для этого. Поэтому подобные случаи должны тщательно контролироваться и, если нужно, пресекаться МВД РФ.

Альтернативой всем перечисленным путям обретения легального статуса в РФ является классическая схема для всех иностранцев: оформление разрешения на временное проживание (РВП), затем получение вид на жительство (ВНЖ), и после этого – вступление в гражданство РФ. Сложности начинаются еще на первом этапе. Получить РВП можно только по особой квоте; без квоты могут получать только лица, состоящие в браке с гражданином РФ [2]. При этом количество квот строго ограничено и на всех желающих их не хватает. Поэтому получить квоту достаточно сложно. Некоторые делают по 10 и более попыток [8]. Учитывая это, беженцам приходится несколько лет сидеть «на пороховой бочке» в ожидании ее получения. При этом такой статус выдается сроком всего на три года, и если за этот период не удастся получить вид на жительство, придется проходить заново всю процедуру.

Представляется важным пересмотреть политику в отношении выдачи РВП. Согласно статистике, количество квот уменьшается с каждым годом, а количество желающих, особенно из стран постсоветского пространства, возрастает [1]. Поэтому стоило бы рассмотреть вариант

получения РВП другими путями без квот, или упрощенное получение квот хотя бы для приезжих из Ближнего Зарубежья. Если внедрить подобные изменения, существенно упадет уровень коррупции. В среде мигрантов все осведомлены о том, что квоты довольно легко приобрести: в регионах цена на одного человека составляет 30 тыс. рублей, в Москве и области может доходить до 200 тыс. руб. Подобные скупки квот со стороны, как правило, обеспеченных мигрантов приводят к еще большему дефициту квот для беженцев, которые ограничены финансово. К тому же, сегодняшняя подобная практика способствует процветанию коррупции в миграционной сфере, а, как известно, Россия сегодня старается бороться с таким явлением. Именно поэтому так важно переработать закон о получении РВП. К слову, недавно даже президент РФ Владимир Путин заявил о необходимости убрать этап получения РВП в принципе и выдавать мигрантам сразу ВНЖ [10].

Стоит обратить внимание и на тот немаловажный факт, что, к примеру, при эвакуации из зон военных конфликтов играет роль человеческий фактор и многие просто забывают свои документы, без которых в дальнейшем не могут легально оформиться в России, а восстановить их в консульствах иностранных государств таким беженцам во многих случаях невозможно.

Тот факт, что беженцу сложно получить легальный статус в РФ даже несмотря на достаточное обоснование, не дает ему возможности легально работать, полноценно получать медицинскую помощь, устраивать детей в образовательные учреждения, что приводит к росту коррупции и числа нелегальных заработков. Именно поэтому на сегодняшний день требуется откорректировать миграционное законодательство. В целях помощи соотечественникам из постсоветских стран следует внести изменения в Федеральный закон о беженцах в части определения понятия «беженец», а также пере-

смотреть политику в отношении получения и продления разрешения на временное проживание и документа о предоставлении временного убежища.

Библиографический список

1. В 2021 году мигрантам придется побороться за РВП: власти России резко уменьшили количество квот [Электронный ресурс] // URL: <https://migranturus.com/v-2021-godu-migrantam-pridetsya-poborotsya-za-rvp-vlasti-rossii-rezko-umenshili-kolichestvo-kvot> (дата обращения 01.02.2021)
2. Выдача разрешения на временное проживание // МВД России [Электронный ресурс] // URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/emvd/guvм/выдача-разрешения-на-временное-проживани> (дата обращения: 29.01.2021)
3. Исполинов А. С. Решение Суда Европейского союза по делу Elgafaji: взаимодействие права ЕС и международного гуманитарного права // Балтийский регион. 2011. № 3 (9) – С. 26.
4. Колобов А. В. Социально-правовая защита беженцев и вынужденных переселенцев // Ленинградский юридический журнал. СПб., 2010. № 1 (19). – С. 201.
5. «Нам вернули украинские паспорта» Беженцы из Донбасса жалуются на отказы в продлении временного убежища [Электронный ресурс] // URL: https://www.kommersant.ru/doc/3784569?fbclid=IwAR1i7mPjkrel8l_12B6vi8Izgcy3SRphcfNrf8LlTLyY1Kn9LwigrWuS9qk&utm_source=vk.com&utm_medium=social&utm_campaign=bezidentsy-iz-ukrainy-massovo-ispytyvayut-pr (дата обращения 06.12.2020)
6. О беженцах: федер. закон Российской Федерации № 4528 от 19 февраля 1993 г. – М.: Ось-89, 2005.
7. О толковании понятий «беженец», «мигрант», «вынужденный переселенец» применительно к Соглашению о помощи беженцам и вынужденным переселенцам, заключенному 24 сентября 1993 года: решение Экономического суда СНГ № С-1/14-96: принято в г. Минске 11 сент. 1996 г. [Электронный ресурс] // URL: docs.cntd.ru/document/901919919 (дата обращения: 21.01.2021)
8. Получение РВП в 2020 году: по квоте и без квоты, сроки [Электронный ресурс] // URL: <https://migranturus.com/poluchenie-rvp/> (дата обращения 20.12.2020)
9. Постановлении Правительства РФ № 274 от 09.04.2001 «О порядке предоставления временного убежища на территории РФ» // МВД России [Электронный ресурс] // URL:

<https://mvd.consultant.ru/documents/50093?items=1&page=1> (дата обращения: 19.12.2020)

10. Путин предложил отменить разрешения на временное проживание в России [Электронный ресурс] // URL:

<https://www.rbc.ru/society/07/03/2020/5e63ac7a9a7947c19e00face> (дата обращения 22.12.2020)

© Филимонова К. А., 2021.

УДК 159

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И БУДУЩИЙ УЧИТЕЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ю. В. Драгнев

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Луганский государственный
педагогический университет,
г. Луганск, Луганская Народная Республика*

INFORMATION SOCIETY AND A FUTURE PHYSICAL EDUCATION TEACHER

Y. V. Dragnev

*Luhansk State Pedagogical University,
Lugansk, Lugansk People's Republic*

Abstract. The role of the information society in the professional development of the future teacher of physical culture is manifested in large-scale changes in the organization of future professional activities in a general educational institution with the use of computer technology. This role is predetermined by the rapid process of dissemination of information and professional knowledge, as well as the emergence of innovative pedagogical activities based on the use of information technologies.

Keywords: information society; future physical education teacher; educational process; students.

В информационном обществе профессиональное развитие будущего учителя физической культуры определено индивидуально-активным процессом профессионального роста, который направлен на профессиональную самореализацию, а также самоутверждением в жизнедеятельности при условиях удачной профессиональной самореализации. Среди особенностей профессионального развития выделяют генетически-индивидуальные характеристики, определенные потребности в самореализации, личный опыт, совокупность профессиональных стимулов, и, главное, стремление интегрироваться в профессиональный контекст информационного общества и т.д.

В современном мире процесс построения информационного общества происходит настолько быстро, что информация становится важнейшим компонентом для развития всех сфер и общественной жизни,

и высшего физкультурного образования. Влияние информации на развитие личности будущего учителя физической культуры в жизни такого общества существенно повысилось, занимая соответствующую роль. На современном этапе модернизации высшего педагогического образования информационное общество рассматривается как особый мир, в котором предвидена свобода самовыражения студенческой молодежи, возможность постоянного профессионального самосовершенствования средствами информационно-коммуникационных технологий в информационно-образовательном пространстве (Ю. В. Драгнев) [4].

Решением проблем информационного общества и будущего учителя физической культуры занимались такие ученые: Н. Беззубенко, И. Букреев, Г. Грачев, Ю. Драгнев, Д. Паолилло, Д. Пимьента, Д. Прадо, А. Кравченко, Б. Мухаметжа-

нов, Г. Хосейн, А. Черноштан, В. Шелудько [1; 2; 3; 5; 7; 8; 9; 10; 11; 12].

В соответствии с этим очень справедливым является мнение ученых Г. Грачова и Н. Мельника [3], которые указывают на то, что в профессиональном образовании не достаточна концентрация усилий педагогов и студентов только на приобретении профессиональных знаний, умений и навыков, принципиально важным является непрерывное развитие личностных, мировоззренческих качеств студентов, их обогащения конкретными возможностями той или иной специальности и профессии. Действительно, концентрация усилий педагогов и студентов только на приобретении профессиональных знаний, умений и навыков является не достаточной, внимание надо больше уделить непрерывному развитию личностных и мировоззренческих качеств студентов. Именно это касается физкультурного образования и будущих специалистов области физической культуры.

Физкультурное образование и система подготовки будущего учителя физической культуры в это время определяется основными задачами, среди которых: повышение требований к учебным планам и программам не только на основе государственных стандартов и единого подхода к качественной подготовке специалистов, а и требований Болонского процесса; сочетание административных усилий и научного потенциала в решении актуальных проблем совершенствования высшего физкультурного образования; повышение качества профессиональной подготовки с учетом информатизации образования; использование современных информационных технологий в учебном процессе в условиях непрерывного образования [4] и т.д.

В контексте рассмотрения концептуальных принципов развития информационного общества и их влияния на профессиональное развитие будущего учителя физической культуры в процессе исследо-

вания мы проанализировали «Этичный кодекс для информационного общества» (Ст. 1. «Назначение Этичного кодекса») [13], который призван предоставить общие рамки для установления обязательств по безукоризненному поведению в информационном обществе с целью: опять подтвердить этические аспекты информационного общества; поощрить уважение к правам человека и фундаментальным свободам в информационном обществе; увеличить объем информации, которая является общественным приобретением; создать условия для разнообразия контента в информационных сетях; способствовать доступу к информации и средствам коммуникации. Во время анализа Этичного кодекса мы установили, что развитие информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) предоставляет возможности для распространения идей через слово и изображение, но также представляет этические вызовы обеспечения общего участия в глобальном информационном обществе.

В информационном обществе овладение информационной культурой начинается с детства, сначала с помощью электронных игрушек, а потом привлекается персональный компьютер. Для высших учебных заведений социальным заказом информационного общества следует считать обеспечение уровня информационной культуры студента, необходимой для работы в конкретной сфере деятельности. В процессе обучения информационной культуре студенту в вузе рядом с изучением теоретических дисциплин информационного направления много времени необходимо уделить компьютерным информационным технологиям, которые являются базовыми составляющими частями будущей сферы деятельности. Причем качество обучения должно определяться степенью закрепленных стойких навыков работы в среде базовых информационных технологий при решении типичных задач сферы деятельности [6].

Специфику определения личностно-профессиональных характеристик будущего учителя физической культуры невозможно понять, исходя лишь из особенностей составных компонентов системы профессионального развития. Такая система оказывается в иерархическом строении принципов с многоуровневой организацией. Основной целью в исследовании личностно-профессиональных характеристик будущего учителя физической культуры является раскрытие цели жизни, которая выходит за пределы построения информационного общества. По этому поводу Б. Мухаметжанов, исследуя взаимодействие личностного и профессионального становления современного специалиста, указывает, что одной из сложных и ключевых проблем педагогической теории и практики есть проблема личности, ее развития, формирования и социализации. Эта проблема имеет разные аспекты, потому рассматривается многими науками: философией, социологией, физиологией, психологией, анатомией и т.д. [8]. По нашему мнению, проблему профессионального развития будущего учителя физической культуры в информационном обществе должна разрешаться постепенно и комплексно.

Итак, роль информационного общества в профессиональном развитии будущего учителя физической культуры проявляется в масштабных изменениях организации будущей профессиональной деятельности в общеобразовательном учебном заведении с применением компьютерной техники. Эта роль предопределена быстрым процессом распространения информации и профессиональных знаний, а также возникновением инновационной педагогической деятельности, основанной на использовании информационных технологий.

Как замечает А. Кравченко [7], характерной чертой информационного общества является непрерывное образование. Она понимается как поэтапный и пожизненный процесс, который обеспечивает

постоянное пополнение и расширение знаний у людей разного возраста. Цели непрерывного образования, по его мнению, заключаются в укреплении способности человека адаптироваться к преобразованиям в экономике, профессиональной жизни, культуре и обществе. Исходя из этого, непрерывное образование будущего учителя физической культуры в контексте информационного общества – это процесс роста его образовательного потенциала в течение жизни с использованием информационных технологий в профессиональной деятельности. Исследуя систему непрерывного образования как фактор современного развития общества, В. Шелудько [12] доказал, что если мы определяем, что человек в возрасте приблизительно 18 лет является взрослым, то в соответствии с этим необходимо использовать другие принципы воспитания и обучения, чем к ученику.

Академик и вице-президент Русской инженерной академии И. Букреев считал, что важным показателем движения страны к информационному обществу является степень освоения населением Интернета [2]. Мы соглашаемся с И. Букреевым и отметим, что сейчас происходит уже Интернет-образование, которое осуществляется в каждом высшем учебном заведении с использованием технологий сети Интернет, потому профессиональное развитие будущего учителя физической культуры, который находится в условиях информационно-образовательного пространства, отвечает новым тенденциям в высшем образовании.

Исследуя проблему использования информационных технологий как фактор активизации познавательной деятельности студентов, Н. Беззубенко [1] заметил, что растущая роль информации и знаний в общественном развитии отразилась в концепциях информационного общества. Ключевая позиция знания в информационном обществе радикально изменяет позицию образования в структуре общественной жизни. В информационном обществе

непрерывное образование появляется как универсальная форма деятельности.

Важное значение имеет научная работа Г. Хосейна [9] «Ограничение и сдерживание глобальных потоков данных», в которой отмечено, что сегодня информационное общество неотделимо от таких средств коммуникации, как сеть Интернет, мобильная телефония и другие средства связи, которые обеспечивают интерактивную коммуникацию. Именно в таком обществе развивается будущий учитель физической культуры. Высшее образование предоставляет почти все возможности относительно соблюдения требований информационного общества.

Так же была найдена информация о разных взглядах на идею информационного общества в сборнике «Измерения языкового разнообразия в Интернете» [5] (Институт статистики UNESCO, измерения языкового разнообразия в сети Интернет, основные документы и материалы издания UNESCO для Всемирного саммита из информационного общества, Окинавская Хартия Глобального Информационного Общества), которые соединены по своей сути. Так, Институт статистики UNESCO, придерживается такого подхода к измерению информационного общества, который выходит за пределы технических проблем и исследует вопрос социальной роли сети Интернет и других каналов распространения информации. Такой подход допускает решение проблем огромной важности, а именно: стандартизации терминологии для достижения международной совместимости; идентификации показателей в экономически развитых странах; создание необходимых мощностей на национальном и международном уровнях для обеспечения постоянного сбора качественных данных. Также в основных документах и материалах издания UNESCO для Всемирного саммита по информационному обществу [14, с. 20–21] отмечено, что «современные информационные технологии открывают абсолютно новые

возможности в организации процесса обучения, основанной на использовании этих технологий. Создаются возможности для использования и применения в процессе обучения и получения ТПО, как ранее известных технологий, так и современных, а так же новых информационных и коммуникационных технологий.

Однако, при этом не следует забывать о полезных аспектах традиционных методов обучения, особенно о личностной природе отношений учитель – ученик».

Библиографический список

1. Беззубенко Н. С. Использование информационных технологий как фактора активизации познавательной деятельности студентов: На примере филологического факультета педвуза : дис.... канд. пед. наук : 13.00.08, 13.00.02 / Беззубенко Наталия Сергеевна. – Тула, 2006. – 206 с.
2. Букреев И. Н. Движение России в информационное общество [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://emag.iis.uarc/infosoc/emag.nsf/BPA/d2519f9007348f19c32576770050c877>
3. Грачев Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия [Электронный ресурс]. – М. : ИФ РАН, 1999. – Режим доступа : <http://www.rc-analitik.ru/file/%7Bb7aa66b3-ba4d-4d1e-8b33-84347e4023a6%7D>
4. Драгнєв Ю. В. Професійний розвиток майбутнього вчителя фізичної культури в інформаційно-освітньому просторі: теорія і практика: Монографія. Держ. закл. «Луган. нац. ун-т імені Тараса Шевченка». – Луганськ : Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2013. – 476 с.
5. Измерение языкового разнообразия в Интернете : Сборник статей / Джон Паолилло, Даниэль Пимьента, Даниэль Прадо и др. – М.: МЦБС, 2007. – 118 с.
6. Информатизация общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://phys.bspu.unibel.by/static/lib/inf/posob/stu_m/glaves/glava1/gl_1_1.htm
7. Кравченко А.И. Непрерывное образование: гибкость и рост [Электронный ресурс] / А.И. Кравченко. – Режим доступа : http://www.elitarium.ru/2010/09/29/nepreryvnoe_obrazovanie.html
8. Мухаметжанов Б. А. Взаимодействие личностного и профессионального становления современного специалиста [Электронный ре-

- сурс]. – Режим доступа : http://www.rusnauka.com/9_EISN_2007/Pedagogica/21267.doc.htm
9. Хосейн Гус. Ограничение и сдерживание глобальных потоков данных. – М. : МЦБС, 2008. – 68 с.
 10. Черноштан А. Г. Исследование критериев сформированности готовности к профессиональной деятельности будущих специалистов по физической культуре / А. Г. Черноштан, М. С. Щербак // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко – Луганск : «Книга», 2016. – № 1 (2) : Серия 2, Физическое воспитание и спорт. – С. 17–24.
 11. Черноштан А. Г. Теоретические основы рейтингового оценивания спортивно-педагогической подготовки будущих специалистов по физическому воспитанию в условиях кредитно-модульной системы обучения // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко : сб. науч. тр. / гл. ред. Е. Н. Трегубенко; вып. ред. Н. В. Вострякова; ред. сер. Н. А. Павлова. – Луганск : Книга, 2018. – № 1 (18) : Серия 2, Физическое воспитание и спорт. – С. 34–40.
 12. Шелудько В. С. Система непрерывної освіти як чинник сучасного розвитку суспільства [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://lib.mdpu.org.ua/nvsp/articles/2009/09_03shvssno.pdf
 13. Этический кодекс для информационного общества (проект) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ifap.ru/ofdocs/unesco/etcodex.pdf>
 14. ЮНЕСКО об информационном обществе : основные документы и материалы. Издание ЮНЕСКО для Всемирного Саммита по информационному обществу. – СПб. : Изд-во «Российская национальная библиотека», 2004. – 118 с.

© Драгнев Ю. В., 2021.

УДК 37.013

**МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОБОГАЩЕНИЮ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ
ИМЕНАМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА
ПРИ РАЗВИТИИ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ****С. А. Жажева***Кандидат педагогических наук, доцент,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия***Д. Д. Жажева***кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: zhazheva@mail.ru,
Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп, Республика Адыгея, Россия***METHODOLOGICAL RECOMMENDATIONS FOR ENRICHING THE SPEECH
OF STUDENTS WITH ADJECTIVES IN THE LESSONS
OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE DEVELOPMENT
OF SPEECH COMPETENCE****S. A. Zhazheva***Candidate of Pedagogical Sciences,
associate professor,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia***D. D. Zhazheva***Candidate of Pedagogical Sciences,
associate professor,
e-mail: zhazheva@mail.ru,
Adyghe State University,
Maykop, Republic of Adyghea, Russia*

Abstract. This article describes the methods and techniques of teaching that primary school teachers can use when learning the adjective name.**Keywords:** adjective; speech competence; method; reception; training.

Педагогическая теория и школьная практика знает немало методов или приемов обучения, которыми может пользоваться учитель начальных классов на уроках русского языка, чтобы достичь лучших результатов в своей преподавательской работе.

Существуют такие методы обучения как догматический, эвристический, проблемный, исследовательский, индуктивный, дедуктивный, метод беседы, наблюдений, самостоятельной работы и т.д.

Так как обучение – двусторонний процесс, в котором активно участвуют и учитель, и ученик, то, говоря о методах обучения, нельзя говорить только о методах

работы учителя, нужно учитывать и особенности учебной работы ученика.

Учитель организует процесс обучения, руководит им, сообщает знания, возбуждает познавательную деятельность учащихся, предлагает задания, проверяет их выполнение, учит приемам работы, старается развивать и воспитывать детей, и ему безразлично, насколько эффективна его деятельность. Ученик воспринимает, запоминает, воспроизводит, решает задачи, производит умственные операции, овладевает знаниями, умениями и навыками. Нужна обратная связь: нужно, чтобы усилия учителя получали адекватный ответ. Это то общее, что следует иметь в

виду при рассмотрении методов обучения в школе.

Наиболее обычна группировка методов обучения с точки зрения организации учебного процесса:

- связное сообщение учителем учебного материала;
- метод беседы учителя с учениками;
- самостоятельная работа учащихся с известной долей руководства со стороны учителя.

Названные методы характеризуют форму взаимосвязи учителя с учащимися в их совместной работе; это настолько распространенные способы организации учебного предмета в любом классе может обойтись без каких-либо из этих методов. Учитель использует их в разной мере, в зависимости от возраста и степени подготовленности учащихся, от этапа работы с классом по теме, от конкретных задач каждого этапа.

Когда группируют методы обучения по источнику знаний, получаемых учащимися, различают:

Словесные методы (объяснение учителя, работа с учебником).

Наглядные методы (наблюдение, демонстрация наглядных пособий).

Практические работы (устные и письменные упражнения).

В учебной деятельности превалируют словесные методы в соединении с практическими упражнениями, причем явное преимущество отдается упражнениям: им должно быть отведено основное место в работе класса. Само собой разумеется, упражнения предполагают значительное внимание работе с учебником, что иногда забывается учителем: учебник – основной источник материалов для упражнений.

Основной формой учебно-воспитательной работы по русскому языку, как и по другим предметам, является урок. Качество и эффективность урока связаны со структурной и методической сторонами урока, которые играют огромную роль в вооружении учащихся знаниями, умениями и навыками и способству-

ют развитию их познавательных сил и способностей.

Основная задача начальной школы – развитие речи учащихся. Одной из сторон этой задачи является обогащение словарного запаса детей. Мы считаем, что расширение словаря учащихся должно идти не за счет увеличения речевых единиц, а за счет совершенствования семантики каждого слова.

Понимание того, что каждое слово имеет свое значение (а этому способствует начальное усвоение прилагательных на основе чувственных образов), что слово может обладать эмоционально-экспрессивной окраской, что употребление слова зависит от цели высказывания, стиля речи (это формируется через упражнения), развивает у учащихся потребность внимательно относиться к выбору слова, узнавать новые слова. Работа с прилагательными в начальных классах раскрывает лексическое богатство русского языка.

В основе методики развития связной речи учащихся лежит обучение их созданию текстов. Текст, по данным лингвистики, – это «смысловое и структурное единство, части которого тесно взаимосвязаны, это специальным образом организованная цепочка предложений».

Характеризуя требования, предъявляемые к речи младших школьников, ученые выделяют следующие признаки:

- правильность речи (грамматическая, орфографическая, пунктуационная);
- ясность речи (доступность для понимания);
- чистота речи (отсутствие «паразитических слов»);
- точность речи (умение передать свою мысль, рассказать о каком-либо случае, описать предмет или явление в соответствии с действительностью; умелый выбор слов для передачи этой действительности; выбор из ряда

синонимов наиболее подходящих для данной цели);

- выразительность речи (умение передать чувства, которыми сопровождается информация, содержащаяся в речи);
- «богатство (относительное) языковых средств для выражения одной и той же мысли, отсутствие однообразия, повторения в небольшом отрезке текста одних и тех же слов, конструкций».

Тема «Имя прилагательное» является очень интересной и богатой в плане развития речи учащихся. Увеличение количества прилагательных в речи детей нужно производить, углубляясь в их семантику, М. Р. Львов установил, что «достижение пика интенсивности» имен прилагательных опережает систематическое изучение их в школьном курсе русского языка и приходится на 3 класс. Следовательно, необходимо искать пути и возможности обогащения речи учащихся начальных классов именами прилагательными еще до «пика интенсивности» в 1, особенно во 2 классе. Такое обогащение является очень важным, так как именно прищиповые слова делают речь выразительной и яркой, то есть изобразительной.

Имена прилагательные по своим выразительным качествам не могут сравниться ни с одной частью речи. На значение обогащения словаря ребенка прилагательными указывал Н. С. Рождественский. Он писал: «Обогащение словаря ребенка прилагательными имеет большое значение потому, что с их помощью выделяется в предметах, лицах, явлениях те качества, которые осмысливаются им как наиболее важные для него по своей жизненной значимости в связи с его интересами и потребностями» [3].

А М. Р. Львов отмечал, что «имена прилагательные» в речи младших школьников занимают незначительное место, но их использование от класса к классу быстро растет: в первом классе – не более

2 %, в третьем – 6 % всего числа словоупотреблений, в пятом – 8 % и в последующих – до 9 %» [2].

Мы проанализировали учебники начальных классов. На наш взгляд, учебники не в полной мере используют возможности для развития речи детей. Упражнения учебников содержат мало заданий, связанных с подбором прилагательных. Учителю начальных классов затруднительно самому подыскивать дидактический материал, поэтому работу с прилагательными следует начинать в процессе выполнения заданий учебника на этом же материале плюс дополнительный.

Например, в учебнике для 1 класса есть задания, в которых встречаются прилагательные: Лето жаркое, а зима холодная. Пух легкий, а камень тяжелый. Коллективно работая над этими прищиповыми словами, с помощью учителя можно подобрать к ним прилагательные.

Как было отмечено, изучение прилагательных в процессе выполнения практических заданий считается возможным в восьмилетнем возрасте. По наблюдениям многих учителей, дети охотно работают с прилагательными, находят такие занятия интересными, удивительными, их занимает и радует процесс подбора прищипового.

Работу над прилагательными нужно проводить, начиная с первого урока по теме «Имя прилагательное» (в течение 5–6 минут). Во-первых, следует постепенно накапливать количество прищиповых в индивидуальной речи каждого ребенка, во-вторых, надо, чтобы дети осознали, что прилагательные, имеют различия оттенками значений (по цвету, величине, оценке говорящего, отношению его к данному предмету). Приведем некоторые фрагменты работы над прищиповыми во втором классе (школа 1–3).

Для того, чтобы охарактеризовать человека, недостаточно сказать, что он хороший или плохой, необходимо накапливать определенный лексический материал для более точного и правильного выраже-

ния мысли. Например, умный – толковый, талантливый, башковитый; честный – правдивый, искренний; смелый – храбрый, отважный, мужественный, бесстрашный.

Большая роль на уроках отводится наглядности. Не только таблицы могут служить средством, обеспечивающим наглядность: картины, рисунки в учебниках, схемы построения слов, словосочетаний, предложений, диафильмы, грампластинки и другие технические средства, а также умелое использование классной доски, играют немалую роль. Одно из важных назначений наглядных пособий этого рода состоит в том, чтобы при помощи их организовать самостоятельную работу учащихся: они, например, читают таблицу, разбираются в ее содержании, устанавливают соотношение частей, сопоставляют отдельные части по сходству и различию, делают выводы, чертят свои таблицы и схемы на другом языковом материале, подбирают свои соответствующие примеры, проверяют их правильность по данной таблице или схеме и т.д.

Не следует забывать, что изучение языка и развитие речи требуют не только визуальной (зрительной), но, может быть, в еще большей степени, слуховой наглядности: громкого чтения и произношения.

Развитие речевой компетенции заслуживает самого пристального внимания. Речевая компетенция включает знание языка, способы взаимодействия с окружающими и удаленными людьми и событиями, навыки работы в группе, владение различными социальными ролями в коллективе [1].

Библиографический список

1. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования. – Интернет-журнала «Эйдос». – 2006.
2. Львов М. Р., Рамзаева Т. Г., Светловская Н. Н. Методика обучения русскому языку в начальных классах. – М.: Просвещение, 1987. – С. 329.
3. Речевое развитие младших школьников / под ред. Н. С. Рождественского. – М., 1970. – С. 138.

© Жажева С. А.,
Жажева Д. Д., 2021.

УДК 378+378, 164/169

**ЦИФРОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ
КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ
МУЗЫКАЛЬНО-ТВОРЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ****Е. А. Кувалдина
Д. Г. Юрченко***Кандидат педагогических наук, доцент,
магистрант,
e-mail: Djanetta79@bk.ru,
Вятский государственный университет,
г. Киров, Россия***DIGITAL EDUCATIONAL RESOURCES AS A MEANS
OF INCREASING THE MUSICAL AND CREATIVE COMPETENCIES
OF STUDENTS****E. A. Kuvaldina
D. G. Yurchenko***Candidate of Pedagogical Sciences,
associate professor,
master student,
e-mail: Djanetta79@bk.ru,
Vyatka State University,
Kirov, Russia*

Abstract. The article describes the use of digital educational resources as a means of developing musical and creative competencies of schoolchildren in music lessons.**Keywords:** digital educational resources; musical and creative competences; students; music lesson; education.

Современный учебный процесс нельзя представить без качественного обеспечения цифровыми образовательными ресурсами. В последнее время в учебном процессе активно используются: электронные учебные пособия, средства компьютерного моделирования, Интернет-сайты, тренажеры, обучающие программы и другие электронные средства.

В рамках Постановления Правительства РФ «О проведении в 2020–2022 годах эксперимента по внедрению целевой модели цифровой образовательной среды в сфере общего образования» поставлена задача – обеспечить единство государственного образовательного пространства, решить которую, предполагается за счет совершенствования существующих и формирования недостающих элементов информационной инфраструктуры сферы образования [3]. Наиболее перспективными в этом качестве мы можем назвать

цифровые образовательные ресурсы, под которыми понимаем доступную, в цифровом виде, совокупность данных, используемую в учебном процессе.

В приоритетном проекте «Цифровая школа», рассчитанном на период до 2024 года, определена значимость внедрения цифровых образовательных ресурсов с периода обучения ребенка в школе и формирования навыков работы с ними [2]. Поэтому в образовательных организациях должны быть созданы условия, обеспечивающие равный доступ обучающихся к качественному общему образованию, а также возможность использования цифровых образовательных ресурсов во всех школах.

Проблеме использования цифровых образовательных ресурсов в образовательном процессе посвящены труды авторов: Д. С. Шапиева, Р. Н. Абалуева и др., условия для успешного развития музы-

кально-творческих компетенций обучающихся в своих научных работах исследовали Е. Д. Критская, Г. П. Сергеева, Т. С. Шмагина, А. Шаяхметова.

Таким образом, особую значимость приобретают вопросы создания качественных цифровых образовательных ресурсов для развития музыкально-творческих компетенций обучающихся, что позволит улучшить качество обучения и реализовать учебный процесс в соответствии с требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов.

Цифровые образовательные ресурсы – это информационно-программное, технически организационное обеспечение, средства электронных изданий в сети Интернет. При использовании цифровых образовательных ресурсов в образовательном процессе наиболее применимы следующие методы: метод проектов, метод информационного ресурса, метод демонстрационных примеров. Цифровые образовательные ресурсы целиком состоят из визуально-звукового контента, отличительная особенность цифрового ресурса от печатного издания – ни видео, ни анимацию (мультфильм), ни звук увидеть, услышать невозможно. Определенное достоинство цифровых образовательных ресурсов состоит в том, что они обеспечивают личностно-ориентированное обучение.

Музыкально-творческие компетенции – это готовность к творческой деятельности, направленная на музыкальное творчество, которое находится в единстве с высоким уровнем музыкальных способностей и музыкального развития, которые позволяют достигнуть прогрессивных социально-лично значимых творческих результатов в одном или нескольких видах деятельности [5]. Центральной составной частью музыкально-творческой компетенции являются виды деятельности обучающихся на уроке: вокально-хоровая деятельность, слушание музыкальных произведений композиторов классиков, владение музыкальной грамотностью; иг-

ра на музыкальных инструментах; оценка успешности (рефлексия).

В ближайшем будущем, согласно проекту «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации», будет полностью разработан и реализован комплект цифровых образовательных ресурсов по развитию музыкально-творческих компетенций обучающихся, также подробно описаны технологии и методы их применения на уроках музыки.

В комплект цифровых образовательных ресурсов, которые мы используем на уроках музыки входят:

- видеоролики опер, балетов, мюзиклов, музыкальных кинофильмов, концертов классической музыки; документальные фрагменты о жизненном пути и творчестве композиторов-классиков.

- наглядно-демонстрационные материалы: портреты композиторов-классиков, артистов и музыкально-творческих коллективов, исполняющих произведения мировой музыкальной классики, народной и духовной музыки, современные сочинения; нотные пособия, материалы из музеев композиторов, исполнителей.

- интерактивно-творческие задания для обучающихся; вопросы, диагностические тесты, проблемные ситуации, которые направлены на закрепление учебного курса, выполняющие функцию контроля за качеством развития музыкальной культуры школьника.

- С применением цифровых образовательных ресурсов на уроках музыки усиливается положительная мотивация учащихся, активизируется их познавательная, музыкально-творческая деятельность. Уроки с использованием цифровых образовательных ресурсов проходят на высоком эстетическом и эмоциональном уровне, обеспечивается наглядность, визуализация, привлечение большого количества дидактического материала, тем самым повышается объем выполнения работы на уроке, обеспечивается высокая степень дифференциации, индивидуализации

обучения. Учебный процесс, с применением цифровых образовательных ресурсов направлен на развитие логического и критического мышления, воображения, самостоятельности, способствует повышению качества образования, увеличивает возможность проведения интегрированных уроков музыки, повышает результативность проектной деятельности, а также совместной медиапроектной деятельности педагога и обучающихся.

Итак, успешное развитие музыкально-творческих компетенций обучающихся возможно только тогда, когда учебный процесс организован как интенсивная интеллектуальная деятельность каждого ребенка с учетом его особенностей и возможностей с использованием различных современных средств. Таким образом, цифровые образовательные ресурсы – эффективная составляющая всех направлений деятельности современного учителя, способствующая оптимизации и интеграции учебной деятельности. Дополняя ши-

рокий спектр педагогических технологий, они помогают решить вопросы формирования общей коммуникативной компетенции как условия успешной социализации обучающихся.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2020)
2. Федеральный проект «Цифровая школа» № 204 07.05.2018 – 31.12.2024
3. Проект Постановления Правительства РФ «О проведении в 2020 – 2022 годах эксперимента по внедрению целевой модели цифровой образовательной среды».
4. Абалуев Р.Н. Интернет-технологии в образовании: учебно-методическое пособие. – Тамбов: ТГТУ, 2018. – 114 с.
5. Шаяхметова А. Система музыкального образования. – Красноярск: КНУЦ, 2019. – 109 с.

*© Кувалдина Е. А.,
Юрченко Д. Г., 2021.*

UDC 339:079

METHODS OF TEACHING LISTENING IN FOREIGN LANGUAGE LESSONS

D. Ja. Xalilova
G. M. Uzbekova

Teachers,
email: komila.fayziyeva.85@bk.ru,
Karshi branch of TIIEE,
Karshi, Uzbekistan

Abstract. The theme of this article “Methods of teaching listening on the foreign languages classes” is one of the actual theme in modern methods of teaching English as without listening speech communication is not possible. The main results of mastering general education curriculum mean acquisition of initial communication skills verbally and in writing with native speakers of a foreign language based on their speech abilities and needs.

Keywords: methods of listening; communication skills; problems of listening.

In our time, teaching methods are developing widely, and traditional methods are long gone. The basics of speech skills and abilities are formed at the initial stage, which makes the use of listening the most effective both as a goal and as a means in teaching a foreign language.

Listening is a receptive type of speech activity aimed at perceiving and recognizing a speech message by ear. In conditions of natural speech communication, the proportion of this type of speech activity is very large, if we bear in mind the impact on a modern person of such media as radio and television. In a school setting, the scope of listening includes listening to and understanding the teacher's speech, classmates' messages, texts, audio or video lessons [1].

In the process of listening, all the main analyzers of a person interact: auditory, speech-motor, visual. So in the process of listening to speech, the listener pronounces the perceived information, while the visual analyzer can significantly facilitate the perception of speech. In addition to analyzers, internal speech plays a large role in listening, which at the initial stage of learning a foreign language has the form of internal pronunciation.

Phonetic difficulties can be both common to all foreign languages and specific to individual languages. A common difficulty is the lack of a clear boundary between sounds in a word and between words in a sentence; the presence in foreign languages of such pho-

nemes that are not in the native language. The discrepancy between spelling and pronunciation of words is especially common in the English language.

Among the *lexical* difficulties, one must first of all include the presence of homonyms (hour – our) and homophones in English. Great difficulty is also caused by words that are similar in sound, especially paronyms (economic-economical), words expressing paired concepts (answer – ask, give – take, west – east), words that have the same collocation, or are simply met for the first time nearby, – otherwise saying everything that can be confused.

In the field of *grammar*, the greatest difficulty is caused by the discrepancy in the syntactic pattern of the phrase – the unusual order of words (referring the preposition in the sentence to the very end) [2].

In the field of grammar, great difficulties in understanding English speech arise due to the fact that, in the overwhelming majority of cases, the connection between words is carried out using various official words that do not have independent lexical meaning. In oral speech, weak forms of official words are used (you've, I've, he's). There are further difficulties in understanding with hearing the so-called “compound verbs» (Compound verbs) type to the put on, to the put away, to the put off, to the put up, close up, to the put down and so on. D. The fact that the main the part of the verb that students hear first often

directs their thought in a wrong way, since it is naturally associated in their minds with that specific meaning of the verb that they know well and which can be very far from the meaning of a compound verb (to put – to put and to put up – to accept).

In Depending on the specific training objectives and on the basis of full understanding of information are two types of listening: listening to the full understanding and listening with understanding the basic content of the text. Comprehension listening texts do not include unfamiliar vocabulary and expressions that might interfere with comprehension. When listening to the text with an understanding of the main content, the student should strive to understand the text as a whole. At the younger stage, the focus should be on developing the ability to fully understand the text [3].

We must strive to ensure that texts that are lighter in terms of meaning contain more information and fewer redundant elements, and texts containing more complex information are more redundant. In order not to cause information overload, the volume of the text must correspond to the psychological capabilities of the student. At the beginning of training, it should not exceed 1.5–2 minutes of sound, gradually increasing to 3–5 minutes. If it is necessary to listen to a longer text, it is useful to present it in parts with breaks.

This exercise is considered basic. It develops all four listening mechanisms. After all, in order to fulfill it, you need to hear the text, break it down, recognize familiar words and structures, and this is the development of speech hearing. To repeat, they must first be memorized, and this is the development of memory [4].

Probabilistic Forecasting Training Exercises:

1. Find as many definitions for words as possible.

2. Compose possible phrases with nouns, verbs, adverbs or adjectives.

3. Determine the content by title, illustrations, keywords, questions, etc.

In conclusion, I would like to say that this work explored the theoretical foundations of teaching listening and teaching methods of teaching listening, as well as the listening process itself, ways to overcome the difficulties that students face. Thus, mastering listening as a type of speech activity should ensure a successful communication process, develop the ability of students to speak and understand a foreign language, and since this process is complex and difficult, in schools more attention should be paid to this procedure and exercises that remove linguistic difficulties. It is very important to increase the motivation of students to understand a foreign speech by ear. But there are all prerequisites for improving the listening teaching process: technology in modern times is developing at a high pace, and teachers have more and more opportunities to use various types of technical teaching aids.

Summing up, it should be said that use listening in English lessons of the system of exercises developed for teaching listening not only heats up the motivation of children, not only makes lessons more interesting, but also improves the quality of knowledge, removes linguistic difficulties in completing assignments, which helps to achieve students with better results.

Bibliography

1. Shur G. S. Field theory in linguistics. – M. : Science, 1974. – 205 p.
2. Yusupov U. K. Problems of comparative linguistics. – Tashkent: Fan, 1980. – 135 p.
3. Ellis H. C., Hunt R.R. Fundamentals of cognitive psychology. – 1993.
4. Fillmore Ch. J. The case for reopened // Grammatical relations. – NY, 1977. P. 59–81.

© *Xalilova D. Ja.,
Uzbekova G. M., 2021.*

УДК 159.922.77

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

И. О. Карелина

*Кандидат педагогических наук, доцент,
ORCID 0000-0003-2452-0054,
e-mail: karelinainessa2017@gmail.com,
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского,
г. Рыбинск, Ярославская область, Россия*

THE PROBLEM OF PRESCHOOLERS' UNDERSTANDING OF SOCIAL EMOTIONS

I. O. Karelina

*Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor,
ORCID 0000-0003-2452-0054,
e-mail: karelinainessa2017@gmail.com,
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky,
Rybinsk, Yaroslavl region, Russia*

Abstract. The article is devoted to the discussion of the problem of preschoolers' understanding of social emotions, which is insufficiently developed in native child psychology. The material of the article is not only theoretical, but also contains the results of foreign psychological research of the genesis of understanding social emotions. Regularities of the formation of children's scripts for social emotions, the age features and socio-cognitive predictors of children's understanding of various social emotions (e.g., embarrassment, pride, gratitude, etc.) are considered. The main attention is paid to the problem of children's attribution of moral emotions to victimizers and changes in children's understanding of the relationship between emotions and moral assessment of an act. In the conclusion, findings are formulated that reflect the developmental logic in children's understanding of social emotions as a component of their emotional intelligence.

Keywords: emotion understanding; social emotions; understanding of social emotions; attribution of moral emotions to victimizer; preschool children; psychological research.

В последнее время в связи с исследованием особенностей становления и функционирования эмоционального интеллекта на разных возрастных этапах значительно возрос интерес к изучению особенностей понимания собственных эмоций и эмоциональных состояний других людей в период дошкольного детства. Это вполне закономерно и обусловлено тем, что овладение навыками понимания базовых и социальных эмоций – один из ключевых показателей развития эмоционального интеллекта

детей, определяющий успешность их социальной адаптации.

В общем, широком значении предметом *социальных эмоций* является сам человек, но в связи с другими, а сущностью – постоянное эмоциональное отношение к нормам и правилам поведения, принятым в данном социуме (С. Т. Дмитриева, 1997; А. В. Запорожец, Я. З. Неверович, 1986; О. Б. Конева, 1996; М. Митру, 1995; Е. В. Никифорова, 1998 и др.). В более узком, особом значении социальными считаются эмоции, где ключевыми моментами

являются взаимоотношения с другими людьми и сравнительная оценка в социальном контексте себя и собственных действий с точки зрения окружающих и их действий или разделяемых ими ценностей [1]: социальные эмоции, направленные на себя (стыд, чувство вины, гордость, смущение) и на других (эмпатия, чувство благодарности, зависть, ревность).

Актуальность психологических исследований динамики развития, возрастных и гендерных различий, а также предикторов понимания детьми социальных эмоций обусловлена ключевой ролью данного вида эмоциональных явлений в нравственном развитии и формировании позитивных социальных отношений ребенка с окружающими людьми в дошкольном детстве и на следующих этапах возрастного развития.

Несмотря на всестороннее изучение проблемы генезиса и формирования социальных эмоций дошкольников как основы развития нравственных качеств личности (Г. М. Бреслав, 1990; А. В. Запорожец, Я. З. Неверович, А. Д. Кошелева, Л. А. Абрамян и др., 1986; Л. П. Стрелкова, 1987 и др.), проблема понимания детьми социальных эмоций, или в более широком контексте – осознания детьми взаимосвязи эмоций и морали, является недостаточно разработанной в отечественной детской психологии, что обуславливает наше внимание к результатам зарубежных психологических исследований этого аспекта эмоционального интеллекта детей.

В настоящей статье мы попытаемся осветить наиболее значимые аспекты проблемы генезиса понимания социальных эмоций, и с этой целью считаем правомочным обозначить следующие направления исследований, основные результаты которых будут представлены ниже:

- *определение закономерностей формирования скриптов социальных эмоций и роли отдельных компонентов* (лицевой экспрессии,

причинно-следственных связей и др.) *в дифференциации скриптов базовых и социальных эмоций* (e.g., J. L. Tracy, R. W. Robins & K. H. Lagattuta, 2005; S. C. Widen, J. A. Russell, 2010);

- *выявление особенностей и предикторов понимания детьми отдельных социальных эмоций*: смущения (S. L. Bosacki, C. Moore, 2004; S. N. Chobhthaigh & C. Wilson, 2015 et al.), гордости (S. L. Bosacki, C. Moore, 2004; J. L. Tracy, R. W. Robins & K. H. Lagattuta, 2005 et al.), благодарности (e.g., J. A. Nelson, L. B. de Lucca Freitas, M. O'Brien et al., 2012) и др. [4; 5; 8; 12];
- *изучение процессов самоатрибуции детьми социальных эмоций* (e.g., M. Bennett & K. Gillingham, 1991) [3];
- *исследование многоаспектного феномена «счастливого обидчика», или моральной оценки детьми эмоций нарушителя нравственных норм* (W. F. Arsenio & A. Lover, 1995; M. Keller, O. Lourenço, T. Malti et al., 2003; O. Lourenço, 1997; C. E. Smith, D. Chen & P. L. Harris, 2010 et al.) [7; 10];
- *изучение понимания детьми эмоциональных последствий просоциального и асоциального (безнравственного) поведения* (e.g., F. Pons, P. L. Harris & M. de Rosnay, 2004; S. R. Sy, D. K. Demeis & R. E. Scheinfield, 2003; N. Yuill, J. Perner, A. Pearson et al., 1996) [9; 11; 13].

На первый взгляд, результаты психологических исследований особенностей понимания дошкольниками социальных эмоций противоречивы. С одной стороны, существует мнение, что дети не имеют представлений о комплексных (социальных) эмоциях примерно до 6–7 лет (e.g., P. L. Harris, 2008; F. Pons, P. L. Harris &

M. de Rosnay, 2004). С другой стороны, приобретение детьми навыков понимания социальных эмоций рассматривается как процесс их постепенной концептуализации, а осведомленность о базовых эмоциях – как предпосылка понимания более сложных эмоций, что позволяет говорить о приобретении детьми частичной осведомленности о некоторых социальных эмоциях уже в первой половине дошкольного детства, примерно в 3–4 года (e.g., S. L. Bosacki, C. Moore, 2004; S. C. Widen, J. A. Russell, 2010).

Если принять во внимание иерархическую организацию компонентов понимания детьми эмоций и последовательный переход от внешнего к ментальному и рефлексивному уровням понимания эмоций, где осведомленность о социальных аспектах эмоций является основой для понимания их связи с желаниями и убеждениями и последующей рефлексивной оценки эмоциогенных ситуаций, в том числе социоморальных, становится очевидно, что указанные позиции не противоречат друг другу.

В связи с этим обратимся к некоторым данным [12; 14], дающим представление о наиболее общих закономерностях формирования у детей скриптов социальных эмоций.

Основу распознавания и понимания эмоций составляют *эмоциональные концепты, или скрипты* (сценарии) – набор определенных выражений лица, причин, последствий, наименований эмоций и других индикаторов эмоционального реагирования, организованных во временном и причинном порядке. Предположительно, универсальный индикатор отсутствует, поэтому тот или иной компонент скрипта может выступать в качестве наиболее значимого индикатора опознаваемой эмоции в зависимости от возраста ребенка и модальности эмоции.

В исследовании Шерри Уайдена и Джеймса Рассела (S. C. Widen, J. A. Russell, 2010) было установлено, что в период с 4 до 10 лет осведомленность о

причине возникновения эмоции и поведенческих последствиях эмоционального реагирования является более сильным индикатором социальных эмоций, таких как смущение, сострадание и стыд, чем лицевая экспрессия. Этот вывод подтверждает данные ранее проведенных исследований закономерностей распознавания детьми гордости (J. L. Tracy, R. W. Robins & K. H. Lagattuta, 2005), успешность идентификации которой не зависит от наличия ярко выраженных характерных признаков экспрессии (мимика, жесты) и не объясняется использованием детьми правила исключения экспрессивных признаков знаковых базовых эмоций (радость, удивление) для опознания неизвестного эмоционального объекта (гордость).

Дошкольники, в отличие от младших школьников, приравнивают социальные эмоции к категориям базовых эмоций, ассимилируя, например, эмоцию смущения с уже имеющимся у них концептом «печаль» (4–5 лет), а стыд – с эмоциями гнева (4–5 лет) или печали (5–7 лет). При предъявлении ситуативного контекста около трети детей 5-го года жизни и половина старших дошкольников способны понять эмоцию сострадания. Окончательная дифференциация социальных эмоций от ранее возникших эмоциональных концептов базового уровня происходит в период с 7 до 10 лет.

Следовательно, понимание детьми социальных эмоций действительно возникает позже, чем понимание базовых эмоций. Дошкольники приобретают осведомленность об этих сложных эмоциональных категориях, наблюдая за поведением людей в различных социально значимых ситуациях, тогда как лицевая экспрессия имеет меньшее значение в формировании скриптов социальных эмоций.

Анализ данных психологических исследований возрастных особенностей понимания детьми социальных эмоций [4; 5; 6; 8; 9; 12] свидетельствует о наличии затруднений в понимании этих комплексных эмоций не только в дошкольном, но и

младшем школьном возрасте. Остановимся более подробно на этом вопросе, используя также некоторые данные [2], полученные в собственном исследовании.

Первая половина дошкольного детства (от 3 до 5 лет) характеризуется приобретением детьми опыта переживания, выражения и восприятия в коллективе сверстников проявлений социальных эмоций вины, стыда, гордости, смущения и эмпатии в различных социальных контекстах.

Младшие дошкольники наиболее успешно понимают эмоцию обиды в ситуации, где ребенка отказались принять в игру сверстники, но испытывают затруднения в понимании по ситуациям социальных эмоций сочувствия («Больной братик лежит в постели, а старшая сестра заботливо поправляет ему подушку, одеяло, гладит по голове») и сорадования («Девочка радуется за подругу, чей рисунок оказался лучшим в группе»). В силу возрастных особенностей формирования модели психического дети 3 лет не способны дать оценку эмоционального состояния персонажа, который совершил проступок и не смог сознаться в этом.

Дети 4-го года жизни могут определить соответствующую валентность социальных эмоций (гордость = счастье, смущение = печаль) в типичных социальных ситуациях, где «смущение» связано с оплошностью ребенка, а «гордость» – с одобрением его действий, при этом девочки имеют преимущество в понимании и вербализации эмоции гордости. Способность распознать лицевую экспрессию гордости формируется к 4 годам и совершенствуется на протяжении дошкольного детства в связи с повышением точности дифференциации разных типов положительных и отрицательных эмоций, развитием способности детей к словесному обозначению и описанию переживаний, а также вследствие увеличения частоты сравнений себя со сверстниками и приобретения опыта участия в соревнованиях в старшем дошкольном возрасте.

Обратим внимание, что дети 4–5 лет имеют базовую осведомленность об эмоциях смущения только в контексте неловкой ситуации, непосредственно предшествующей возникновению данной эмоции, не принимая во внимание влияние психических состояний и прошлого опыта переживания смущения на актуальное эмоциональное состояние человека. Дошкольники еще не владеют навыками продвинутого понимания социальных эмоций и не способны ментально связывать возникшую ситуацию с предыдущей неловкой ситуацией для прогнозирования эмоциональных реакций и изменения социального поведения с учетом прошлого опыта.

Существующие гендерные различия в понимании эмоций участников различных социоморальных ситуаций детьми 4–5 лет проявляются в лучшем понимании девочками эмоций обиженного ребенка в ситуации нарушения нравственных норм сверстником в отсутствие педагога.

Приведенные данные свидетельствуют о частичном понимании детьми 3–5 лет сложных эмоциональных концептов на уровне осведомленности о валентности социальных эмоций и конкретной ситуации их возникновения в соответствии с общей тенденцией развития понимания эмоций от базовых к социальным.

Вторая половина дошкольного детства характеризуется расширением диапазона понимаемых детьми социальных эмоций.

В отличие от младших дошкольников, дети 5–7 лет, особенно девочки, лучше понимают и воспроизводят социальные эмоции сорадования и сочувствия. Большинство детей 5 лет способны понять некоторые аспекты ситуаций, вызывающих благодарность, такие как связь между положительным эмоциональным состоянием ребенка и оказанной ему помощью другим человеком, необходимость ответной помощи в знак признательности, понимание взаимности, характеризующей переживание благодарности, и возможных

негативных эмоциональных последствий для благодетеля при отсутствии ответной помощи. Тем не менее, некоторые дошкольники ссылаются на социальные нормы поведения, не связывая желание помочь другому человеку с ранее полученной от него помощью.

В период между 6 и 8 годами происходят значительные изменения в понимании детьми эмоции смущения и развитии способности объяснять ее возникновение посредством предвосхищения повторения предыдущей неловкой ситуации. В этом возрасте дети осознают, что смущение — это нежелательная эмоция с негативными социальными последствиями, и указывают на необходимость модификации поведения для изменения исхода ситуации и предотвращения повторного переживания этой эмоции.

Однако в целом, примерно до 6–7 лет дошкольники лучше понимают базовые эмоции по сравнению с социальными, имеют весьма ограниченное представление о социальных эмоциях и не всегда ссылаются на переживания гордости, вины или стыда в соответствующих ситуациях успеха, неудачи и нарушения нравственных норм. К концу дошкольного детства данный компонент понимания эмоций сформирован только у трети детей. Учитывая, что полное понимание социальных эмоций достигается уже за пределами дошкольного детства, правомерно говорить об отсутствии интенсивной динамики в развитии понимания социальных эмоций в период с 3 до 7 лет.

В исследованиях, посвященных изучению предикторов понимания детьми социальных эмоций (например, [5], [8]), на первый план выходят социально-когнитивные факторы, в частности, осведомленность о социальных причинах возникновения эмоций, временных характеристиках эмоционального реагирования и психических состояниях.

Так, связь между эмоциональной осведомленностью 3-летних детей (принятие эмоциональной перспективы, понимание

причин возникновения эмоций) и последующим пониманием благодарности в возрасте 5 лет опосредована осведомленностью детей о психических состояниях, включая понимание ложных убеждений и предсказание поведения человека, основанного на ложных убеждениях, различие видимости и реальности, а также принятие визуальной перспективы. В действительности, это означает, что понимание дошкольниками благодарности и желания оказать ответную услугу в знак признательности предполагает, во-первых, наличие способности распознавать эмоции и связывать их с социальными ситуациями, а во-вторых, осознание того, что благодетель действовал ради удовлетворения потребностей или желаний другого человека.

Способность интегрировать информацию о психических состояниях и временных характеристиках эмоционального реагирования является предиктором прогнозирования и объяснения детьми 6–8 лет эмоции смущения, мотивирующей человека к соблюдению социальных норм, поддержанию позитивных социальных отношений и избеганию социального отвержения. К 8 годам дети приобретают скоординированное понимание психических состояний, эмоций, социальных норм и ценностей, начинают сознавать межличностные и эмоциональные последствия совершения социально неодобряемых действий и в результате достигают зрелого понимания эмоции смущения.

Следовательно, понимание детьми социальных эмоций базируется на осведомленности о базовых эмоциях и требует достижения определенного уровня развития модели психического, который характеризуется пониманием обусловленности эмоционального состояния человека его ментальной активностью, например, размышлениями о предыдущем событии или ожиданием будущего события, и осведомленностью о наличии модели психического у других людей, оценивающих поведение ребенка.

Изучение процессов самоатрибуции социальных эмоций (M. Bennett & K. Gillingham, 1991) указывает на смену детерминант при переходе дошкольников на следующий возрастной этап.

В 5-летнем возрасте самоатрибуция детьми социальных эмоций, таких как смущение, зависит от реакций других людей на действия ребенка и, по-видимому, отражает процесс аверсивной обусловленности: дети не понимают связь между собственными действиями и их восприятием другими людьми, но считают переживание смущения неприятным из-за таких негативных поведенческих реакций окружающих, как критика и насмешки.

Напротив, самоатрибуция смущения 8-летними детьми обусловлена сосредоточением внимания ребенка, допустившего оплошность в присутствии активно реагирующей аудитории (независимо от негативной или благосклонной реакции окружающих), на самооценке и зависит от наличия способности рассуждать о психических состояниях второго порядка («Он должен думать, что я думаю...»).

Таким образом, самоатрибуция детьми смущения и других социальных эмоций, таких как вина и стыд, имеет две стадии: примитивное смущение, возникающее в результате карательного поведения других по отношению к нарушившему социальные нормы ребенку, и зрелое смущение, основанное на осознании детьми социальной значимости правил поведения и предполагаемой оценке себя другими людьми.

Наряду с изучением возрастных особенностей и предикторов понимания детьми социальных эмоций большой пласт занимают психологические исследования феномена «счастливого обидчика» (например, [7], [10]), посвященные одной из наиболее дискуссионных проблем атрибуции детьми моральных эмоций нарушителям.

К удивлению, в период с 4 до 6 лет и за пределами дошкольного детства,

вплоть до 9–10 лет, доминирует паттерн «счастливый обидчик» – атрибуция положительных (аморальных) эмоций нарушителю нравственных норм, обоснованная достижением цели и получением желаемого. Напротив, паттерны атрибуции негативных (моральных) эмоций, сфокусированные на нарушении норм морали, причинении вреда жертве, а также на внешних санкциях («несчастный обидчик»), или атрибуции амбивалентных переживаний («обидчик, испытывающий смешанные чувства») не являются характерными для детей этого возраста.

Несмотря на адекватную нравственную оценку детьми нарушителя, понимание безнравственности его действий и негативных эмоций жертвы, позитивные изменения в обосновании детьми эмоций нарушителя в сторону нравственной ориентации при переходе от дошкольного детства на следующий этап возрастного развития весьма умеренные, что свидетельствует об устойчивости паттерна «счастливый обидчик» и мотивации, ориентированной на получение желаемого объекта.

Даже при условии дополнительных вопросов о возможности переживания нарушителем эмоций противоположной валентности дети 4–6 лет, в отличие от детей 8 лет, не меняют первоначальную атрибуцию нарушителю положительных (аморальных) эмоций на негативные (моральные) эмоции (O. Lourenço, 1997). Здесь со всей очевидностью выступает тот факт, что при наличии конфликта между личными интересами и нормами морали дошкольники фокусируются главным образом на связи между желаниями и результатом действий.

Следует особенно подчеркнуть, что феномен атрибуции «счастливого обидчика» наблюдается существенно реже в условиях прогнозирования детьми 5–6 и 8–9 лет собственных эмоций в гипотетических ситуациях нарушения морали и моральной оценки приписываемых наруши-

телю эмоций и его личности (M. Keller, O. Lourenço, T. Malti et al., 2003). Уже во второй половине дошкольного детства дети значительно чаще атрибутируют гипотетическому нарушителю негативные эмоции, признают неправильность его положительных (аморальных) эмоций и дают отрицательную нравственную оценку его личности, если ставят себя на его место.

Также заслуживает внимания тот факт, что понимание детьми эмоциональных функций извинения существенно меняет характер атрибуции детьми эмоций нарушителю.

Так, например, в ситуации отсутствия извинений со стороны нарушителя дети 4–5 и 7–8 лет демонстрируют классический паттерн атрибуции «счастливый обидчик», то есть ожидают, что ребенок, который отобрал у сверстника новую игрушку или оттолкнул его, чтобы первому покачаться на качелях, будет испытывать положительные эмоции, получив желаемое посредством умышленного причинения вреда и нарушения правил поведения. Как мы уже отмечали, в этом возрасте атрибуция детьми положительных эмоций нарушителю характеризуется сосредоточением не на факте нарушения моральных норм и отрицательных эмоциях жертвы, а на достижении цели, при этом только часть младших школьников при условии дополнительных вопросов об эмоциональном состоянии нарушителя приписывают ему амбивалентные эмоции, допуская возможность одновременного переживания отрицательных эмоций из-за проступка наряду с радостью от удовлетворения желания.

Напротив, словесное выражение извинения («извини») или упоминание о том, что обидчик принес извинения, кардинально меняет атрибуцию моральных эмоций (C. E. Smith, D. Chen & P. L. Harris, 2010): дети 4–8 лет приписывают нарушителю отрицательные чувства умеренной и выраженной интенсивности, обусловленные раскаянием за совершенный проступок, смягчают переживания жертвы, а с

возрастом, к 7–8 годам, могут приписывать жертве смешанные чувства вследствие ее одновременной вовлеченности в отрицательное (проступок) и положительное (извинение и потенциальное возмещение ущерба) эмоциогенные события. Следовательно, извинение приводит к смещению внимания детей с удовлетворения собственных желаний на акт нарушения.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что уже в среднем дошкольном возрасте дети способны понять некоторые важные эмоциональные функции извинения, в частности смягчающее воздействие извинения на эмоциональное состояние жертвы. Тем не менее, осознание более сложной связи между извинениями и переживанием амбивалентных чувств становится возможным только в младшем школьном возрасте.

Результаты научных работ, выполненных в контексте вышеуказанной проблематики понимания детьми взаимосвязи эмоций и морали [9; 11; 13], доказывают, что установление детьми причинно-следственных связей между негативными эмоциями и безнравственным поведением (ложь, воровство, сокрытие проступка, причинение вреда), а также между положительными эмоциями и морально одобряемыми действиями (самопожертвование, сопротивление искушению, признание проступка, извинение) начинается примерно с 5 лет. Однако в действительности только пятая часть дошкольников и треть детей 7 лет могут понять, например, что неспособность признаться в проступке вызывает у персонажа печаль, в то время как 11-летние дети осознают влияние морали на возникновение эмоций.

Динамика развития понимания детьми взаимосвязи безнравственных желаний и эмоций в период с 3 до 10 лет может быть представлена следующим образом (N. Yuill, J. Perner, A. Pearson et al., 1996): от объективной позиции и оценки эмоций 3-летними детьми в зависимости от объективной ценности результата (отрицательный результат → отрицательные эмо-

ции, и наоборот) к субъективной позиции и пониманию детьми 4–7 лет обусловленности эмоций человека степенью удовлетворения его желаний (удовлетворение безнравственного желания → положительные эмоции) и, наконец – к моральной позиции и пониманию детьми 10 лет влияния моральной рефлексии на эмоциональные реакции людей (проступок → негативные эмоции вины, стыда, смущения, печали).

Основу указанных трансформаций в атрибуции детьми моральных эмоций составляют изменения в когнитивном развитии в аспекте понимания субъективной природы желаний и осознания возможности несоответствия эмоций человека объективной ценности ситуации, а также социально-когнитивные изменения, которые выражаются в переходе от эгоцентрических, личных интересов к социально-моральным.

Не менее важным представляется и тот факт, что понимание дошкольниками эмоциональных последствий просоциального и асоциального (безнравственного) поведения во многом обусловлено социоморальным контекстом.

Проведенный исследователями (S. R. Sy, D. K. Demeis & R. E. Scheinfeld, 2003) сравнительный анализ предвосхищения детьми 4–5 лет эмоциональных последствий социоморальных ситуаций 3 типов выявил различия в эмоциональном рейтинге участников ситуаций, демонстрирующих неспособность действовать просоциально (отказ поделить или помочь другим) по сравнению с эмоциональным рейтингом участников просоциальных ситуаций и ситуаций нарушения нравственных норм.

В частности, в двух последних ситуациях была обнаружена зависимость оценки детьми эмоций ребенка от присутствия взрослого наблюдателя (педагога) и его прогнозируемой эмоциональной реакции. Принимая во внимание, что атрибуция дошкольниками положительных эмоций

человеку обусловлена главным образом ориентацией на результат в виде получения желаемого, неудивительно, что большинство детей, независимо от совершения ребенком одобряемых действий или проступка и вопреки ожидаемой негативной реакции присутствующего педагога, прогнозировали возникновение у ребенка интенсивных положительных эмоций. Другое возможное объяснение может быть связано с особенностями диагностической процедуры, исключающей описание последствий безнравственного поведения в виде наказания нарушителя присутствующим взрослым, и возникшим у детей предположением о безнаказанности проступка.

Напротив, неспособность ребенка к просоциальному поведению, например, отказ поделить печенье со сверстником, который не взял с собой ланч, оценивалась детьми независимо от присутствия стороннего наблюдателя, что может указывать на отсутствие ясного понимания эмоциональной реакции педагога в такой ситуации. Несмотря на то, что дети 4–5 лет по-прежнему были сфокусированы на обладании желанным объектом и не стремились в чем-то себе отказывать ради другого, они адекватно прогнозировали, что ребенок, отказавшийся поделить с другими или помочь им, чувствует себя менее счастливым по сравнению с просоциально действующим ребенком или нарушителем нравственных норм. Логично предположить, что снижению атрибуции положительных эмоций эгоистичному ребенку могло способствовать понимание детьми эмоционального дискомфорта нуждающегося сверстника.

Следует особенно подчеркнуть, что понимание взаимосвязи эмоций и моральной оценки поступка относится к навыкам продвинутого понимания эмоций и базируется на приобретенных в период дошкольного детства навыках эмоциональной осведомленности.

Наиболее интенсивное приобретение навыков осведомленности о комплексных

эмоциональных состояниях, к числу которых относятся социальные эмоции, происходит в период с 7 до 9 лет в связи с развитием модели психического и способностей детей к интерпретации и интеграции эмоциональной информации. Полное понимание социальных эмоций достигается только к 10–11 годам, когда дети выходят на рефлексивный уровень понимания эмоций и осознают возможность рассмотрения социоморальной ситуации и ее эмоциональных последствий с разных позиций.

Завершая обсуждение основных направлений исследований генезиса понимания социальных эмоций, сформулируем наиболее важные выводы, необходимые для понимания логики развития этого компонента эмоционального интеллекта детей:

- приобретение детьми навыков понимания социальных эмоций в период с 4 до 10 лет представляет собой процесс их постепенной концептуализации и дифференциации от базовых эмоций, основу которого составляет повышение осведомленности детей о причинах возникновения и поведенческих последствиях социальных эмоций;
- дети 4–7 лет понимают социальные эмоции на уровне осведомленности о валентности эмоций и конкретной социальной ситуации их возникновения, приравнивая переживания гордости, смущения, стыда, вины, благодарности и другие социальные эмоции к категориям базовых эмоций; дифференциация социальных эмоций от эмоциональных концептов базового уровня происходит в период с 7 до 10 лет;
- самоатрибуция социальных эмоций смущения, вины и стыда детьми 5 лет обусловлена карательным поведением других по отношению к нарушившему социальные нормы ребенку; к 8 годам возрастает роль

самооценки и предполагаемой оценки себя другими людьми в самоатрибуции детьми социальных эмоций;

- понимание социальных эмоций детерминировано социально-когнитивными факторами: осведомленностью о социальных причинах возникновения эмоций, временных характеристиках эмоционального реагирования и психических состояниях;
- в период с 4 до 9–10 лет дети склонны приписывать положительные (аморальные) эмоции нарушителю нравственных норм вследствие ориентации на достижение цели и получение желаемого; устойчивость данного паттерна атрибуции моральных эмоций нарушителю снижается при условии прогнозирования детьми собственных эмоций в гипотетических ситуациях нарушения морали и понимания эмоциональных функций извинения;
- зрелое понимание эмоциональных последствий просоциального и асоциального (безнравственного) поведения требует достижения рефлексивного уровня понимания эмоций (около 9–11 лет) и осознания влияния моральной рефлексии на эмоциональные реакции людей.

Знание характерных особенностей понимания социальных эмоций дошкольниками необходимо не только для формирования представлений о генезисе понимания эмоций как части эмоционального интеллекта, но и для психологического обоснования наиболее эффективных педагогических способов развития понимания социальных эмоций у детей 3–7 лет, ориентированных на повышение осведомленности дошкольников о причинах возникновения и поведенческих последствиях социальных эмоций.

К числу таких методов следует отнести беседы по сюжетным картинкам, отра-

жающим варианты эмоционального реагирования детей на эмоциональное неблагополучие сверстника в различных ситуациях социального взаимодействия; прогнозирование эмоциональных и межличностных последствий различных поведенческих реакций в ситуации морального выбора; создание практических ситуаций, углубляющих осознание дошкольниками взаимосвязи эмоций и моральной оценки поступка, и другие методы, способствующие формированию и дальнейшему развитию у детей на следующем возрастном этапе навыков продвинутого понимания эмоций.

Библиографический список

1. Бреслав Г. М. Психология эмоций. – М. : Смысл, 2004. – 544 с.
2. Карелина И. О. Развитие понимания эмоций в период дошкольного детства: психологический ракурс : монография. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017. – 178 с.
3. Bennett M. & Gillingham K. The role of self-focused attention in children's attributions of social emotions to the self // *The Journal of Genetic Psychology*. – 1991. – 152 (3). – P. 303–309. DOI: 10.1080/00221325.1991.9914688.
4. Bosacki S. L., Moore C. Preschoolers' Understanding of Simple and Complex Emotions: Links with Gender and Language // *Sex Roles*. – 2004. – 50 (9–10). – P. 659–675. DOI: 10.1023/B:SERS.0000027568.26966.27.
5. Chobhthaigh S. N. & Wilson C. Children's understanding of embarrassment: Integrating mental time travel and mental state information // *British Journal of Developmental Psychology*. – 2015. – 33 (3). – P. 324–339. DOI: 10.1111/bjdp.12094.
6. Denham S. A. The emotional basis of learning and development in early childhood education // *Handbook of research in early childhood education* / ed. B. Spodek. – New York : Lawrence Erlbaum, 2005. – pp. 85–103.
7. Keller M., Lourenço O., Malti T. et al. The multifaceted phenomenon of “happy victimizers”: A cross-cultural comparison of moral emotions // *British Journal of Developmental Psychology*. – 2003. – 21 (1). – P. 1–18. DOI: 10.1348/026151003321164582.
8. Nelson J. A., de Lucca Freitas L. B., O'Brien M. et al. Preschool-aged children's understanding of gratitude: Relations with emotion and mental state knowledge // *British Journal of Developmental Psychology*. – 2012. – 31 (1). – P. 42–56. DOI: 10.1111/j.2044-835x.2012.02077.x.
9. Pons F., Harris P. L., de Rosnay M. Emotion comprehension between 3 and 11 years: Developmental periods and hierarchical organization // *European Journal of Developmental Psychology*. – 2004. – 1 (2). – P. 127–152. DOI: 10.1080/17405620344000022.
10. Smith C. E., Chen D. & Harris P. L. When the happy victimizer says sorry: Children's understanding of apology and emotion // *British Journal of Developmental Psychology*. – 2010. – 28 (4). – P. 727–746. DOI: 10.1348/026151009x475343.
11. Sy S. R., Demeis D. K. & Scheinfeld R. E. Preschool children's understanding of the emotional consequences for failures to act prosocially // *British Journal of Developmental Psychology*. – 2003. – 21 (2). – P. 259–272. DOI: 10.1348/026151003765264075.
12. Tracy J. L., Robins R. W. & Lagattuta K. H. Can children recognize pride? // *Emotion*. – 2005. – 5 (3). – P. 251–257. DOI: 10.1037/1528-3542.5.3.251.
13. Yuill N., Perner J., Pearson A. et al. Children's changing understanding of wicked desires: From objective to subjective and moral // *British Journal of Developmental Psychology*. – 1996. – 14 (4). – P. 457–475. DOI: 10.1111/j.2044-835x.1996.tb00718.x.
14. Widen S. C., Russell J. A. Children's scripts for social emotions: Causes and consequences are more central than are facial expressions // *British Journal of Developmental Psychology*. – 2010. – 28 (3). – P. 565–581. DOI: 10.1348/026151009x457550d.

© Карелина И. О., 2021.

УДК 159.99

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ
В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ****М. И. Логачева**

*Кандидат филологических наук, доцент,
e-mail: mi.logacheva@mail.ru,
0000-0002-4707-6112,
Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики,
Самара, Россия*

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF INFORMATION PERCEPTION IN LEARNING**M. I. Logacheva**

*PhD in philology, associate professor,
e-mail: mi.logacheva@mail.ru,
0000-0002-4707-6112,
Povolzhsky State University
of Telecommunications and Informatics,
Samara, Russia*

Abstract. The article is devoted to the investigation of mental activities in receiving information. It describes the peculiarities of perceiving process. It says about complex of object characteristics which causes multi-modal perceptions. The article states perception is a complicated cognitive process. The object and its features should be investigated with the help of perceiving algorithm. The article underlines the important role of mental activities in receiving information from the environment. It describes the points of perceiving activities such as detection, differentiation, identification and recognition. It describes the so called representative sensory system. The article says how to combined different modalities in teaching.

Keywords: perception; attention; memory; thinking; speech; modality; multi-modality.

Каждую секунду наш организм получает и обрабатывает сотни стимулов внешнего мира: яркость света, громкость звука, температура воздуха и тому подобное. В силу того, что человеческий организм сложная система и помимо физиологической стороны получения информации окружающей среды важную роль в данном процессе играет и психическая активность, то есть психические процессы: ощущение, восприятие, внимание, память, мышление и речь.

В любой деятельности человек не всегда взаимодействует с чистыми (отдельными) характеристиками явлений и предметов. Как правило, любой объект или явление состоит из различных частей, которые в своей совокупности дают нашему сознанию общее представление о предмете. Вся совокупность характеристик предмета может одновременно вызывать в

человеке разномодальные ощущения. При этой совокупности характеристик и их зависимости друг от друга мы можем говорить про такой психический процесс как восприятие.

Восприятие – это познавательный процесс, с помощью которого сознание отражает свойства и характеристики явлений и объектов (предметов) окружающего мира при их воздействии на организм (органы чувств).

Сущность психических процессов такова, что невозможна одномоментная работа только лишь одного процесса, например, ощущения. Наоборот, как только происходит воздействие стимула на организм, тут же по цепочке включается следующий процесс – восприятие, за ним, например, может включиться память, и вот мы уже можем наблюдать за сложной системой, которая разворачивает свое дей-

ствие в человеческой психике. На практике данную совокупность можно изобразить следующим образом: человек слышит запах духов (ощущение), тут же он понимает, что аромат исходит от девушки, которая вызывает в памяти образ первой учительницы начальных классов.

Будет ошибкой считать восприятие лишь как переработку совокупности свойств объекта, наоборот, это достаточно сложный процесс, так как для правильной и эффективной обработки информации необходимо произвести обязательные действия. В науке такие действия носят названия «перцептивные».

Невозможно видеть предмет, а тем более изучить его свойства, если глаз будет неподвижным, а рука (пальцы) не будут двигаться. Вот тут-то и активизируются перцептивные действия:

1. обнаружение (сознание отвечает на вопрос «Что воздействует?»);
2. различение (появляется образ предмета или явления);
3. идентификация – отождествление воспринимаемого объекта с образом, хранящимся в памяти;
4. опознание – отнесение объекта к определенному классу объектов, воспринимавшихся ранее.

Ранее уже было озвучено, что стимулы окружающего мира человек получает с помощью каналов связи: уши, глаза, ощущения (тело). Данные каналы связи по-другому называются модальности – аудиальная, визуальная, кинестетическая. Несмотря на то, что внешне человек выглядит просто, но на самом деле человеческая психика, сознание – сложный механизм, и у кого-то определенный канал развит лучше, нежели другой. Именно через так называемый основной канал психика быстрее воспринимает информацию, поступающей из окружающей среды.

Канал, при помощи которого происходит отражение реальности, обратная связь и принятие решения, в психологической науке называется репрезентативная сен-

сорная система. Учитывая это, людей можно разделить на аудиалов, кинестетиков и визуалов. Например, визуалам с легкостью дается восприятие информации при помощи органов зрения и они так же испытывают трудности при восприятии звуковой информации, и наоборот, аудиалам придется приложить немало усилий, чтобы воспринимать информацию при помощи органов зрения или ощущений.

Обратите внимание на детей: дети с аудиальным типом восприятия быстрее начинают разговаривать, за ними часто можно заметить, что они рассказывают стихотворения, поют, активно общаются со взрослыми. Уже в школе аудиалы быстрее воспринимают и запоминают новую информацию буквально с первого предьявления.

Детей – визуалов так же можно легко и быстро выделить из толпы: по их внешнему виду. Для детей с явной визуальной модальностью важен их внешний вид, большое значение они придают чистоте одежды и её цветовому сочетанию. В школе дети визуальной модальности быстрее и с большей легкостью воспринимают и запоминают новую информацию, если учитель будет использовать презентацию, плакаты или доску. Например, таким детям легче увидеть как выглядит слово, нежели понять его правописание.

Дети – кинестетики для познания мира используют тактильные ощущения, они, как правило, подвижные, в своем физическом развитии они опережают своих сверстников, быстрее начинают ходить, но при этом дольше не проявляют речевую активность и им тяжелее дается концентрация внимания на одном объекте. Кинестетик демонстрирует свое мнение по отношению к явлениям окружающего мира при помощи своей мимики, жестов и движений. Такие дети тяжело обучаются в школе или в условиях жесткого регламента потому, что от них требуют постоянную усидчивость и сосредоточенность.

Учитывая данные характеристики такого познавательного процесса как восприятие, можно эффективно выстроить систему преподавания в школах, средних и высших учебных (профессиональных) заведениях. Если репрезентативная сенсорная система преподавателя не соответствует системе ученика, то неизбежным исходом будет снижение учебной деятельности и успеваемости ученика или студента. Невозможно на 100 % быть уверенным в том, что ученик с визуальным типом восприятия информации воспримет и в последствии запомнит новую информацию, если преподаватель будет читать лекцию, только озвучивая её, необходимо подкрепить подаваемую информацию, например, презентацией.

Для повышения результативности от педагогического процесса необходимо в профессиональной деятельности грамотно сочетать все три модальности: не только читать лекцию (делая акцент на аудиалов), но и использовать такие выражения, как «посмотрите», «обратите внимание», «почувствуйте», обращаясь к визуальным и кинестетическим модальностям.

Помимо правильной ориентации педагога на перцепцию учеников, следует задуматься, а может быть и оформить надлежащие внешние условия обучения: визуалам обеспечить хорошую освещенность, аудиалам предоставить условия тишины или минимального шума, кинестетикам – телесный комфорт (температура помещения).

Преподаватель, как и любой человек другой профессии, опирается, прежде всего, изначально на свои «развитые» модальности, и не всегда эта опора может

эффективно отражаться на людях, с которыми человек взаимодействует. И когда модальности людей не совпадают, происходит конфликт модальностей и процесс восприятия новой информации может затянуться.

Учитывая вышеизложенное, опираясь на исследования в области познавательных процессов, можно эффективно выстроить педагогический процесс для повышения успеваемости и общего развития учеников.

Библиографический список

1. Ананьев Б. Г., Рыбалко Е. Ф. Особенности восприятия пространства у детей. – М., 1964.
2. Величковский Б. М., Зинченко В. П., Лурия А. Р. Психология восприятия. – М., 1973.
3. Веракса Н. Е. Веракса А. Н. Детская психология : учебник для академического бакалавриата, 2003.
4. Волков Б. С. Психология возраста: от младшего школьника до старости: логические схемы и таблицы: учебное пособие – Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2013.
5. Волков Б. С., Волкова Н. В. Возрастная психология: учебное пособие для вузов – Академический проект, 2011.
6. Люблинская А. А. Детская психология : учебное пособие для студентов педагогических институтов. – М. : Просвещение, 1971.
7. Маклаков А. Г. Общая психология – СПб.: Питер, 2008.
8. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Психологический словарь.
9. Обухова Л. Ф. Детская (возрастная) психология. – М., 1996.
10. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб., 2002.

© Логачева М. И., 2021.

УДК 316

ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ ТОРГОВЫХ МАРОК КАК МЕХАНИЗМ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСЛЯЦИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

А. С. Выдрина

*Кандидат социологических наук, доцент,
e-mail: 89264705688@mail.ru,
Московский международный университет,
г. Москва, Россия*

GENERALIZATION OF TRADEMARKS AS A MECHANISM OF CULTURAL BROADCASTING (ON THE RESULTS OF EMPIRICAL STUDY)

A. S. Vydrina

*Candidate of Sociological Sciences,
associate professor,
e-mail: 89264705688@mail.ru,
Moscow International University,
Moscow, Russia*

Summary. The article presents the results of the first stage of the study of the so-called generalized trademarks, conducted in 2020–2021. The results of this analysis allowed the author to formulate a number of hypotheses for the continuation of the research: probably, the generalization of trade marks is a ubiquitous and permanent cultural process; this process is characteristic of societies of various political and economic types of structures; perhaps the extrapolation of a commercial concept to different spheres of society is at the intersection of the rational and the emotional in social culture; generalization of trademarks has similarities with mechanisms of cultural transmission and other hypotheses.

Keywords: brand; generalized brand; trade mark; mechanisms of cultural transmission; eponym; socio-cultural processes.

Социальная культура общества – сложнейшая система, включающая в себя пласты накопленного человеческого опыта. Научное знание предлагает разные подходы к структуризации культуры и измерению её динамики. Наряду с ценностным содержанием, знаково-символическими формами его выражения, любая культура пестрит огромным множеством механизмов культурной трансляции, с помощью которых общество социализирует поколения и обменивается смыслами с представителями других культур [1; 4; 5]. Формируются эти механизмы разными способами, а отдельные

элементы для их формирования приходят из разных источников. В рамках данного обзора рассматривается один из таких источников, не самый очевидный и, наверное, не самый правильный, с точки зрения культурологического предмета. Этот источник – бизнес. В повседневной жизни люди обмениваются большим количеством коммерческих понятий в контексте купли-продажи и потребления товаров. Однако, среди некоммерческих, на первый взгляд, понятий также немало идей, пришедших из бизнеса. Назовем их условно «генерализованные торговые марки». Можно также применить термин

«генерализирующиеся», если процесс их генерализации не окончен. Генерализация торговой марки – это переход коммерческого бренда, отдельных его характеристик, в некоммерческие сферы жизни общества и диффузия их в другие сферы социальной культуры. В процессе и результате этого перехода и этой диффузии элементы бренда превращаются в носители культурной информации, в поведенческие модели, культурные артефакты и виртуальные понятия. Понятие «генерализованный» происходит от английских слов *general, generic* (джереник) – общий, родовой. В российской маркетинговой практике этот термин употребляется не повсеместно, его часто заменяют на понятия «родовой бренд», «нарицательный бренд» или «нарицательная марка». Если обратиться к исходным понятиям, то можно обнаружить еще один термин: эпоним (греч. ἑπώνυμος – букв. давший имя) – имя собственное, ставшее именем нарицательным.

По каким причинам и с какими закономерностями происходит генерализация – вопрос дискуссионный и подлежит изучению. В разных трудах можно заметить интересные гипотезы [2; 3]. Однако, эти исследования находятся в междисциплинарном поле и в разных предметных областях. В рамках данного исследования была проведена попытка собрать разрозненные данные и обобщить отдельные процессы с целью сформулировать такую предметную область в рамках социологии культуры и сделать первые предположения. Методы исследования:

1. Подготовительный этап (традиционный анализ материалов СМИ, публикаций научного и популярного характера, работа с базами эпонимов [6; 7; 8]. 2. Составление базы данных (пилотная разведочная квотная выборка). 3. Работа с базой данных (200 единиц): разработка и заполнение регистрационной формы с 14-ю переменными (страна и год появления товара/марки, сектор рынка, специфика генерализации, тип инновации, наличие

товарного знака, масштаб распространения и другие). 4. Обработка и анализ собранных данных (описательные статистики в пакете IBMSPSS25). Удалось получить следующие результаты:

Во-первых, удивляет категориальное, географическое и временное разнообразие, которое предстало в распределениях. Пилотная разведочная выборка уже представляет 27 стран (США, Германия, Франция, СССР, Россия, Швеция, Япония, Швейцария, Италия и мн.др.); 24 категории (FMCG, строительство, фармацевтическая отрасль, детские игрушки, одежда, обувь, оружие, сплавы металлов, упаковка и мн.др.); 5 веков (XVI – XXI). В проанализированной совокупности по возрасту брендов медианным значением является 81 год, модальным – 71, также несколько раз встречаются бренды в возрасте 63, 61, 51 и 25 лет. Самому молодому дженерику 8 лет, а самому старому – 485. Генерализация происходит в очень разных обществах не только по типам культуры или стратификации, но даже в странах с нерыночными типами экономики. Вероятно, мы имеем дело с явлением не уникальным, а распространенным, и, осторожно можно сказать, естественным и повсеместным.

Во-вторых, вопреки ожиданиям, чаще генерализуются марки не абсолютных изобретений, а модификаций товаров. Улучшенный, оптимизированный по функциям, конструкции или составу товар получает одобрение потребителей, начинает набирать популярность и, спустя некоторое время, генерализуется. Предприниматели, преследуя цель угодить потребительским запросам, убирая ненужное и добавляя необходимое, внедряют в повседневность человека новые модели поведения и инструменты решения проблем. Однако, пока сложно объяснить, почему дженерики не становятся все ноу-хау и блестящие рецептуры, а лишь какая-то часть.

В-третьих, помимо основного процесса генерализации, наблюдаются побочные

и параллельные явления, такие как переход бренда из своего сектора в 1–2 других и/или экстраполяция понятия на разные сферы жизни людей. Например, из ювелирных украшений в одежду и интерьеры, из детской игрушки в медицинское понятие, из музыки в оружие, из оружия в цифровую технику, из продуктов питания в общественные и экономические явления. Все обнаруженные случаи происходили стихийно, настойчиво со стороны общества, и даже при сопротивлении компаний.

В-четвертых, 75 % всех дженериков – это существительные, обозначающие предмет, однако, это не единственная форма генерализации, иногда бывает (10,5 % случаев), что именем бренда называют определенный сорт или уровень качества, как правило, высший (овсяные хлопья «Геркулес», хрусталь «баккара»), или же марка начинает превращаться в виртуальное понятие или стиль (7,5 %), еще реже (5 %) марки совмещают несколько выше названных форм (гербалайф, пилатес, доширак, барби и др.). В обследованной совокупности есть также марки, превратившиеся в глагол (фотошопить, ксерокопировать, гуглить) и визуальные дженерики (например, всем известный смайлик или шашечки такси). Таким образом, в процессе анализа обнаружили разные формы генерализации: знаки, глаголы, места происхождения, виртуальные понятия, технические стандарты и цифровые протоколы. Поскольку анализ этих случаев не предполагался, то пока, кроме их наличия и общих сведений, описать больше нечего. Но зато, это обнаружение породило несколько новых гипотез относительно типов генерализации и новых направлений поиска марок.

В-пятых, генерализованные марки имеют сходство с механизмами и элементами культурной трансляции, поскольку несут в повседневный обиход не только слова и понятия, но также новые модели поведения, традиции, смыслы. Эти меха-

низмы не проверяются людьми, и с течением времени утрачивают свою связь с бизнесом насовсем. Переход сопровождается трансформацией и наращиванием смыслов, марка превращается во что-то совершенно иное по сравнению с тем, что задумывали бизнесмены и маркетологи. Особенно это заметно на примерах брендов, товары которых вышли из употребления, компании перестали существовать, а поведенческая модель существует, участвует в социализации и культурном обмене (диктофон, затрапезная одежда, тамагочи, унитаз, героин, линолеум, бадлон, пластилин, клаксон и мн.др.).

И совсем ироничным можно назвать то, что некоторые дженерики, потеряв товарный знак или даже компанию, спустя время, становятся частью новейших брендов. Так, например, вещество эпинефрин было зарегистрировано как «адреналин», а теперь под этим названием существует весьма успешный безалкогольный напиток; вторая часть названия бренда «Алка-зельтцер» – не что иное, как сельтерская вода (старинный дженерик); слова «линолеум», «одеколон» и «шипр» когда-то были запатентованными рецептурами, их марки были признаком уникального производства, а теперь они используются в целом ряде марок производителей и продавцов этих товаров.

В-шестых, генерализация брендов отражает развитие потребительского общества и репрезентирует его. Например, динамика появления дженериков по разным секторам показывает и взрывное развитие техники и бум экспериментов с синтетикой, совпадающие с историей стран. Также генерализация подкрепляет утверждение, что лень – двигатель прогресса, потому что подавляющее большинство генерализовавшихся изобретений в быту и на производстве, направлены на облегчение жизни и уменьшение количества усилий человека. Еще спектр видов товаров и услуг отражает стремление человека к получению удовольствий, в выборке оказав-

лось огромное количество марок вкусных напитков, конфет, десертов, а также приспособлений, связанных с прослушиванием и извлечением музыки, с играми и игрушками.

И, наконец, **в-седьмых**, генерализованные бренды обладают поразительной устойчивостью. Ни обращение руководства компаний, ни рекламные разъяснительные кампании, ни публичные судебные процессы, ни подчеркивание символов защиты интеллектуальных прав не помогают компаниям остановить процесс генерализации. В некоторых случаях компаниям удается уменьшить её проявления на деловых рынках и на официальном уровне, но не в быту и межличностных коммуникациях. И это наблюдается не только в странах с развивающейся экономикой или с молодыми рынками, как можно было бы подумать (низкий уровень экономической грамотности простого населения, отсутствия опыта рыночного обмена и т.д.), но в странах с многовековым развитием бизнеса наблюдаются те же процессы.

Библиографический список

1. Зарубина Н. Н. Теория рационализации Макса Вебера как методология понимания современных социокультурных процессов // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 3–15. DOI: 10.31857/S013216250009355-3
2. Исянов К. Р. Коммерческие названия как промежуточные категории между именами собственными и нарицательными на примере немецкого и русского языков // ISSN 1998-4812 Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 2. – С. 963.
3. Курапова А.Г. Товарные знаки и иные обозначения, вошедшие во всеобщее употребление как названия товаров определенного вида по законодательству России и некоторых зарубежных стран // автореферат диссерт. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук // Москва: РГАИС, 2012.
4. Моль А. Социодинамика культуры / пер. с фр.; предисл. Б. В. Бирюкова. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с.
5. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исслед. изм. в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. отношений Social & Cultural dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, law and Social Relationships / Питирим Сорокин; Пер. с англ. В. В. Сапова. – Санкт-Петербург: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. Ин-та, 2000. – 1054 с.
6. <https://eponym.ru/Eponyms>
7. <https://www.genericides.org/genericides-list>
8. <https://www.independent.co.uk/news/business/analysis-and-features/genericide-when-brands-get-too-big-2295428.html>

© Выдрина А. С., 2021.

УДК 316.4

**ПОДДЕРЖКА НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ****М. З. Магомадова**

*Магистрант,
ORCID 0000-0003-4805-0421,
e-mail: makka.magomadova@yandex.ru,
Институт государственной службы
и управления,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия*

**SUPPORT FOR NON-PROFIT ORGANIZATIONS
IN THE SPHERE OF EDUCATION DURING THE PANDEMIC PERIOD****M. Z. Magomadova**

*Master's degree student,
ORCID 0000-0003-4805-0421,
e-mail: makka.magomadova@yandex.ru,
The Institute of state service and management,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
(RANEPA),
Moscow, Russia*

Abstract. The development of civil society institutions, including socially oriented non-profit organizations, is largely due to the acute social agenda. The creation of non-profit organizations is mainly due to the need to improve the social, cultural, educational or other spheres. Non-profit organizations are the focus of public activity on pressing issues, which is so necessary for the formation of civil society. The aim of the work is to study the mechanisms of support and participation of non-profit organizations in the provision of services in the field of education, taking into account the peculiarities of the epidemiological situation. In the course of the study of the work, it was possible to see the measures taken to support non-profit organizations in the field of education during the pandemic, both at the federal level and at the regional level.

Keywords: non-profit organizations; non-profit organizations in the field of education; supporting non-profit organizations in the pandemic.

В 2020 году пандемия коронавирусной инфекции внесла коррективы в формирование механизмов поддержки и доступа некоммерческих организаций на рынок социальных услуг, в частности в сфере образования, выступающим сегодня основным социокультурным механизмом, который «общество использует для целенаправленного влияния на ход своего развития. Оно является важнейшим информационным каналом, обеспечивающим связь поколений, социальное наследование, отбор и передачу знаний, умений и

навыков и осуществляется в рамках конкретных социальных общностей. Так было всегда. Но сегодня, в условиях информационного общества, ситуация меняется» [1]. Во многом это связано с эпидемиологической обстановкой и миром. Ситуация особенно ярко выделила важность работы некоммерческих организаций, а также явственно показала единство граждан России на основе нравственного чувства ответственности за страну.

Вопрос о потенциале некоммерческих организаций для социокультурного разви-

тия находится в центре внимания государственных и общественных структур. Достаточно напомнить о деятельности Культурного форума регионов России, который уже в течение ряда лет проводится при поддержке Общественной палаты РФ и Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» ИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, где эта тема является одной из центральных [6]. В продолжении изучения эффективности работы НКО в период пандемии Общественной палатой Российской Федерации с участием автора был проведен мониторинг работы некоммерческих организаций в условиях пандемии в регионах России.

Анализ представленных практик показал, что в ряде регионов Российской Федерации некоммерческими организациями были организованы дистанционные онлайн уроки, тренировки, курсы, семинары, также были созданы дежурные классы и группы для детей работающих родителей.

Так, например, некоммерческим партнерством г. Москвы «Центр развития ребенка УМКА» была организована дистанционная подготовка детей к школе, а также сняты и выложены в сеть мастер-классы по различным рукоделиям.

Частным дошкольным образовательным учреждением Республики Башкортостан «Радуга Уфа» были созданы дежурные классы и группы для детей работающих родителей.

Автономной некоммерческой организацией Краснодарского края «Центр социально-психологической реабилитации и адаптации детей с особенностями развития и ограниченными возможностями «Солнечный город с любовью к детям» организовано проведение психологических консультаций в онлайн режиме.

Общественная палата Российской Федерации в период пандемии оказывала методическую и информационно-консультационную поддержку НКО и организовала работу «горячей линии» «Вме-

сте НКО». На указанную линию обращались региональные НКО, которые информировали о видах поддержки, а также о проблемах, с которыми сталкиваются во время пандемии коронавируса, как граждане, так и сами организации. Так, только спустя три дня после начала работы на «горячую линию» были направлены около ста семидесяти обращений НКО из пятидесяти регионов нашей страны.

Примерами практик, реализуемых образовательными НКО, обратившимися на «горячую линию», являются:

- психологическая поддержка (психологические консультации в онлайн-формате);
- создание развлекательно-образовательных видео-курсов для детей и т.д.

Вместе с тем НКО отметили следующие проблемы, с которыми они столкнулись в период пандемии:

- проблемы с участием в грантах (отсутствие возможности реализовать мероприятия по президентскому, муниципальным грантам, отсутствие средств на выплату зарплаты в связи с переносом сроков реализации грантовых проектов);

- проблемы с получением доходов (уменьшение поступлений от платных услуг и членских взносов, что приводит к отсутствию средства на выплату зарплат, страховых взносов и налогов, уплату коммунальных и арендных платежей);
- проблемы, связанные с переходом в режим работы онлайн (отсутствие возможности технически организовать удаленную работу сотрудников);
- проблема предоставления ряду благополучателей услуг онлайн (сельскими школами из удаленных районов сложно работать по удаленке, т.к. у многих семей нет средств для покупки компьютеров, смартфонов для выхода детей в интернет; в ряде сел и деревень очень

плохая интернет-связь или интернет вообще отсутствует).

Пандемия нанесла огромный ущерб сектору экономики практически всего мира. В нашей стране многие организации оказались беззащитны перед искусственными ограничениями, снижением спроса, необходимостью нести дополнительные расходы на обеспечение безопасности, а также требованиями соблюдать свои обязательства.

В целях поддержки некоммерческого сектора в условиях пандемии коронавирусной инфекции, Правительством Российской Федерации принят большой пакет мер, в том числе меры по отсрочке уплаты арендной платы, что особенно важно для НКО в сфере образования.

Отсрочка касалась недвижимого имущества, находящегося в государственной, муниципальной или частной собственности (кроме жилых помещений).

Также действовал запрет арендодателям назначать дополнительные платежи из-за отсрочки. В связи с этим арендодатель имел право предложить другие условия отсрочки, включая снижение арендной платы;

Вместе с тем стоит отметить, что Министерством экономического развития Российской Федерации был опубликован реестр НКО [3], которым предоставлены дополнительные меры поддержки. В указанный реестр вошли 12 162 НКО в сфере образования.

Данный реестр был обновлен с учетом дополнительных данных, представленных Рособринадзором, куда вошли:

- частные образовательные организации, имеющие лицензию;
- НКО, являющиеся благотворительными организациями;
- НКО, включенные в перечень организаций получающих гранты для поддержки науки, образования, культуры и искусства.

Организации, вошедшие в реестр, стали получателями следующих мер поддержки:

- освобождение от налогов, страховых взносов в государственные внебюджетные фонды (за 2 квартал 2020 г.);
- освобождение от уплаты аренды;
- предоставление налоговых льгот юридическим лицам, которые оказывают благотворительную помощь некоммерческим организациям;
- льготные кредиты по ставке 2 % и т.д.

Также стоит подчеркнуть, что вначале 2020 г. около тысячи НКО, реализующих проекты в области борьбы с пандемией и ее последствиями, получили поддержку Фонда президентских грантов в размере 2 млрд. руб.

Выделенные средства направлены на проекты в области поддержки старшего поколения, людей с тяжелыми заболеваниями, с ограниченными возможностями.

Вместе с тем в 2020 году Фонд президентских грантов поддержал проекты некоммерческих организаций в сфере образования по следующей тематике:

- помощь в получении профессионального образования в дистанционном формате на территориях, которые отдалены от крупных городов;
- продвижение и расширение практики инклюзивного образования;
- содействие деятельности в сфере изучения и популяризации русского языка и литературы, поддержка литературного творчества и мотивации к чтению;
- содействие и осуществление деятельности в области просвещения, дополнительного образования детей, дополнительного профессионального образования;
- продвижение родительского просвещения;

- помощь в развитии образования людей с ограниченными возможностями здоровья» [9].

Таким образом, в ходе изучения вопроса о поддержке некоммерческих организаций в условиях пандемии, удалось выявить ключевые меры государственной поддержки некоммерческих организаций в сфере образования.

Вместе с тем рассмотрена основная тематика грантов, полученных в 2020 году некоммерческими образовательными организациями в рамках конкурса Фонда президентских грантов. Среди размещенных образовательных проектов на сайте Фонда, которые получили грантовую поддержку в 2020 году, большая часть финансирования направлена на проекты в сфере инклюзивного образования и дошкольного образования. Этот анализ говорит о востребованности образовательных услуг в сфере дошкольного и инклюзивного образования.

Проведенный анализ показывает, что некоммерческие организации в условиях пандемии смогли переориентировать свою деятельность на работу в новом формате, и показали готовность некоммерческого сектора принимать участие в решении актуальных социальных проблем.

Библиографический список

1. Астафьева О. Н., Кириллова Н. Б., Зубанова Л. Б. и др. Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования: монография – Екатеринбург: Издательство «Урал унта», 2019. – 214 с.
2. Астафьева О. Н., Коротева О. В., Шибеева Е. А. Образование и культура в социокультурном развитии регионов России // Обсерватория культуры. – 2017. – Т. 14. – № 6.
3. Второй реестр НКО для оказания мер поддержки в период распространения коронавируса.
4. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/ekonomika_bez_virusa/reestr_nko_dlya_okazaniya_mer_podderzhki_v_period_rasprostraneniya_koronavirusa.html (дата обращения: 12.02.2021).
5. Доклад Минэкономразвития России «О деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций». URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/doklad_o_deyatelnosti_i_razviti_sotsialno_orientirovannyh_nekommercheskih_organizacij.html (дата обращения: 12.02.2021).
6. Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практики социокультурного развития: Сборник материалов II Культурного форума регионов России: Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар (Москва, 2017 г.). Вып. 2 / Составители и общая редакция О. Н. Астафьева и О. В. Коротева. – М.: ИП Лядов К.В., 2017. – 576 с.
7. Резолюция Общественной палаты Российской Федерации по итогам общественных слушаний на тему: «Меры поддержки НКО в условиях пандемии». URL: https://www.oprf.ru/files/1_2020dok/rezolyuciya_meri_podderzhki_nko_14042020.pdf (дата обращения: 13.02.2021).
8. Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации «Участие НКО в оказании услуг в социальной сфере». URL: http://nko63.pf/specialnyj-doklad-obshhestvennoj-palaty-rossijskoj-federacii-uchastie-nko-v-okazanii-uslug-v-socialnoj-sfere/doklad_uchastie_nko_socslugi05112019/ (дата обращения: 12.02.2021).
9. Официальный сайт Фонда президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/contest/directions/science>. (дата обращения: 10.02.2021).

© Магомадова М. З., 2021.

УДК 159.98

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МОЛОДЁЖНОМ ЭКСТРЕМИЗМЕ
В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ****И. К. Тигиева***Студентка,
Московский педагогический государственный
университет (МПГУ),
г. Москва, Россия***RESEARCH PERCEPTIONS OF YOUTH EXTREMISM
IN THE STUDENT ENVIRONMENT****I. K. Tigieva***Student,
Moscow Pedagogical State University (MPGU),
Moscow, Russia*

Abstract. The article examines the features and causes of youth extremism in Russia. The problem of youth extremism as a special social phenomenon is raised, and a sociological study is carried out using the method of mass survey to identify the causes of the emergence of extremism in the youth environment.

Keywords: youth; extremism; youth extremism; extremist groups.

Экстремизм – одна из острейших проблем современности. С начала 1990-х гг. он считается устойчивой угрозой безопасности Российской Федерации, затрагивающей жизненно важные интересы личности, общества и государства. Эта угроза имеет многосторонний характер и сопровождается различными проявлениями. Экстремизм всё чаще проявляется в политической, экономической, социальной, религиозной и других сферах жизнедеятельности. В разнородности причин его обострения выделяются как общие, которые обусловлены социальными, экономическими, политическими факторами, так и специфические, связанные с конкретными условиями существования и особенностями отдельных социальных групп [3, с. 115]. Свои особенности имеет и молодёжный экстремизм.

Молодёжный экстремизм – особое социальное явление. Он формируется на основе повышенной *экстремальности* сознания и поведения молодёжи вследствие изменения статуса и лабильности сознания молодёжи, а также в результате объективных и субъективных препятствий

для самореализации молодых людей. Экстремальность как крайнее проявление сознания и поведения находит выражение в индивидуальных и групповых настроениях молодёжи.

Важный вклад в изучение проблемы экстремизма внесли В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, Ю. И. Авдеев, Ю. М. Антонян, С. С. Босхолов, А.В. Мещерякова, В. Е. Петрищева, и др. В работах отечественных ученых наблюдается взаимосвязь между нравственностью, правосознанием, возникновением агрессии и, следовательно, экстремистских действий со стороны современной молодёжи [1, с. 217]. В последние годы проблема экстремизма приобретает междисциплинарный характер и привлекает к себе все большее внимание правоведов, политологов, социологов и психологов. Но, несмотря на подробную и развёрнутую историю, исследования экстремизма с позиции правового сознания и правовой психологии еще только начинаются. В отечественной психологии теоретические и практические разработки по этой проблеме небольшие по количеству, а также они

крайне разрозненны. Чтобы охарактеризовать этот феномен во всех его проявлениях, ученые исследуют психологическую природу экстремизма, стремятся найти причины его возникновения, классифицировать случаи молодежного экстремистского поведения.

Проблематика данной темы состоит в том, что мы живем в сложном и постоянно меняющемся мире, в котором проблема национального, этнического, социального и политического экстремизма стоит особенно остро. Мы каждый день слышим о все новых случаях экстремизма, главным участником которых является молодежь, как группа, наиболее остро реагирующая на все изменения общества.

Учёные и исследователи выделяют следующие основные факторы, которые влияют на формирование экстремизма в молодёжной среде: духовно-нравственная трансформация общества; капитализация общественных отношений и размытость патриотической идеи; нестабильное состояние системы образования и воспитательной работы как результат процесса их реформирования и модернизации; резкое расслоение общества на богатых и бедных; растущая скрытая и явная безработица, особенно в регионах; избыток нелегальных мигрантов; разрушение семейных ценностей; пренебрежительное отношение к культуре, обычаям других народов.

По оценке Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова, особенности экстремизма в молодёжной среде вытекают из сущности молодёжи как социальной группы и определяются переходным характером становления её субъективности [2, с. 37]. Сущностные свойства молодёжи связаны с ролью, которую играет эта социальная группа в общественном воспроизводстве. В стремлении обрести самостоятельность и независимость от взрослых молодые люди сталкиваются с разными проблемами во взаимоотношениях с обществом и с его требованиями. Это часто проявляется в дискриминации молодёжи по возрастному признаку, в нарушении её прав в профес-

сиональной деятельности, сфере культуры, семейных отношений, ущемлении прав личности. Молодые люди нередко выбирают экстремальные формы защиты и поведения, реагируя на такое отношение. Экстремальность в форме общественного настроения накладывает отпечаток на поведение молодёжи, а также способствует объединению их в группы для достижения определённой цели.

Известно, что большую часть экстремистов составляют маргинальные слои общества, молодые люди из неблагополучных семей с невысоким уровнем дохода. На данную молодёжь особое влияние оказывает социальная среда и улица, именно в этой среде формируются взгляды, насильственные способы решения конфликтов, далёкие от толерантности, но особое влияние надо уделять наблюдению за благополучием, помощи таким семьям. Необходимо способствовать образованию, досугу, корректировать поведение, содействовать социализации подростков и молодёжи. Также необходимо создать доступные спортивные секции, бесплатные кружки, проводить профилактические беседы, тренинги для молодых людей из неблагополучных людей.

Экстремизм как особое социальное явление появился ещё несколько столетий назад. Современные проявления экстремизма приобрели массовость в нашей стране в 90-е годы. Как утверждает А. В. Кузьмин: «экстремизм, как массовое явление, начал распространяться в России в основном в среде молодёжи из малообеспеченных семей, которая под лозунгом борьбы за «чистоту нации», «освобождение русского народа» объединялась в группы, каждая из которых насчитывала от 7 до 15 человек. Чаше подобные группировки занимались избиением представителей других национальностей, проживающих рядом с ними, а также мелким хулиганством и вандализмом» [4].

В экстремистских группах, как правило, собираются «трудные» подростки, которые находятся в изоляции в своих

школьных коллективах, часто такие дети воспитываются в неблагополучных семьях. Кризис подросткового возраста с выраженной криминализацией связан с изменением отношений к сверстникам. Для молодого человека характерна повышенная потребность в общении со своими сверстниками, стремление к самоутверждению, самооценке в среде, чуткое реагирование на мнение коллектива. Потребность в самоутверждении общения должна в благоприятной среде, а не среди тех молодых людей, которые идут на совершение преступлений. Если самоутверждение подростков проявляется в неформальных группах, уличных компаниях в асоциальных проявлениях (курение, хулиганство, драки и т.п.) может стать опасным и криминальным фактором.

Говоря о том, что оказывает значительное влияние на молодых людей при вступлении в экстремистские группы, важно выделить отношения с родителями. Многие педагоги и психологи, занимающиеся проблемами подросткового возраста, выделяют основные потребности, которые способствуют вовлечению подростков в асоциальные группы, среди них:

- психологическая безопасность («реакция сплочения»);
- физические потребности (физическая и сексуальная активность);
- в успехе, в самореализации своего «Я»;
- в независимости и освобождении от родителей.

Во взаимоотношениях подростков с родителями основной проблемой является в трудности передачи духовных и культурных норм и ценностей одного поколения другому. Для всех известно, что ускорение социального развития усиливает разрыв между поколениями, и из-за этого возникает недопонимание между детьми и родителями. Многие родители своей позицией пытаются воздействовать на сознание молодых людей, а в ответ получают полное сопротивление. Также суще-

ствует проблема бесконтрольного отношения родителей к своим детям, что приводит к вступлению подростков в экстремистские группы.

Нами была разработана программа социологического исследования на тему «Исследование представлений о молодёжном экстремизме в студенческой среде».

Целью нашего исследования является выявление мнения респондентов о причинах возникновения экстремизма в молодёжной среде. Целевая аудитория – студенческая молодёжь, а именно студенты первых курсов средне-специальных и высших учебных заведений. В опросе приняли участие 60 человек. Далее рассмотрим результаты исследования.

На вопрос *«Вам представлен ряд факторов, влияющие на распространение экстремистских настроений. По Вашему мнению, какие факторы являются основными?»* (Респондентам предлагалось выбрать не более 3 вариантов ответов) 63 % респондентов ответили, что нарушение принципов социальной справедливости и обострение социального неравенства является основным фактором. Ответ «пренебрежительное отношение к культуре, обычаям других народов» выбрали 45 % респондентов, а вариант «снижение общего культурного уровня в обществе в целом» 36 %.

На вопрос *«В чём, по Вашему мнению, заключаются основные причины экстремизма?»* (Респондентам предлагалось выбрать не более 3 вариантов ответов) 56 % респондентов ответили, выбрав вариант «изменение системы ценностей в современном обществе». 51 % респондентов видят причину в целенаправленном «разжигании» экстремистов националистической агрессии. Тройку замыкает ответ «в недостаточном правовом образовании граждан в сфере противодействия (профилактики) экстремизму», его выбрали 43 % респондентов.

Большинство респондентов (68 %) считают проблему экстремизма актуаль-

ной для Российской Федерации; большинство респондентов (73 %) считают, что бесконтрольное отношение родителей к своим детям является причиной вступления молодых людей в ряды экстремистов; 43 % респондентов считают правовую базу России недостаточной для борьбы с экстремизмом; 67 % респондентов считают, что нельзя искоренить явление экстремизма навсегда.

Следующий вопрос, который нас интересует это *«На Ваш взгляд, какие технологии по работе с молодёжью наиболее эффективны в борьбе с экстремизмом?»* (Респондентам предлагалось выбрать не более 2 вариантов ответов). Большинство респондентов (50 %) ответили «духовно-нравственное воспитание молодёжи»; ответ «развитие молодёжных движений, работа спортивных, культурных и иных учреждений» выбрали 46 % респондентов; ответ «активная деятельность администрации города по трудоустройству молодёжи, социальной защищённости молодёжи» выбрали 45 % респондентов.

Результаты исследования показали, что студенческая молодёжь понимает о существовании такой проблемы, как экстремизм, студенты выделяют основные причины возникновения экстремизма, вовлечения молодёжи в экстремистскую деятельность и предлагают необходимые технологии по работе с молодёжью, которые будут наиболее эффективны в борьбе с экстремизмом.

Таким образом, проблема молодёжного экстремизма актуальна в нашем обществе. Мы считаем, что целью государственной политики в сфере профилактики экстремизма должно стать создание условий для повышения роли образования и просвещения в том, чтобы научить молодых людей анализировать и оценивать результаты исторических событий, результаты собственных действий, а также понимать, что участник экстремистских групп несёт ответственность за свои деяния. Также в семье и школе должны выявлять склонность к экстремистским действиям и противостоять данному явлению, прививая духовно-нравственное воспитание.

Библиографический список

1. Ефименко Л. А. Криминологический анализ взаимосвязи правосознания и преступности несовершеннолетних: дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.
2. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. – 2008. – № 4. – С. 37–47.
3. Паин Э. А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. – 2002. – № 4. – С. 115.
4. <http://borgustanskaya.ru/?p=883> Экстремизм: понятие, причины появления, тенденции развития

© Тигиева И. К., 2021.

УДК 316

**СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА ИНТЕРНЕТ-МЕДИА
КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ВИРТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ****С. В. Ямщиков***Кандидат исторических наук, доцент,**ORCID 0000-0001-9059-1753,**e-mail: iiysv@yandex.ru,***Э. С. Иванов***магистрант,**e-mail: ivanov.eddy@gmail.com,**Государственный университет «Дубна»,**г. Дубна, Московская область, Россия***INTERNET MEDIA MONITORING SYSTEMS AS A TOOL
FOR SOCIOLOGICAL RESEARCH OF VIRTUAL SOCIAL NETWORKS****S. V. Yamshchikov***Candidate of Historical Sciences,**associate professor,**ORCID 0000-0001-9059-1753,**e-mail: iiysv@yandex.ru,***E. S. Ivanov***master's student,**e-mail: ivanov.eddy@gmail.com,**Dubna state University, Dubna,**Moscow region, Russia*

Abstract. The article describes a new tool of sociological research of virtual social networks – automated systems for monitoring Internet media, presents their capabilities and some technical characteristics, and provides examples of their application in research practice. The authors emphasize the effectiveness of Internet media monitoring systems as a means of obtaining and primary analysis of sociological information about virtual social networks.

Keywords: monitoring systems; internet media; virtual social networks; sociological research; sociological research tool.

Социальные сети заняли огромную нишу в современном виртуальном пространстве, поэтому они естественно оказались в эпицентре социологических исследований. В сетях социологи проводят опросы, анализируют страницы пользователей с помощью, прежде всего, традиционного социологического инструментария, частично адаптированного для исследования интернет-пространства. Однако, виртуальная реальность, как новая объектно-предметная область социологии, требует иную исследовательскую стратегию и методологию. В современной социологии всё шире применяются автоматизированные методы сбора информации о виртуальных социальных сетях, в том

числе системы мониторинга интернет-медиа, которые представляют собой программные продукты, предназначенные для фиксации и оценки по определённому критерию текстовых сообщений в глобальной сети [5, с. 7].

С помощью систем мониторинга интернет-медиа (YouScan, Brand Analytics, IQ Buzz, Kribrum и др.) изучается репутация компаний и персон, отношение интернет аудитории к событиям, коммуникация бренда с клиентами и т.д. Делается это с высокой скоростью обработки большого массива данных в режиме реального времени и с возможностью быстрой корректировки и перенастройки системы сбора информации [3, с. 24–25].

Системы автоматического мониторинга выявляют и структурируют упоминания об объекте исследования, их авторов и авторскую вовлечённость (среднее число сообщений от одного автора по этой теме), динамику тональностей сообщений. Многие системы мониторинга позволяют присваивать сообщениям теги – ключевое слово или набор ключевых слов, вводимых и используемых произвольно и самостоятельно для поиска и обработки информации [5, с. 4]. Теги проставляются в полуавтоматическом режиме и помогают группировать упоминания по темам. Системы мониторинга интернет-медиа автоматически составляют краткие формализованные аналитические отчеты, которые можно выгрузить и проанализировать.

Параметры автоматизированных систем мониторинга интернет-медиа настраиваются пользователем. В начале задаются условия поиска упоминаний объекта исследования. При этом используется специальный язык запросов. Каждая система имеет свой уникальный язык запросов для создания семантического ядра, которое представляет собой набор ключевых и «минус» слов, сигнализирующих системе фиксировать упоминание или оставлять его без внимания. Система мониторинга собирает информацию через взаимодействие с программным интерфейсом приложения (API) социальных сетей и с помощью краулеров (поисковых роботов) – специализированных программ, использующих графовую структуру Веба для перемещения по страницам веб сайтов [2, с. 3]. Каждый краулер собирает информацию в определённом сегменте виртуального пространства, сохраняет её для автоматического и ретроспективного анализа, составления отчетов [5, с. 9]. Информация анализируется системой по темам и отправляется в локальную базу, где всем сообщениям присваивается тональность – определённое эмоциональное отношение автора к предмету его высказывания. Тональность может быть «по-

зитивной», «негативной» и «нейтральной» [5, с. 5].

Однако, полная технологизированность такой системы сбора информации без участия человека приводит к искажению изучаемой объективно-предметной области в виду невозможности анализа аудио- и видеоконтента, файлов, изображений и низкой точности определения тональности сообщений. Поэтому для получения полного, точного знания об изучаемом объекте необходима антропологическая коррекция полученных машинным способом данных.

К настоящему времени накоплен некоторый опыт применения систем мониторинга интернет-медиа для исследования виртуальных социальных сетей. Так, например, система мониторинга интернет-медиа IQ Buzz применялась в исследовании обсуждаемости в блогосфере законопроекта реформы Российской академии наук 2013 г. Для получения необходимой информации был разработан лингвистический инструмент, включающий ключевые слова «реформа/реформирование/закон/законопроект» в сочетании со словами «госакадемии/ран/академии», встречающимися с шагом не более семи слов, с добавлением некоторых «минус-слов», выявленных на этапе выборочной проверки собранного массива сообщений. В результате удалось получить высокую релевантность отобранных сообщений по соответствующей теме [1, с. 35]. При помощи системы мониторинга IQ Buzz было обнаружено 61 112 упоминаний законопроекта реформы РАН в социальных сетях, форумах, блогах и на новостных порталах. Наиболее активно обсуждение проходило в Twitter (60,8 % от общего числа упоминаний), ВКонтакте (12,9 % от общего числа упоминаний) и Livejournal (9,4 % от общего числа упоминаний). Примечательно, что на четвертом месте по количеству упоминаний законопроекта реформы РАН оказался форум ученых новосибирского ака-

демгородка (1735 сообщений, 2,8%) [1, с. 35].

Система мониторинга IQ Buzz позволила графически представить темпораль-

ное распределение упоминаний в интернет-медиа законопроекта реформы РАН 2013 г.

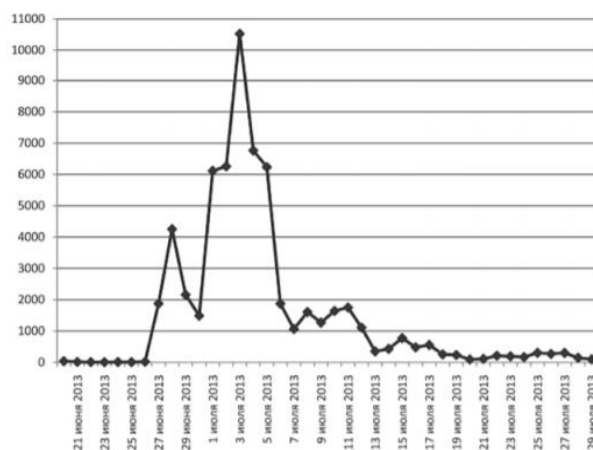

Рис. 1. Распределение частоты создания документов по датам сообщений

Кроме того, благодаря IQ Buzz была получена информация о территориальном позиционировании упоминаний в интернет-медиа законопроекта реформы РАН. Естественно и закономерно, что большинство авторов сообщений оказались из России. Около 1 тысячи упоминаний приходится на украинских авторов. Системой также обнаружены авторы упоминаний (около 200) из США и Канады [1, с. 36].

Таким образом, система мониторинга интернет-медиа IQ Buzz даёт возможность получать количественную информацию об объектно-предметной области исследования, представлять её динамически и графически.

Система мониторинга Brand Analytics использовалась для выявления индекса ковид-тревожности. Через Brand Analytics анализировалось более 20 млрд. сообщений от пользователей социальных медиа из России, Казахстана, Белоруссии, Армении, Украины и Молдовы. Из них ковиду посвящено более 200 млн. сообщений [6].

Данная система мониторинга позволила не только высчитать индекс «ковид-тревожности», измеряемый количеством упоминаний в социальных медиа темы вируса за день на каждые 10 тысяч населения страны, но и представить его динамику.

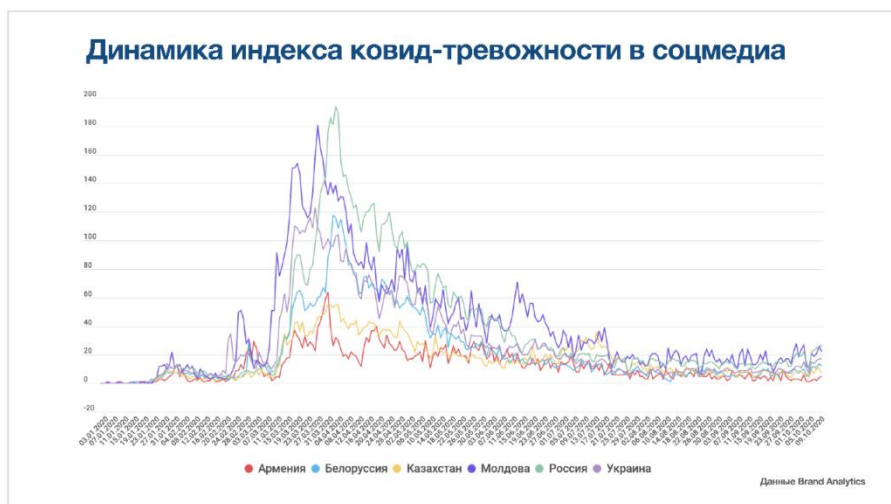

Рис. 2 Динамика индекса ковид-тревожности в социальных медиа [6].

Данные Brand Analytics вывели аналитиков на корреляцию между динамикой заболеваемости коронавирусом и динамикой

обсуждения этой темы в социальных медиа.

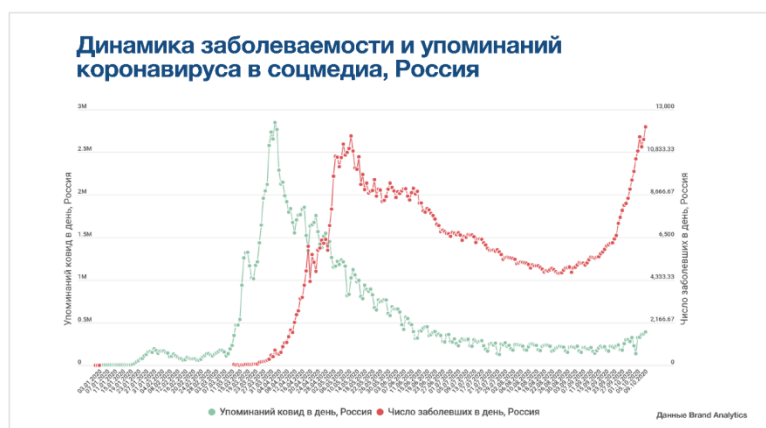

Рис. 3 Динамика заболеваемости и упоминания коронавируса в социальных медиа, Россия [6].

С помощью автоматизированной мониторинговой системы YouScan выявлялось отношение пользователей социальных сетей к криптовалюте: с января по июль 2017 года было проанализировано 3 миллиона упоминаний о криптовалютах в социаль-

ных сетях. YouScan дала динамику упоминаний, их территориальное и источниковое распределение. Кроме этого система YouScan индицировала тональность каждого упоминания о криптовалюте.

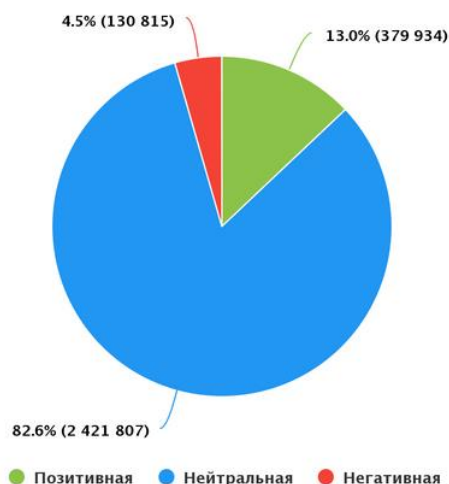

Рис. 4. Тональность упоминаний о криптовалюте [4].

Таким образом, системы мониторинга интернет-медиа становятся эффективным инструментом сбора первичной социологической информации о виртуальных социальных сетях.

Библиографический список

1. Биккулов А. С. Реформа РАН в зеркале обсуждений блогосферы: опыт применения инструментария мониторинга социальных медиа // Информационные ресурсы России. – 2013. – № 4.
2. Печников А. А. Разработка программы сбора данных о структуре веб-сайтов // Труды КарНЦ РАН. – Электрон. дан. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-programmy-sbora-dannyh-o-strukture-veb-saytov>.
3. Прохоров Н. А., Сидорин Д. А. Управление репутацией в интернете – М.: Издательский дом Университета «Синергия», 2017.
4. Рудый С. Золотая лихорадка XXI века: что говорят о криптовалютах в социальных сетях? // YouScan. – Электрон. дан. Режим доступа: <https://youscan.io/ru/blog/crypto>.
5. Система мониторинга и анализа в социальных медиа «Крибрум» // Крибрум. – Электрон. дан. Режим доступа: <https://www.kribrum.ru/pdf/>.
6. Черных В. Индекс ковид-тревожности социальных медиа в 2020 году: Россия, Украина, Казахстан, Белоруссия, Армения, Молдова. «Есть ли вторая волна обсуждений?» // Brand Analytics. – Электрон. дан. Режим доступа: <https://br-analytics.ru/blog/index-covid-social-media>.

© Ямщиков С. В.,
Иванов Э. С., 2021.

УДК 316.35

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК НОВАЯ УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

С. В. Ямщиков

Кандидат исторических наук, доцент,
ORCID 0000-0001-9059-1753,
e-mail: iiysv@yandex.ru,

М. П. Колечиц

магистрант,
e-mail: marikolechits@mail.ru,
Государственный университет «Дубна»,
г. Дубна, Московская область, Россия

GAMIFICATION AS A NEW MANAGEMENT TECHNOLOGY

S. V. Yamshchikov

Candidate of historical Sciences,
associate professor,
ORCID 0000-0001-9059-1753,
e-mail: iiysv@yandex.ru

M. P. Kolehchits

master's student,
e-mail: marikolechits@mail.ru,
Dubna state University,
Dubna, Moscow region, Russia

Abstract. The article reveals the essence of a new management technology – gamification, which is a set of measures aimed at improving intra-organizational management, complementing traditional management tools and serving the development of industrial, social and human capital. According to the authors, the practical applicability of gamification is likely to increase as representatives of generations Y and Z enter the labor market, the development of the digital economy and increasing requirements for the quality of the labor force.

Keywords: management technology; gamification; game; game technology; generation Y, generation Z, digital economy.

Новая цифровая реальность актуализирует человекоориентированную культуру организационного управления, предполагающую вовлечение персонала в деятельность компании, внедрение мотивационных механизмов высокопроизводительного труда, установление разумного баланса между личной жизнью сотрудников и их работой, обеспечение работникам комфортных условий труда и достойной его оплаты, организацию отдыха на рабочем месте, помощь сотрудникам в решении повседневных проблем, создание условий для самореализации и развития личностного потенциала работников. При этом важно учитывать поколенческо-возрастную дифференциацию работников по мировоззренческим установкам, ценностным ориентациям, личностно-психологическому профилю.

В структуре современных трудовых ресурсов происходит заметный сдвиг в сторону виртуализированного поколения Y [2, с. 113], для которого игра со всей её атрибутикой стала неотъемлемой частью повседневной жизни. Игровая погружённость представителей поколения Y делает необходимым применение в трудовом процессе новой управленческой технологии – геймификации.

Современный взрывной рост популярности геймификации объясняется не только поколенческим сдвигом в структуре трудовых ресурсов, но и расширением индустрии компьютерных игр, социальных сетей, совершенствованием и удешевлением информационных технологий, накопленным опытом геймификации крупных компаний, развитием краудсорсинговых проектов в современных организациях [4, с. 1929].

Геймификация – это «процесс применения игровых элементов и механизмов в неигровом контексте» [9, р. 23], «частичное включение игровых элементов в создание интерактивной системы взаимодействия без полноценной игры» [10, р. 12]. Цель этой инновационной управленческой технологии состоит в вовлечении работников и их мотивирование к труду через игровые практики.

Геймификация не создание игры, а перенос отдельных позитивных элементов и характеристик игры (цель, правила, обратная связь, свобода участия) в неигровую сферу. Для геймификации характерны игровой дизайн, игровые взаимодействия, динамика, эстетика, механика игры, формирование нового опыта [5, с. 442].

Геймификация используется как инструмент рекрутинга, адаптации, обучения, мотивирования, вовлечения персонала, как средство командообразования, развития корпоративной культуры, самореализации работников, визуализации их успехов и достижений. Совершенно недопустимо использование геймификации для негативных санкций, жестких соревнований, для «just for fun» («просто для веселья») [3, с. 118].

Для эффективного внедрения геймификационной управленческой технологии необходимо добровольное участие сотрудников, разделение игрового прогресса на уровни, обязательное вознаграждение за успехи, регулярное обновление контента, умеренная визуализация игрового процесса, право участника игры на ошибку, постоянная обратная связь, соответствие реальным задачам организации и ценностям корпоративного бренда [1, с. 29; 8, р. 48].

Одной из самых распространённых геймификационных практик управления персоналом является балльная система, с помощью которой стимулируется желательное и отсекается нежелательное поведение работников. Кроме того, как способ мониторинга и визуализации прогресса сотрудников используются уровни и до-

стижения, что способствует вовлеченности работника, демонстрирует его профессиональную квалификацию и повышает его авторитет.

Особой формой игрового взаимодействия выступают соревнования и конкурсы, в которых определяются лидеры и аутсайдеры. Это стимулирует команду или отдельного работника бросить вызов остальным.

Как игровая техника применяется рейтинговая таблица, сочетающая балльную и соревновательную системы. Она представляет собой ранжированный по убыванию список игроков. Одно наличие лидерборда зачастую вызывает желание играть, а простая цель восхождения на вершину служит мощным мотивом для продолжения игры. Но для новых, неадаптированных сотрудников балльно-рейтинговая соревновательная система может быть серьёзным демотиватором [7, с. 310].

Для превращения рабочей рутины в игровой процесс современные организации широко применяют бейджи, баллы эффективности, виртуальные и реальные награды, рейтинги и уровни достижений [14].

Максимальная отдача новой игровой технологии возможна при разумном сочетании и комбинировании «соревновательной», «победной», «эстетической» геймификации. Суть «соревновательной» геймификации, главная цель которой повышение эффективности профессиональной деятельности работников, состоит в организации и проведении конкурсов по проблемам и задачам компании. В «победной» геймификации, направленной, прежде всего, на создание положительного эмоционального фона в компании, заложен принцип win-win (выигрывают все). Поэтому сотрудники в игровом процессе заинтересованно решают бизнес-задачи или демонстрируют социально-одобряемое поведение, например, помогают коллегам или участвуют в проводимых социальных акциях. Все участники

игры становятся победителями, получая внутрикорпоративную «валюту», что способствует улучшению микроклимата в компании и сплочению коллектива. «Эстетическая» геймификация, предполагающая формирование корпоративной культуры, обеспечивает наглядное представление достижений каждого сотрудника, например, с помощью реальных и виртуальных досок почёта [6, с. 229].

Игровые механики с их максимальной прозрачностью, понятностью, интерактивностью продуктивно посредничают между руководством и сотрудником. Геймификация, воздействуя на личностные характеристики сотрудника, делает его вовлеченным и лояльным, раскрывает его творческий потенциал, определяет вектор его личностного и профессионального роста, даёт ему обратную связь с руководством. Объединяя сотрудников общей организационной целью, геймификация способствует сплоченности коллектива, качественной коммуникации, генерированию креативных подходов к решению производственных задач, усвоению работниками корпоративной культуры. Опыт геймификационных проектов показывает, что это эффективный управленческий инструмент, который одновременно приносит удовольствие от работы и не отвлекает от неё.

81 % опрошенных работодателей отметили, что игровые элементы способствуют вовлеченности персонала и тем самым повышают производительность и качество его работы [11]. Но, несмотря на это, практическое внедрение геймифицированных программ пока что не получило широкого распространения в бизнес-среде. Около 30 % работодателей считают, что геймификация ослабляет чувство ответственности, расслабляет и отвлекает работников от выполнения основных производственных задач [11]. Только 72 % опрошенных HR-руководителей и 49 % рядовых сотрудников компаний знакомы с геймификацией [13]. 21 % опрошенных HR-специалистов отметили, что в гейми-

фикации нет необходимости, 24 % – нет поддержки руководства, 17 % – нет ресурсов, 15 % – нет бюджета, 9 % – нет одобрения сотрудниками, 2 % – не рассматривали возможность применения геймификации, 1 % – планируют внедрить её в будущем [12].

Разработка и внедрение геймификационного проекта долгий, трудоемкий, финансово затратный процесс с отложенным на некоторое время результатом, в ходе которого могут возникать негативные побочные реакции: сопротивление сотрудников игровым техникам, развитие нездоровой конкуренции, приводящей к напряжённым внутриорганизационным отношениям и др.

Стратегия и тактика внедрения геймификации зависит от отраслевой принадлежности компании, её корпоративной культуры и организационной структуры, социально-психологического климата в коллективе, поколенческо-возрастной дифференциации персонала. Для разработки и продвижения игровых проектов необходимы компетентные специалисты, знающие возможности и понимающие ограничения геймификации в управленческой практике, обладающие навыками решения возникающих организационных проблем при внедрении новых управленческих технологий. Геймификационный промоутер должен быть готов к преодолению неприятия и сопротивляемости персонала инновационной управленческой практике, к объективной оценке рисков и последствий её внедрения для компании [5, с. 457].

Таким образом, геймификация представляет комплекс мероприятий, направленных на совершенствование внутриорганизационного управления и дополняющих традиционные управленческие инструменты. Геймификация может служить развитию производственного, социального и человеческого капитала. Её практическая применимость, вероятно, будет возрастать по мере вхождения на рынок труда представителей поколений Y и Z, раз-

вития цифровой экономики и повышения требований к качеству рабочей силы.

Библиографический список

1. Годван, Д. Ф. Геймификация. Применение игровых систем в бизнесе // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2019. – № 2. – С. 28–31.
2. Дэвис К. М., Пазухина Е. М. Финансовые, карьерные и профессиональные аспекты мотивации нового поколения врачей в России // Финансовый журнал. – 2019. – № 1. – С. 110–132.
3. Любко Е. О. Легкая геймификация в управлении персоналом. – М.: Издательские решения, 2018. – 280 с.
4. Маркеева А. В. Геймификация как инструмент управления персоналом современной организации // Российское предпринимательство. – 2015. – № 12. – С. 1923–1936.
5. Маркеева А. В. Дискуссионные вопросы развития и применения геймификации в управлении персоналом современной организации // Лидерство и менеджмент. – 2020. – № 3. – С. 439–458.
6. Мельничук Ю. А., Вексель Я. П. Геймификация как метод повышения мотивации персонала // Экспертное мнение. – 2017. – № 2. – С. 228–232.
7. Ребров А. В., Черкасов А. Ю. Геймификация и автоматизация KPI: очередная управленческая мода или новые методы стимулирования? // Российский журнал менеджмента. – 2017. – № 15 (3). – С. 303–326.
8. Gupta A., Gomathi S. A review on gamification and its potential to motivate and engage employees and customers: employee engagement through gamification // International Journal of Sociotechnology and Knowledge Development. – 2017. – № 9 (1). – P. 42–53.
9. Werbach, K., Hunter D. For the win: how game thinking can revolutionize your business. – Texas: Wharton digital press, 2012. – 148 p.
10. Zichermann G., Linder J. The gamification revolution: how leaders leverage game mechanics to crush the competition. – N. Y. : McGraw hill education, 2013. – 235 p.
11. Исследование «работа – не игрушка! Опыт применения метода игрофикации в рабочих процессах российских компаний». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imperia.ru/> (дата обращения: 18.12.2020)
12. IT-технологии в сфере HR: исследование HAYS. [Электронный ресурс]. URL: <https://hays.ru/res/> (дата обращения: 19.12.2020)
13. Что нужно знать о геймификации: исследование Shiva-Marketing [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/opinion/chto-nuzhno-znat-ogeymifikacii/> (дата обращения: 17.12.2020)
14. TalentLMS's 2019 Gamification. Survey. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.talentlms.com/blog/gamification-survey-results/> (дата обращения: 18.12.2020)

© Ямищиков С. В.,
Колечиц М. П., 2021.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Материалы представляются в электронном виде на e-mail: **sociosphere@yandex.ru**. Каждая статья должна иметь УДК. Формат страницы А4 (210x297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, e-mail, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке, e-mail. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация на английском (600–800 знаков) и ключевые слова (5–10) на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в списке перечисляются в алфавитном порядке, од-

ному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 6–15 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Авторы, не имеющие ученой степени, предоставляют отзыв научного руководителя или выписку заседания кафедры о рекомендации статьи к публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид СФ-ФИО, например: **СФ-Петров ИВ** или **SF-German P**. Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

ORCID

Домашний адрес с индексом

Сотовый телефон

E-mail

Необходимое количество печатных экземпляров

RULES FOR AUTHORS

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosfera@seznam.cz. Page format: A4 (210x297mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (600–800 characters) and a list of key words (5–10) in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes

after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–15 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume. The name of the file should be given in Russian letters and consists of the conference code and initials and family name of the first author, for example: SF-German P. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example SF -German P receipt.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

Information about the authors

Family name, first name

Title, specialization

Place of employment

Position

ORCID

Contact address (with postal code)

Mobile phone number

E-mail

The required number of printed copies

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2021 ГОДУ**

Дата	Название
15–16 марта 2021 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2021 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2021 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2021 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2021 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
10–11 апреля 2021 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2021 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
18–19 апреля 2021 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования
20–21 апреля 2021 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2021 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2021 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2021 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2021 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
10–11 мая 2021 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2021 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2021 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2021 г.	Текст. Произведение. Читатель
25–26 мая 2021 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2021 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
10–11 сентября 2021 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2021 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2021 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2021 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2021 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2021 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
12–13 октября 2020 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2021 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2021 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2021 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2021 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2021 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2021 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2021 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
7–8 ноября 2021 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления

15–16 ноября 2021 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2021 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2021 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2021 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2021 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2021 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor	• Global Impact Factor – 1,721, • РИНЦ – 0,075
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия)	• Global Impact Factor – 0,915

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Научно-методический и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

Главный редактор Б. А. Дорошин

№ 1, 2021

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, цифр, цитат, статистических данных, имен собственных и прочих сведений.

Мнения, выраженные в данном издании, являются авторскими и не обязательно отражают мнение редакции журнала.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

Opinions expressed in this publication are those of the authors and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.

Электронная версия номера размещена
на сайте журнала <http://sociosphera.com/sociosphere>

Редактор – Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет – И. Г. Балашова

Подписано в печать 11.03.2021. Формат 60х84/8. Бумага писчая белая.
Усл.-печ. л. 11,4. Тираж 100 экз.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
440026, Россия, г. Пенза, ул. Мира, д. 35
Тел. (8412)21-68-14
веб-сайт: <http://sociosphera.com>,
e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004, г. Саратов,
ул. им. Н. Г. Чернышевского, д. 88, литера У. Тел. (8452)24-85-33

СРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ МОНОГРАФИЙ И ДРУГИХ КНИГ

*Два места издания Чехия или Россия.
В выходных данных издания
будет значиться*

**Прага: Vědecko vydavatelské
centrum "Sociosféra-CZ"**

или

**Пенза: Научно-издательский
центр "Социосфера"**

РАССЧИТАТЬ СТОИМОСТЬ

- Корректурa текста
- Изготовление оригинал-макета
- Дизайн обложки
- Присвоение ISBN

У НАС ДЕШЕВЛЕ

- Печать тиража в типографии
- Обязательная рассылка
- Отсудка тиража автору